

"The beginning of Armentrout's new Lux series is a thrilling ride from start to finish... guaranteed to hold your attention and have you begging for more." - Romantic Times "Top Pick"

A LUX NOVELLA

SHADOWS

His love will destroy them all...

Bestselling Author
JENNIFER L. ARMENTROUT

Annotation

Последнее, чего хотел Доусон Блэк, была Бетани Уильямс. Для Лаксена, инопланетной формы: жизнь на Земле, человеческие девушки... всего лишь, забава. И так как Лаксены должны держать свою истинную сущность в строжайшем секрете, влюбиться было бы безумием. Опасно. Заманчиво. Бесспорно. Бетани не может отрицать возникшую связь между ней и Доусоном. И, хотя парни это не та проблема, которая ее волнует, Бетани не может держаться от него подальше. Тем не менее, всякий раз, когда они встречаются глазами, она пропадает. Очарованные. Соблазненные. Любимые. Доусон хранит тайну, которая может изменить ее жизнь... поставить ее под угрозу. Но, даже он не может прекратить рисковать всем ради одной человеческой девчонки. Он не может убежать от судьбы, столь же неизбежной, как сама любовь. Предыстория Обсидиана. Номер в серии: 0, 5.

- [Дженифер Арментроу](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Дженифер Арментроу
Тени

Пролог

Тень скользила по заснеженным холмам слишком быстро, ничто на Земле не могло отбрасывать такую тень. И то, что тень двигалась сама по себе, было верным признаком того, что она собой представляла и куда направлялась. А именно, прямо на Доусона Блэка.

Вот черт!

Аэрум.

Просто подумав о нем, Доусон словно почувствовал металлический привкус во рту.

Эти ублюдки пришли за ним, словно наркоманы за дозой. Они всегда приходили вчетвером. Вчера ночью он уже убил одного, так что их осталось лишь трое, и сейчас один из них направлялся прямо к нему.

Доусон встал и размял мышцы. Потом отряхнул с джинсов снег. В этот раз Аэрум подошел слишком близко к их дому. Скалы должны были защищать их, скрывать ту силу, которая отличала их от людей. Но Аэрум нашел их. Всего пара сотен метров отделяла Аэрума от того, что Доусон поклялся защитить даже ценой собственной жизни. Да плевать он хотел! Нужно что-то делать. Например, убить еще двух, тогда последний будет не опасней ребенка. Они хотели поиграть? Неважно, пусть приходят.

Он начал идти к центру пустоши, навстречу пронизывающему ветру. Он вспомнил, как стоял на вершине горы Сенека и смотрел на долину внизу. Там тоже всегда чертовски холодно.

Сузив глаза, он начал считать до десяти. На пяти, он закрыл глаза и позволил человеческому облику исчезнуть. Теперь он был источником чистой энергии — светом, столь ярким, что мог ослепить. Принимая свою истинную форму, он словно снимал с себя слишком узкую одежду. Свобода — не совсем, конечно, свободными они точно не были — но некое ее подобие.

Когда он увидел первого Аэрума, тот уже пересек вершину и двигался все быстрее, словно пуля, выпущенная прямо в голову. Доусон выжидал до последнего момента, а затем резко метнулся в

сторону, удаляясь от врага, который так жаждал заполучить его силу. И не удивительно. Его сила была сравни ядерной бомбе. Неосторожное движение и она взорвется.

Он выстрелил частью этой энергии в Аэрума, попав ему в плечо. Когда Аэрум принимал свою истинную форму, он был просто тенью, с некими очертаниями рук и ног. Однако удар поразил цель.

Аэрума развернуло, и он выстрелил чем-то напоминающим стрелу, но тоже состоящую из тьмы. Доусон увернулся от удара. Их удары не были слишком сильны. Скорее, как взрывчатка. Доставляет неприятности, но не достаточно сильно, чтобы убить Лаксена. Но Аэрумы убивали по-другому.

— Сдавайся, парень, — дразнил Аэрум, поднимаясь в ночное небо. — Тебе меня не победить. Я обещаю, ты будешь ссстрадать, — шипел он.

Доусон представлял себе, как все кончится, если он проиграет. Его смерть будет мучительной. Как и сестра Доусона, вздумай тот съесть последнее мороженое в доме.

Мчась по поляне, он один за другим посылал в Аэрума молнии из света. Попадая и промахиваясь. Это чертово существо отлично замаскировалась среди деревьев.

Ну, у него для этого был план.

Подняв руки со светящейся стрелой, он улыбнулся, когда затряслись деревья. Грохот повторялся вновь и вновь, проносясь по долине, и когда деревья ломались, освобождался грунт.

Раскинув широко руки, Доусон отбросил деревья назад, разоблачая ублюдка.

Попался, он выстрелил в спину.

Он выпустил еще один сильный толчок, который промчавшись между ними, ударил Аэрума в грудь.

Падая с неба, как торпеда, Аэрум возвращался к земле, вспыхивая и исчезая в его естественной форме. Доусон увидел кожаные штаны и рассмеялся. Это слабое оправдание для врага, раздетого как один из жителей села.

Он приземлился в неровной куче на расстояние нескольких футов, подергиваясь пару секунд, и затем ещё раз перешел. Его

истинная форма была огромна. Около девяти футов длинной, напоминая каплю. И пах он... как металл? Холодный, острый металл.

Странно.

Прежде, чем отправится домой, Доусон подошел, чтобы удостовериться, что Аэрум мертв. Было уже поздно. А завтра еще в школу. Чтоб ее.

Аэрум поднялся. Попался.

И мужчина получил по заслугам.

Секунду спустя, Аэрум повис на нем, как обезьяна. Иисус. На мгновение, Доусон потерял свою форму и вернулся в поношенные джинсы и легкий свитер. Черные руки закрыли его глаза, когда тень скользнула по земле с угрожающей скоростью. Толстые щупальца отделились от тени и ударили Доусона прямо в живот.

Он кричал первый раз в своей жизни. Было действительно больно.

Как спичка, брошенная в контейнер с бензином, огонь пронесся по его телу, поскольку Аэрум истощал его. Его свет — сама сущность — дико мерцала, бросая беловато-синий ореол на голые ветки над головой. Он не мог держать свою форму.

Человек. Лаксен. Человек. Лаксен. Боль...все это было его существом. Аэрум долго вытягивал из Доусона силу, пробираясь до самой сердцевины.

Он умирал.

Умереть прежде, чем он действительно добрался до возможности увидеть этот человеческий мир и попробовать без всех правил, мешающих ему. Умереть прежде, чем он узнал, что такое любовь. И какова она на вкус.

Это было так несправедливо.

Черт возьми, если у него получится выбраться отсюда живым, то он собирается по-настоящему жить. Да пошло все. Он будет жить.

Спина Доусона уже касалась земли, а Аэрум продолжал высасывать его силы. Его широко распахнутые глаза ничего не видели. Тогда, более быстрый яркий свет, который горел беловато-красным светом, осветил весь его мир, стреляющих среди все тех же

неподвижных деревьев, бегущего к ним, даже быстрее чем звук,

Брат.

Повернувшись назад, Аэрум попытался взять его в человеческой форме. Так, как он был в своей первоначальной форме, он был уязвим, и у него не было шансов.

Доусон мог бы поспорить, что Аэрум знал имя брата и шептал его в страхе. Доусон закашлялся сухим кашлем. Его брат хотел этого.

Белый свет врезался в темную фигуру, отбрасывая Аэрума на несколько метров. Деревья дрожали, и земля вращалась, бросая его туда — сюда, словно он был грудой мягких носков. И свет взял боевую позицию перед ним, защитную, готовый отдать свою жизнь за жизнь семьи.

Полоса из светящихся стрел, перелетела от Доусона точно в Аэрума.

Пронзительный вопль прорезал небо. Предсмертный крик. Боже, он ненавидел этот крик. Он немного подождал прежде, чем подойти к Аэруму. Под ним была какая-то жидкость.

Поскольку иссушение уже закончилось, то чувства уже возвращались к его конечностям. Отголоски боли уже распространились от ног к его груди. Не поднимаясь, он все ещё продолжал мерцать. Краем глаза, он видел, как его брат схватил Аэрума и затем принял человеческую форму. Смелый. Он убил Аэрума вручную. Показуха.

И он это сделал. Вытащив нож из обсидиана, он бросился на Аэрума, сказав при этом что-то угрожающим тоном, прежде, чем лезвие оказалось глубоко в животе.

Бульканье отрезал другой вопль.

Когда Аэрум начал распадаться на дымчатые, темные частицы, Доусон сконцентрировался на том, кем он был. Прикрыв глаза, которых на самом деле не было видно в его истинном обличье, он преобразовался в свою человеческую форму. Парень был настолько сильно привязан к своему телу, что ему должно было быть стыдно перед Лаксенами, но почему-то не было.

— Доусон? — позвал брат, а затем развернулся и бросился в его сторону. — Ты в порядке, парень?

— Бывало и лучше.

— Боже. Никогда не пугай меня так снова. Я думал... — Деймон замолчал, перетащив свои пальцы себе в волосы. — Я имею в виду это. Никогда не пугай меня так снова.

На дрожащих ногах, Доусон поднялся с земли без посторонней помощи, качаясь немного влево. Он посмотрел в глаза, которые были идентичны своим. Нет необходимости в каких-либо словах. Нет необходимости благодарить.

И никогда не было.

Зевая, ученики входили в класс, до сих пор пытаясь прогнать сон. Растаявший снег капал с их парок^[1], объединяясь в лужицы на потертом полу. Доусон вытянул длинные ноги, подперевшись ими об пустое место перед ним. Лениво почесывая подбородок, он наблюдал за той частью комнаты, где прогуливалась Леса, корча рожицы Кимми, волосы которой выглядели ужасно из-за снега.

— Это же просто снег, — говорила Леса, закатывая глаза, — Он тебя не ранит.

С помощью рук, Кимми старалась привести свои светлые волосы в порядок.

— Он тает как сахар.

— Ага, и плавает как дерьмо, — Леса заняла свое рабочее место, доставая домашнее задание по английскому, которое сделала прошлой ночью.

Сзади послышалось глубокое, низкое, хихиканье, и Доусон тоже ухмыльнулся. Эта девочка его крайне забавляла.

Как по щелчку, Кимми метнулась к своему месту, изучая Доусона глазами, словно планировала съесть его на обед. Парень вернул ей натянутую улыбку, хотя понимал, что ему стоит ее просто проигнорировать. Для Кимми любой оказанный знак внимания был приятным, особенно с тех пор, как она порвала с Саймоном.

Или это Саймон порвал с ней?

Черт, если бы он знал или действительно бы заботился об этом, а он не заботился, то тогда бы он ее проигнорировал. Разместив свою сумку с зебровым принтом, Кимми продолжала улыбаться парню еще целых десять секунд, прежде чем отвернуться.

Он передернул плечами, хорошо то, что он приставал только визуально, но это был не лучший способ.

Смех повторился, и затем он услышал голос, достаточно тихий для того, чтобы слышал только он.

— Бабник, бабник.

Заведя руку назад, он ударил в лицо брата, как только тот усмехнулся.

— Заткнись, Деймон.

Брат отвел его руки от своего лица.

— Не люблю подобные игры...

Доусон покачал головой, все еще слегка улыбаясь. Большинство, в основном люди, не понимали Деймона, равно как его и их сестру. Очень немногие могли заставить его смеяться, как это удавалось делать Деймону. И еще меньше было тех, кто столько же его раздражал. Но если бы Доусон когда-либо и в чем-либо нуждался, или если где-нибудь поблизости появился Арум, Деймон повел бы себя, как настоящий человек.

Или Лаксен. Неважно.

Дородный, пожилой мужчина прогуливался по классу, сжимая в руках стопку бумаг, которая ясно давала понять о том, что сейчас будет контрольная работа. Хор стонов пропутешествовал по классу, за исключением голосов Деймона и Доусона. Они знали, что получают свою оценку без особых усилий.

Вздыхнув, Доусон взял ручку, качая ее между длинными пальцами. Вторник уже обещает быть еще одним долгим скучным днем в классах. Он предпочел бы быть на улице, на пешей прогулке в лесу, несмотря на холодный снег и жестокий холод. Хотя, его отвращение к школе было не настолько сильным, как у Деймона. Некоторые дни были хуже, чем другие, но Доусон обнаружил, что его одноклассники делают опыт более терпимым. Подобно его сестре, он был человеком, скрытым в чужом теле.

Он ухмыльнулся.

За пару секунд до того, как прозвучал звонок, в класс поспешно вошла девушка, держа в руке желтую бумажку. Доусон сразу понял, что этот цыпленок не из здешних мест. Дело в том, что на ней был свитер, а не тяжелый жакет, в то время как на улице было ниже тридцати градусов. Его взгляд скользнул ниже по ее ногам — действительно хорошеньким, длинным и соблазнительный — к тонким сандалиям.

Да, она точно была не из здешних мест.

Отдав бумаги преподавателю, она приподняла свой острый подбородок, осматривая полностью класс.

Ноги Доусана стукнулись об пол с громким, тяжелым ударом.

Святое дерьмо, она была... она была прекрасна.

Он точно знал, что она прекрасна. Его народ выиграл генетическую рулетку, когда они приняли человеческие формы, но миниатюрная внешность этой девушки была абсолютным совершенством. Волосы шоколадного цвета скользили по ее плечам, потому что она до сих пор осматривала класс. Ее кожа сияла, словно много времени находилась на солнце. Хорошо ухоженные брови выделяли глаза, обрамленные тяжелыми ресницами. Теплый карий взгляд соединился с его, а затем сместился немного в сторону, что привело к морганию, как будто девушка пыталась избавиться от видения.

Так случалось всякий раз, когда кто-то впервые видел его вместе с Деймоном. Они были идентичны, в конце концов. Черные волнистые волосы, телосложение как у пловцов, и оба были выше шести футов. У них было одинаково все: широкие скулы, полные губы и чрезвычайно яркие зеленые глаза. Никто не мог их отличить, кроме их собственного народа. Подобный факт оба парня любили использовать в своих интересах.

Доусон сжал зубы, пока челюсть не заболела.

Впервые за все время он желал, чтобы не существовало ее копии. Чтобы не было кого-то, кто выглядел как он — действительно как он, а не как отражение в зеркале. И это была совершенно неожиданная реакция.

Но потом ее взгляд нашел его глаза снова и девушка улыбнулась.

Вдруг ручка выскользнула из его вялых пальцами, покатилась по столу, и с грохотом упала на пол. Тепло залило его щеки, но собственные губы ответили, и в этой реакции не было ничего поддельного или вынужденного.

Деймон ухмыльнулся, наступая кроссовками на ручку, когда Доусон наклонился, чтобы ее поднять. Смущенный до энной степени, парень с силой выдернул свою ручку из-под обуви брата.

Мистер Паттерсон что-то сказал девушке, привлекая ее внимание, и она засмеялась. Чувствуя, как хриловатый звук

пробирает его до самых пальцев, Доусон выпрямился на стуле. Колочее чувство распространилось по его коже.

Так как зазвенел звонок, девушка направилась прямо к месту перед ним. К черту пешую прогулку по снегу. Этот вторник вовсе не будет таким скучным, как все предыдущие.

Она начала рыться в сумочке в поисках ручки, догадался он. Часть его знала, что это прекрасный повод, чтобы сломать лед. Он мог бы просто предложить ей ручку, поздороваться и все. Но он был словно приморожен к стулу, разрываясь между желанием наклониться вперед, чтобы узнать, какими духами она пользовалась, и нежеланием выглядеть полным идиотом.

Он твердо держал свою задницу на стуле.

И... начал смотреть на шоколадные пряди ее волос, которые упали на спинку сиденья.

Доусон почесал шею, передернул плечами. Как ее зовут? И почему, черт возьми, он так интересуется? Это был не первый раз, когда ему понравилась человеческая девушка. Черт, многие из их вида переключились на его народ, потому что мужчины превосходили женщин как два к одному. И у него были отношения. Даже у его супер-закомплексованного брата была то бывшая, то настоящая подруга, но все же...

Оглянувшись через плечо, она глянула сквозь ресницы и встретила с ним взглядом.

С ним случилась странная вещь. Доусон почувствовал, как целые годы просто отделились. Годы движения, приобретения и потери друзей. Он был тем, кто выжил, и существовал, заботясь о тех, кто пострадал от рук Арумов или МО^[2]. Годы попыток вписаться в жизнь людей, но так никогда и не стать одним из них. Все это просто... ушло.

Ошеломленный внезапным пониманием, все, что он мог сделать, это просто уставиться на нее. Уставиться как долбанный идиот. Но она смотрела назад.

Новенькая сместила взгляд, а потом эти теплые глаза цвета виски вернулась обратно к нему. Уголки ее губ растянулись в легкой улыбке, а затем она снова повернулась лицом к классу.

Деймон откашлялся и передвинул свою парту ближе. Парень,

понизив голос, требовательно спросил:

— О чем ты думаешь?

В большинстве случаев, Деймон знал, о чем думаем его брат. Так же, как и Ди. Они были тройняшками, которые были более близки между собой, чем остальные Лаксены. Но сейчас Доусон не сомневался, что Деймон понятия не имел, о чем он думает. Потому что если бы знал, то обязательно бы свалился со своего стула.

Доусон выдохнул.

— Ни о чем. Я ни о чем не думаю.

— Ну, конечно, — произнес его брат, возвращаясь на свое место, — это то, о чем я подумал.

* * *

После того, как прозвенел звонок, Бетани Уильямс собрала сумку и направилась в коридор, чтобы не торчать в классе. Быть новенькой ужасно. Нет друзей, с которым ты можешь пообщаться или пройтись до следующего класса. Незнакомцы окружили ее, учитывая, что она жила в чужом доме, и часто видела своего дядю, который тоже был ей совершенно незнаком.

И ей нужно найти следующий класс. Опустив взгляд ниже, ее глаза стали изучать цветную распечатку. Класс 20... 3? Или это было 208? Просто чудесно. Западная Вирджиния — это место, где умирают принтеры.

Закинув сумку на плече, она спряталась возле группы девочек, которые стояли возле класса английского. Понятное дело, что они ждали невероятно горячий дуэт, который должен был выйти из класса. Боже мой, она жила в штате Невада всю свою жизнь и ни разу не видел никого, кто выглядел бы, как они, не говоря уже о двух таких.

Кто же знал, что Западная Вирджиния скрывала таких горячих парней?

И эти глаза, они были просто... вау. Яркие, чисто зеленые, что напоминало свежую траву весной. Эти гляделки были чем-то большим.

Если бы она знала об этом раньше, то, черт, давно бы попросила своих родителей переехать сюда всего лишь ради этих сладких глаз. Стыд отрезал подобный ход мыслей. Ее семья была здесь, потому что дядя был болен, и потому что это было правильной вещью, находится в этом месте, а не...

— Эй, постой.

Мурашки прокатились по позвоночнику от незнакомого глубокого тембра голоса парня, и она замедлилась, оглядываясь через плечо. А затем резко остановилась.

Это была часть того невероятного горячего дуэта. Он ведь позвал ее, да? Потому что он смотрел прямо на нее, улыбаясь губами, нижняя часть которых была немного полнее, что выглядело слишком совершенно.

Неожиданно в ней появилось желание разрисовать его лицо новыми масляными красками, которые купила ей мама. Отрезав мысль, она заставила свой мозг работать.

— Привет, — пропищала она. Горячий, очень горячий...

Парень улыбнулся, и слабый трепет коснулся ее грудной клетки.

— Я хотел бы представиться, — сказал он, догоняя ее. — Меня зовут Доусон Блэк. Я..

— Ты один из близнецов, который сидит сзади меня на английском.

Удивление отразилось на его лице.

— Откуда ты знаешь? Большинство не может различить нас.

— Твоя улыбка, — вспыхнув, она захотела ударить себя. Твоя улыбка? Вау. Она быстро посмотрела на свое расписание, понимая, что должна была пойти на второй этаж.

— Я имею в виду, что другой не улыбался вообще, впрочем, как и весь класс.

Он усмехнулся от этой фразы.

— Да, он переживает, что улыбка даст ему преждевременные морщины.

Беттани засмеялась. Веселый и милый? То, что надо.

— А ты не беспокоишься?

— О, нет, я планирую стареть изящно. Жду этого с нетерпением, — его улыбка была легкой, заставляя светиться глаза, которые и так казались нереальными. Наверное, он носил контактные линзы. Тем времени, Доусон продолжил разговор, — "Кокон" это мой любимый фильм, на самом деле.

— "Кокон"? — она непроизвольно засмеялась, от чего улыбка парня стала еще больше. — Мне кажется, что моя пра-пра-пра-прабабушка была фанаткой этого фильма.

— Мне кажется, мне бы понравилась твоя пра-пра-пра-прабабушка. У нее отличный вкус, — обойдя девушку, Доусон открыл одну из тяжелых двойных дверей.

Ученики тут же поменяли направление, как если бы...

— Ты не можешь с этим поспорить. Вечная молодость. Инопланетяне. Блестящие вещи на дне бассейна.

— "Люди в коконе?" — добавила она, ныряя под его руку — отличную, строго очерченную руку, которая натянула материал свитера. Чувствуя, как щеки покрываются румянцем, она быстро отвела взгляд в сторону и направилась вверх по лестнице.

— Ну, ты, оказывается, большой знаток золотого фонда кинематографии?

Она почувствовала, как он пожал плечами. На широкой лестнице, где слабо пахло плесенью и грязными носками, он находился справа, на ее стороне, оставляя небольшое пространство для людей, желающих их обойти.

Доусон посмотрел через плечо, когда они достигли лестничной площадки.

— Какой класс у тебя дальше?

Посмотрев на список, она поморщила нос.

— Эм... класс истории...

Он выхватил бумажку из ее руки, быстро просматривая расписание.

— Класс 208. Это твой счастливый день.

Учитывая, с каким парнем ей пришлось сегодня разговаривать, она собиралась согласиться.

— Почему это?

— Две вещи, — сказал он, отдавая расписание обратно. — У нас есть искусство, а затем последний урок — тренажерный зал. Вместе. Или, это, может быть, просто мой счастливый день.

Невероятно горячий. Забавный. И знал все правильные вещи, которые следует говорить? Высший бал. Он приоткрыл для нее дверь, и она добавила "джентльмен" в список. Закусив губу, девушка думала, что сказать.

Наконец, Беттани спросила.

— Какой класс у тебя дальше?

— Наука. На первом этаже.

Ее брови взлетели вверх, когда она посмотрела по сторонам. Как и ожидалось, люди определенно наблюдали за ними. В основном девушки.

— Тогда, почему ты на втором этаже?

— Потому что мне захотелось, — он сказал это, как ни в чем не бывало. Так, что у нее сложилось впечатление, будто бы у него была привычка делать все, что он хотел на регулярной основе.

Его глаза встретились с ее и задержались. Что-то в его взгляда заставило ее понять, что лучше быть более бдительной во всем, что касалось этого незнакомца. В момент прояснения она поняла, что ее мама, только взглянув на парня по типу Доусона, мигом бы отправила ее в школу для девочек. Мальчики, как он, обычно оставляют за собой след из разбитых сердец, сравнимый длиной с Миссисипи. И она должна бежать в класс, который находился неподалеку, так быстро, как только могла, потому что последнее, что хотелось Беттани, так это разбитого сердца.

Но она просто стояла, не двигаясь. Они оба замерли. Это... это было так интенсивно. Больше, чем когда она впервые поцеловалась с парнем. Она чувствовала себя в ловушке, хотя они даже не касались друг друга. Она даже толком его не знала

Нуждаясь в пространстве, она шагнула в сторону, сглотнув. Да, больше пространства было хорошей идеей. Но его

сконцентрированный пристальный взгляд все еще достигал ее из-под густых ресниц.

Не разрывая зрительного контакта, он указал на дверь через плечо.

— Это класс 208.

Хорошо. Нужно что-то сказать или кивнуть, идиотка. Определенным образом, она точно здесь не произвела хорошего впечатления. Но то, что она произнесла дальше, было еще хуже.

— Твои глаза настоящие?

Ой, черт, немного неловко?

Доусон моргнул, как будто вопрос удивил его. Как, не так ли? Когда-то же люди должны были спросить его. Она никогда не видела таких глаз, как у этих близнецов.

— Да, — протянул он. — Они настоящие.

— Оу... ну, они действительно красивые, — тепло прокатилась по ее щекам. — Я имею в виду, что они прекрасные, — прекрасные? Ей нужно перестать говорить прямо сейчас. Его улыбка сразу вернулась обратно в полном объеме. Ей это нравилось. — Спасибо, — он склонил голову немного набок. — Так... ты собираешься оставить меня в подвешенном состоянии?

Краем глаза она заметила высокого блондина, который выглядел так, будто только что сошел со страниц молодежного журнала. Он заметил Доусона и резко остановился, в результате чего, другой парень врезался ему в спину. С полуулыбкой, высокий незнакомец принес извинения, не спуская глаз с Доусона. Они были синими, как васильки. Беттани даже не могла надеяться запечатлеть их при помощи своих красок. Так же она в равной степени была уверена, что не смогла бы воспроизвести на холсте и глаза Доусона.

— А? — сказала она, сосредоточившись на Доусоне.

— Твое имя? Ты мне еще не сказала, как тебя зовут.

— Елизабет, но все меня зовут Беттани.

— Элизабет, — он повторил ее имя, словно пробовал на вкус звучание, — Беттани — это твоя фамилия?

Тепло подкралось к шее, в тот момент, когда она схватила сумку

за ремень.

— Уильямс. Моя фамилия Уильямс.

— Ну, что ж, Беттани Уильямс, на этом моменте я должен покинуть тебя, — господи, он звучал искренне встревожено, — пока что.

— Спасибо.

— Не стоит, — когда он отошел от нее, его глаза блеснули под светом. Ослепительно. — Мы еще увидимся в ближайшее время. Я в этом уверен.

Все дороги в пригороде Петербурга выглядели одинаково для Бетани. Три раза она пропустила поворот к своему новому месту жительства: старый дом, который был переделан так, чтобы в нем было возможно жить. Сама дорога была полностью окружена деревьями, и лишь изредка можно было увидеть белые столбы. Будучи привыкшей к пригородам Америки, у Бетани был свой способ, как найти выход из сложившейся ситуации. Но даже сейчас GPS в ее автомобиле прекратил пищать еще несколько миль назад.

Фу.

И спасибо, Господи, за целую цепочку сугробов. Потому что это точно не упрощало жизнь ее Седану, который и так с трудом мог подниматься наверх или спускаться вниз к старому дому по гравийной дороге. Но местность была великолепной: заснеженные горы, густые деревья вязов и раскатистые белые холмы. Пальцы Бетани так и чесались воспроизвести все это на своем холсте.

Хотя ее пальцы постоянно чесались, чтобы что-то сделать. Даже то, чего делать она не обязана. Например, сильно навязчивая идея нарисовать лицо одного парня. О Боже, а что, если ее мама снова решит посмотреть на картины? Ее просто insult схватит.

Замороженные капли дождя ударились об лицо Бетани, когда она вышла из машины и чуть ли не упала на свою задницу, огибая Порше ее дяди. У врачей отличная зарплата.

Детский смех и аромат сахарного печенья приветливо встретил Бетани у самого входа в дом, когда она кинула сумку на пол в прихожей. Девушка стряхнула с себя снег, прежде чем войти в помещение полностью.

— Бетани? — послышался голос мамы, словно пожарная тревога, чертовски громкая пожарная тревога. — Сними обувь!

Закатив глаза, Бетани стянула с себя туфли и положила их так, чтобы кончики касались края ковра. Ха. Получай, мам. Счастливая, за столь мелкую попытку противостоять правилам, девушка пошла в кухню, следуя за приятным запахом, который был достоин премии Food Network^[3]

Мама любит готовить. Убирать. А так же не спускать глаз со своей дочери. Стоит лишь взглянуть на женщину, чтобы понять причину ястребиного взгляда, который постоянно направлен на Бет.

Джейн Уильямс выглядела очень молодо. Дело в том, что, как и большинство молодежи, она была неосторожна, поэтому забеременела в шестнадцать лет. Бетани никогда не видела своего биологического отца и, по правде говоря, совершенно не горела желанием его найти. Она называет папой единственного мужчину, который всегда был рядом и помогал ей — только это имеет значение.

Мать старалась уберечь Бетани от подобной ошибки, поэтому создала определенные границы. Другими словами, она полностью следила за жизнью Бет в обществе. Но так как в прошлом месяце Бетани уже исполнилось шестнадцать, то надзор стал чуточку слабее.

Надеюсь.

Мама была на кухне, смешивая шар из теста, пока двухлетний брат Бет наблюдал за ней. На лице Филиппа было больше сладкого теста, чем в миске, но он, кажется, хорошо проводил время. Мальчик взглянул на сестру, и она снова была поражена видом его рыжих волос и брызг веснушек на щеках — настолько он от нее отличается. Карие глаза — вот что было единственно общим у них.

Это и любовь к сырому тесту печенья.

Обогнув быстро стол, Бетани зачерпнула пальцем немного теста, пробуя его на вкус.

— Ням-ням, — смешно округлив глаза, произнесла девушка.

Филлип захихикал, обхватив руками холм теста, от чего несколько кусков упали на пол. О, нет. Вредитель на кухне.

Когда мама повернула голову, то пряди темных волос выпали из французской прически, которая называется "ракушка".

— Посмотри, что ты сделала, Элизабет.

Перестав наслаждаться сладким божественным вкусом во рту, Бетани схватила бумажные полотенца, которые специально предназначались для протирания нержавеющей стали.

— Пол не начнет гнить, мам.

Когда Бет закончила наводить порядок, Филлип протянул свои пухлые ручки в сторону сестры. Девушка выбросила полотенца в мусор, а затем вытащила брата из высокого стула. Прижав маленького мальчика к бедру, она заскользила по кухне, словно в танце.

Дотронувшись рукой до своего покрасневшегося лба, она улыбнулась.

— Ну что случилось, маленький засранец?

Мальчик громко захохотал, в то время как мама вздохнула, кидая тесто на противень для выпечки.

— Я не хочу, чтобы ты так его не называла.

— Почему? — Беттани сделала потерянное лицо, как если бы она заблудилась на острове. — Маленький засранец любит называть себя маленьким засранцем, потому что у него очень маленькая задница.

Улыбка тронула мамино лицо.

— Как прошел первый день в школе?

Беттани откинулась назад, избегая встречи с лицом, испачканном в тесте, которое, вероятно, было и во рту Филиппа. Мерзость.

— Все прошло отлично. Школа значительно меньше прежней, но там пипец какой классный художественный класс.

— Следи за языком, — предупредила мама, — Дети были хорошими?

— Пипец какими, — одними губами произнесла Беттани, смотря на Филиппа.

— Пипец, — повторил брат.

Беттани кивнула и взяла его за руку.

— Да, они показались довольно крутыми, — один, в частности, оказался действительно крутым, он об этом потом. — А ты знаешь, что действительно круто, маленькая задница?

— Ага! — он с дополнительным усилием кивнул.

Улыбаясь, она остановилась рядом с матерью, толкнув ее бедром. Кусок теста ударил по столу.

— Ты говорила с папой? Неужели он хотел работу в Фаерфоксе?

Мама взяла салфетку и спрятала в ней упавший кусок теста. Официальный девиз мамы: чистый дом — счастливый дом. Когда мама находилась рядом, Беттани любила включать телевизор, где шла программа "Ходерс"^[4]. Это просто выводило ее из себя.

— Твой отец был бы счастлив в любом месте до тех пор, пока занимается бухгалтерскими книгами и счетами, — она улыбнулась с любовью, — но он ненавидит водить машину. О, уже почти три часа. Он может приехать в любую минуту.

Беттани нахмурилась.

— Духовка перегорит.

Ее мама кивнула и закончила делать последний ряд печенья. Она встала возле двойной печи, выкладывая туда шарики теста.

— Это все, — выдвинув противень, она закрыла дверцу духовки и выпрямилась. — В любом случае, я рада, что твой первый день прошел хорошо, и что ты уже нашла себе друзей.

Нашла друзей? Ох, не совсем. Беттани водрузила Филиппа обратно в детское кресло для кормления и скривилась от ощущения липкого сахара на руках. Слюни с сахаром... вульгарно. Она подошла к раковине и потерла руки, как хирург, готовящийся к операции.

Единственный, с кем она в действительности говорила, был Доусон. Ее щеки вспыхнули. Она вспомнила, как он подсел к ней на уроке рисования, занимая пустое место рядом, и стал расспрашивать о Неваде и прежней школе. А в спортзале мальчики играли против девочек в пинг-понг, поэтому они не разговаривали. Но постоянно друг другу улыбались, так что...

Она внутренне замерла, медленными, нервными шагами стараясь отключить поток мыслей. Взглянув через плечо, Беттани выключила воду. В это время, ее тонкий и хрупкий дядя появился в дверях кухни. Кожа сероватая и нездоровая, лысый, и фланелевый халат прямо-таки свисал с его плеч.

Он был похож на смерть.

И она почувствовала себя механизмом, которое к тому же и думает. Вытирая руки, Беттани понадеялась, что ее лицо не передает то, о чем именно она размышляла. Но затем дядя посмотрел на

девушку. Налитые кровью светлые глаза с темными кругами под ними.

Он знал. Больные люди всегда знали.

Отведя взгляд, девушка подошла к Филиппу и сделала вид, что погружена мыслями в то, о чем он болтал. Честно говоря, Бетани все еще была удивлена тем, что ее мать собрала все вещи и решила переехать сюда. Она никогда не была близка с братом и семьей, учитывая то, что ее подростковая беременность была воспринята с неодобрением. Но это же была ее мама, для которой кровные узы дороже. Ее брат был идеальным врачом, но, тем не менее, заболел какой-то болезнью крови, что было причиной их переезда сюда.

Ее мать развернулась и испуганно ахнула. Она бросилась к нему и обняла за плечи, затем повела его к столу.

— Уилл, почему ты не в постели? Ты же знаешь, что не должен ходить после лечения.

Дядя Уилл сухо заметил.

— Это химиотерапия, а не трансплантация костного мозга. Движение только на пользу. Это то, что мне нужно делать, а не лежать целый день в постели.

— Я знаю, — произнесла мама, словно порхая возле дяди, — но ты выглядишь таким... усталым.

Его лысые брови опустились. Неправильные слова. Бетани покачала головой.

— Ты выглядишь лучше, — произнесла девушка и легонько толкнула Филлипа в живот, наслаждаясь звуками его хихиканья. — Лечение помогло?

На губах дяди появилась хрупкая улыбка.

— Все идет как надо. Оно еще не закончилось.

Быть врачом и заболеть — это должно быть паскудно. Ты знаешь все статистические данные, все лечения, возможные побочные эффекты и прогнозы как внутри тебя, так и снаружи. При таком раскладе невозможно избежать правды о болезни или смягчить ее.

И Бетани ненавидела все вокруг. Делало ли это из нее плохого

человека? Ведь дядя Уилл был членом их семьи. Проблема в том, что смерть никогда не прикасалась к ее жизни. Ничего, кроме как обычной простуды или гриппа.

Дядя Уилл жил с ними, пока проходил свое лечение. Однажды он даже почувствовал себя лучше и должен был вернуться в свой дом, но почему-то до сих пор мы все еще были здесь. Мама стремилась сделать все возможное, чтобы сохранить всю свою семью, зная, что один из ее членов висит на волоске от смерти.

Мама суежилась вокруг дяди все больше и больше, наливая ему чашку чая, пока он расспрашивал о школе. Как только появилась возможность, Бетани извинилась и, пощекотав Филлипа последний раз, выскочила из кухни, направившись наверх.

Когда-то на верхнем этаже не было ничего, кроме чердака. Теперь там было три спальни и две ванные. Бет прошла по узкому коридору и толчком открыла дверь своей спальни.

Это была грустная спальня.

Никаких плакатов. Никаких личных вещей, кроме холста и небольшого стола, полного красок, стоящего возле большого панорамного окна в углу. На столе так же был ноутбук, которым она редко пользовалась. У нее были постоянные перебои с интернетом, и она, скорее, будет тратить время на картины, чем сидеть за компьютером. Телевизор стоял на комоде. Еще одна вещь, которой она редко пользовалась.

Дело в том, что она не была большой фанаткой каких-то телевизионных программ или фильмов, что затрудняло ее общение со сверстниками. Она не могла назвать нового популярного вокалиста или вспомнить имя подростка, который завоевал женские сердца, благодаря киноиндустрии.

Бетани действительно было все равно.

Как говорит мама, она постоянно витала в облаках.

Подтянув рукой стул к мольберту, она собрала свои волосы в пучок и села. Пустой ум лучшее для того, чтобы начать рисовать. Пусть все из ее головы придет приливом на бумагу. Кроме этого ничего больше не происходило сегодня. А закрывая глаза, девушка продолжала видеть одну вещь. Точнее, одного парня.

Доусон.

Бетани не сходила с ума по мальчикам. Конечно, бывали моменты, когда она хотела почувствовать себя, словно сумасшедшая влюбленная девчонка, особенно тогда, когда какой-то симпатичный парень обращал на нее внимание, но, на самом деле, они редко производили на Бет сильное впечатление. По крайней мере, не до такой степени, чтобы заставить щеки зарумяниться. Даже Дэниэл (ее бывший экстраординарный парень) не мог заставить Бетани почувствовать себя на себе хотя бы долю того, чего хотелось девушке.

Прости, мам.

Но было что-то в этом Доусоне. Нечто большее, чем просто внешность. Когда они разговаривала на уроке рисования, то ей показалось, что он был... в восторге от нее. Или это просто разыгралось ее воображение, потому что не бывает такого, что бы так быстро привлечь подобного парня за столь короткое время. Не с первого взгляда и не в реальной жизни. Стресс — это, наверное, просто стресс.

Взяв заточенный карандаш, она встряхнула свои плечи. Бет не собиралась позволять себе стать одержимой каким-то парнем.

Недолго думая о том, что она собирается сделать, девушка посмотрела на кусок холста, а затем начала выводить контуры лица. Все остальное она решила, дорисовать позже. Взглянув на таблицу красок, она нахмурилась, понимая, что у нее никак не получится подобрать такой правильный зеленый цвет.

Ну, конечно, вовсе не одержима.

Он был одержим.

Доусон смотрел на потолок своей спальни, щелкал своей истинной формой, будто кого-то переключал. В комнате было темно... а бело-голубой свет отражался от стен.

Включить. Выключить. Включить. Выключить. Невозможно сохранять форму, так как, несомненно, был признак тревоги или особого безумия.

И этим безумием было имя.

Бетани Уильямс.

В своей человеческой форме он провел ладонью по лицу и застонал. Не было никаких причин, почему он провел три часа, думая о ней. Ха. Три часа? Попробуйте последние десять часов.

Неясное очертание промелькнуло в комнате, и прежде, чем Доусон смог опустить руки, Ди плюхнулась на кровать рядом с ним, ее глаза были широко открыты.

Ди, вероятно, была единственной любовью всей его и Деймона жизни. Они утащат любого в ад, если свяжутся с их сестрой. Она была их сокровищем. Дома, женщин их расы нежно любили. Чего-то человеческие мужчины похожи и не делают.

Полные энергии и способностей окружать их естественной любовью. Ди была похожа на ураган, который дул за счет жизни людей, так же она была его лучшим другом. У них была связь, глубже той, что была с Дэймоном. Доусон никогда не знал, почему так было. Вокруг его брата была стена, через которую они не могли пробиться. Взрослея, всегда были лишь Ди и Доусон

Рука Ди порхала вокруг нее, когда она заговорила.

— Я была снаружи, и это выглядело, как будто световое шоу собралось у тебя в спальне. Деймон сказал, что вы возможно увл...

И Ди также не знает границ.

— Ох, нет, пожалуйста, не заканчивай это предложение, — он опустил руку, и прищурившись посмотрел на сестру. — Никогда не

заканчивай это предложение.

Она закатила глаза, когда подворачивала ноги под себя.

— Итак, что вы собираетесь делать?

— Я думал.

Ее тонкие брови изогнулись дугой.

— Мысли вызвали световое шоу? Здорово! Это немного грустно, Доусон.

Он ухмыльнулся.

— Я знаю, верно?

Она толкнула его ногой.

— Да, и ты мне не говоришь правды.

— И, да, уже поздно. Разве тебе не надо спать?

Её вечно зеленые глаза закатились.

— Когда ты успел стать отцом? Достаточно того, что Дэймон строит из себя родителя. Но и ты тоже.

Деймон вел себя как папочка. Он был всего лишь на нескольких минут старше их, но был уверен, что те несколько минут учитываются.

И последнее, что Доусон хотел сделать, — это говорить о Бетани с Ди. Говорить о Бетани с любым из них — значит, вызвать ненужные осложнения в этот момент.

Лаксенам на сегодняшний день не было запрещено открываться людям, но какой в этом смысл, если за ней придут из Министерства обороны? Короткая, ни к чему не обязывающая, интрижка — это одно, а отношения? Не похоже, что Доусону можно было быть честным с кем-то еще по поводу того, кем он является. Если МО станет известно, что он это сделал, человек просто исчезнет, а кому хочется, чтобы такое было на его совести? И потом оставался самый важный вопрос. Как можно быть в серьезных отношениях с кем-то, и скрывать, кто ты?

Не говоря уже о том, что фактически нигде не упоминалось то, что Лаксены и люди могли даже... спариваться. Правда, появление потомства было практически невозможно...

— Почему вы были снаружи? — спросил он вместо этого.

Ее плечи немедленно опустились.

— Эш была здесь...

О, нет.

— Теперь она и Деймон не смотрят друг на друга. Снова их отношения походили на мыльную оперу для шестнадцатилетних. Конечно, лаксенеанцы созревали гораздо быстрее, чем люди, но Доусон не мог разобраться в мыслях этих двоих, и она была снаружи, крича на него. Не верю, что ты не слышал.

Это потому, что он был настолько погружен в мысли о Бетани.

— Почему она так орала?

— Я не знаю. Деймон, вероятно, посмотрел на другую девушку, или что-то в этом роде, — она вздохнула. — Или он не хотел идти куда-то тусоваться. С ней никогда не поймешь, что и почему. Иногда мне хочется, чтобы они уже окончательно разошлись и держались друг от друга подальше.

— Ты просто совсем не похожа на Эш.

— Это не потому, что я не похожа на неё, — Ди оттолкнулась от кровати и пронеслась через комнату, появившись рядом с его окном. — Просто, я считаю её сукой.

Доусон подавился смехом.

— Да уж, все знают, как ты её любишь.

Она обернулась, уперев руки в бедра.

— Она не годится для Деймона. И он не годится для нее.

Доусон спустил ноги с кровати и встал. Почти полночь, и он чувствовал, что все еще может пойти на пробежку. Эта ночь будет долгой.

— И, кто же годится Деймону?

— Для начала, кто-то, кому он совершенно не нужен, — сказала она, прыгая на кровать, — и кто-то, кто затем им действительно заинтересуется. Ты знаешь, Эш начала за ним бегать, потому что это было ожидаемо. Не потому, что она действительно любила его.

Доусон сузил глаза, изучая своим пристальным взглядом:

— Означает ли это, что ты имеешь ввиду себя и Адама, а не Деймона и Эш?

Её губы капризно сморщились.

— Нисколько.

— Угу.

Парень проникся симпатией к его сестре и брату, что заставило Доусона начать медленно шагать к комнате. Старейшины не контролировали, кто с кем скрещивался, но они внесли свои предложения, которые были больше похожи на ожидания. Их раса очень сильно пострадала, поэтому нуждалась в расширении популяции. И он понимал это. Только это не означало, что он был действительно согласен с их методами.

Но сейчас Доусону повезло. Он не знал других девушек его возраста среди Лаксанов, но он знал, что в один день она появится. Или он будет вынужден сам ее найти.

И оставить свою семью.

Он провел рукой по волосам, понимая, что однажды, вероятно, станет изгоем. Он идет вразрез с желаниями старейшин, просто и ясно. Так же, как он знал, что в конечном счете, Деймон не будет в паре с Лаксеном, такой, как Эш.

Но Ди? Он взглянул на нее, чувствуя гнев. Ди будет с Адамом, независимо от того, любит она его или нет, и это просто убивало Доусона. Его сестра заслуживает лучшего.

Все они заслуживают лучшего.

* * *

Доусон едва спал, но, тем не менее, имел большое желание попасть в школу, даже несмотря на мартовское солнце, которое старалось прорваться сквозь тяжелые облака, чтобы окончательно растопить снег. Это было отличное утро, чтобы не пойти в класс и отправиться на пешую прогулку, но не сегодня...

На третьей миске хлопьев "Графа Шокула", он склонился над стойкой и замер, как вкопанный.

— Доброе утро, братишка, — сказал Доусон, наблюдая, как Деймон входит в кухню, волоча ноги.

Он что-то проворчал, пока шел в сторону кладовки. Схватив Поп — Тарт, он развернулся и съел печенье, даже не запив водой. Его взгляд переместился вверх, встретившись с глазами Доусона.

— Что?

— Ничего, — произнес Доусон, проглотив очередной кусок. — День будет удивительным.

Сузив глаза, его брат язвительно спросил.

— Почему ты такой веселый сегодня утром?

— Я не думаю, что это не так уж и невозможно быть кому-то веселым.

Ди метнулась молнией на кухню, её свет исчезает и виден только каскад тёмных, вьющихся волос, спадающих на её хрупкие плечи. Она схватила кувшин молока и пошла за Фрут Лупс. Все они если завтрак чемпионов.

— Доброе утро!

Деймон изогнул бровь.

— Этот веселый.

— Я не имел в виду ничего такого, — ответил Доусон, — просто сказал.

Хмурый взгляд прорезал складку между бровями Ди.

— Что я пропускаю?

— Твой брат слишком возбужден этим утром, — сообщил Деймон. — Перед школой. В этом есть что-то неправильное.

Доусон ухмыльнулся.

— Есть что-то неправильное в том, что мне с Ди приходится стоять здесь и разговаривать с тобой, пока на тебе надеты только боксеры.

— Это правда, — пробормотала Ди, засунув в рот два пальца, как будто ей тошнило.

— Как бы то ни было, — потянулся Деймон, лениво подмигнув

одним глазом, — не ревнуйте, что я самый красивый из всех нас.

Закатив глаза, Доусон даже не попытался напомнить брату тот факт, что не было ни одной вещи, которая бы их различала. Ну, кроме того, что к Доусону было намного лучшее отношение. Вместо того, чтобы оставить миску и ложку на столе, как он обычно делал, парень вымыл их и поставил сушиться, отодвинув в сторону. Повернувшись обратно, его взгляд переместился и сфокусировался между братом и сестрой.

Они посмотрели на него, открыв рот.

— Что? — требовательно спросил он.

— Ты только что... помыл посуду? — Ди медленно попятилась, моргая. Она посмотрела на Деймона. — Скоро конец цвета. И я до сих пор девст...

— Нет! — прокричали оба брата в унисон.

Деймон выглядел так, словно его действительно сейчас стошнит.

— Иисус, никогда не заканчивай это предложение. На самом деле, даже не пытайся это когда-то изменить. Спасибо

Ее рот удивленно приоткрылся.

— Вы ждете, что я никогда не...

— Это не тот разговор, с которого я хотел начать свое утро, — Доусон схватил с кухонного стола свою сумку, — и я иду в школу, пока разговор не приобрел больше деталей.

— А почему это ты до сих пор не одет? — требовательно спросила Ди, сосредоточив внимание на Деймоне. — Ты же опоздаешь на занятия.

— Я всегда опаздываю.

— Пунктуальность делает человека совершенным.

Деймон протяжно выдохнул.

— Практика делает человека совершенным, сестренка.

— То же самое.

Образовалась затяжная пауза.

— Ты права. Это, конечно же, одно и то же.

Когда Доусон достиг входной двери, он услышал голос Ди.

— Ты же знаешь, кто мой самый любимый брат, верно?

Доусон улыбнулся.

Послышался глубокий смех из кухни, а затем.

— Я слышал твой разговор с Доусоном два дня назад. Я так понял, что сегодня ты едешь со мной.

— Возможно, — выдавила из себя девушка.

Закрыв дверь за его спиной, Доусон вышел на улицу и направился к своей машине. У парня не займет слишком много времени, чтобы добраться до школы. Конечно, было бы еще быстрее, если бы он освободился от человеческой оболочки, но вряд ли бы он смог объяснить это явление людям. Так как он приехал слишком рано, парень остался сидеть в своей Джетте, слушая музыку. Позже направился в школу, выстукивая ногами по полу через весь коридор, затащив задницу в класс английского. Заняв свое место, он старательно избегал слишком веселую улыбку Кимми.

Двадцать секунд спустя, Доусон понял, что не дышит. То есть, не дышит вообще. Лаксенам не нужен кислород, но они делали это механически, чтобы не вызвать подозрений. Оглянувшись, парень с облегчением понял, что никто этого не заметил.

Иисус. Он мог видеть заголовки уже сейчас. *«Пришельцы Среди Нас. Беги!»*

Но когда в класс вошла Бетани, темные волосы которой были стянуты в высокий хвост, что демонстрировало изящную шею девушки, возможно, он перестал дышать снова. Тысячи очаровательных слов пронесли в голове за наносекунды, но он опустил взгляд в свой пустой блокнот. Блокнот? Кто на самом деле вообще делает заметки в классе? Доусон просто хотел понять, заговорит ли она с ним первая.

Боже, он был подобен девочке-подростку. Он так облажался.

Бетани обошла свой стул и села, подтянув одну ногу к своей груди. Она играла с ручкой в ее правой руке.

— Хей, Доусон.

Она. Заговорила. С. Ним. Первая. Это было подобно выигрышу в

лотерее или покорению утеса в одном лице. Но ему нужно казаться более холодным, потому что он имел привычку все портить с невероятной скоростью.

Подняв подбородок, он улыбнулся.

— Ты решила вернуться на второй день. Храбрая девушка.

— Я люблю приключения. Что еще я могу сказать?

Какие приключения?

— После того, как я увидел, как ты справилась с веслом вчера в тренажерном зале, я могу себе представить.

Щеки Бет вспыхнули, что сделало ее еще более очаровательной.

— Я как профессиональный игрок в пинг-понг. Я получила навыки.

Не осознавая этого, он наклонился вперед. Их лица разделяло лишь несколько дюймов. О боже, как же ему нравилось, что она не отодвинулась от него и не засмузилась. Она вернула взгляд на Доусона, встретившись с ним лицом к лицу.

Слова вышли прямо из его рта.

— Что ты делаешь в эти выходные?

Ручка, которую она держала в руке, остановилась. Она моргнула, будто удивилась, но затем её ресницы взмыли вверх.

— Отец работает всю неделю, так что мы практически не видим его, и в субботу мы проводим время всей семьей с дядей Уиллом, — она отвернулась. — Но я свободна в воскресенье.

Воскресенье казалось очень далёким, но он возьмёт его.

— Хотела бы ты сходить на ланч?

Её розовые губы приняли форму О и расплылись в улыбке.

— Ты спрашиваешь меня, Доусон?"

Прежде, чем он смог ответить, по проходу медленно прошелся Деймон, острый взгляд которого сразу же переключился на Бетани. Небольшая улыбка появилась на его сжатых губах. Такую улыбку он обычно использовал на людях перед тем, как хотел съесть их живьем.

Бетани улыбнулась в ответ.

Доусону захотелось долго бить голову брата об землю. Собственническая реакция победила внутренний контроль, что не укрылось от самого Деймона. Его глаза сузились. Используя один из видов общения, который был характерен для их народа, Доусон послал брату сообщение. *Перестань, брат.*

Ни одна эмоция не отразилась на лице Деймона. Что я делаю?

Доусон начал открытую контр-атаку, но остановился. О чем, черт возьми, он предупреждал своего брата? Чтобы он не смотрел так на Бетани? Деймон не уклоняется от человеческих женщин, но и не имеет привычки бегать за ними.

Решив игнорировать мысли прямо сейчас, (он был уверен, что найдет способ объяснить причину их появления позже), Доусон сфокусировался на том, что было действительно важно. Бетани.

— Разве я спрашиваю тебя? Это просто звучит так.

Сзади послышался звук, словно Деймон чем-то подавился, и в голове раздался голос брата: *"Что за черт, брат?"*

Доусон не ответил, но не было никакой ошибки в том, что Деймон был действительно напряжен из-за ситуации, и что еще состоится разговор на эту тему, но как ни странно, парню и правда было все равно.

Он улыбнулся Бетани.

У Бетани был своего рода шок. Да, она ожидала, что Доусон обратится к ней, может, даже немного будет флиртовать, но он пригласил ее? Просто так? Румянец удивил ее... и впечатлил.

— Хорошо, — она мельком взглянула на ручку в своей руке, интересно, как она выйдет из дома с мальчиком. — Эм, может, мы встретимся где-то...?

Вспышки удовлетворения усилили оттенок его зеленых глаз.

— Я могу забрать тебя.

Ох, нет, нет, нет. Она могла видеть проницательный взгляд матери сейчас, поскольку Бетани была уже готова к неизбежному допросу. Девушка пришла в замешательство, обхватив ручку пальцами.

— Эм, лучше встретимся с тобой где-нибудь. Ничего личного, но мои родители...

— Строгие? Круто, — он ничуть не смутился, и она оценила это

— Есть одна закусочная в городе. Ничего особенного, но еда там отличная. Дымовая Труба. Ты слышала о ней?

Она не слышала об этом, и Доусон быстро дал ей адрес. Ничего трудного, чтобы найти Петербург, пока не начнутся проселочные дороги, которые были одинаковы с ее.

Пока они говорили, Бетани не замечала несколько девочек, а именно блондинку впереди себя, явно подслушивает. Блондинка обладала красивым телом, маленьким лицом, самоуверенным взглядом. Находясь вблизи 5–8, Бетани чувствовала, что Годзилла сидит позади нее. И позже она заметила брата-близнеца Доусона.

Он также подслушивал.

Через плечо Доусона он смотрел на них, прищурившись. Иногда его суровое выражение говорило о то, что ему не нравится то, что он слышит. Дрожащая челюсть выдавала и его тоже.

Она не знала о его отношении, но решила, что лучше держаться от него подальше... и от Барби.

Урок начался. На очереди было чтение "Гордости и предубеждения". Пока мистер Паттерсон раздавал романы, от большинства парней в классе слышалось недовольное ворчание. Она уже читала книгу, три раза, так что эссе о лежащих в основе сюжета социальных вопросах того времени, не было для неё ничем страшным.

Разместив роман на столе, она волей заставила себя сосредоточиться на лекции, но ее разум возвращался к парню позади нее. Его лосьон после бритья лесной, походно-спортивный аромат, который напоминал ей костер.

Очень приятный запах.

Особенный — и ничего мальчишеского. Черт, в Доусоне вообще не было ничего мальчишеского. Очевидно, он был её возраста — лет шестнадцати, но если бы она встретила его вне школы, то могла принять скорее всего за парня из колледжа. В нем была необыкновенная уверенность — то, чего так не хватает большинству мальчиков в этом возрасте.

Возможно, она не была в этой лиги. Парни, подобно ему, как правило, имеют толпу девчонок. Подруг, как Барби. Ни девушек, у которых обычно руки в краске.

Посмотрев на свои руки, она съежилась. Зеленая краска была под ее мизинцем еще с прошлой ночи. Ее щеки порозовели. Простой ночью она раскрашивала лицо Доусона, даже когда сказала себе, не делать этого.

Но она поддалась этому и позже продолжила.

Черт, побери. Навязчивые идеи всегда начинаются с чьёго-то лица, не так ли?

Закусив кончик ручки, она сделала вид, что решила размять шею: налево, потом направо. Бегло посмотрела через свое плечо, и увидела, что Доусон смотрит на нее своим напряженным взглядом.

Их взгляды встретились.

Из ее легких вышибло воздух. Снова в его взгляде концентрировалась власть, вызывавшая танец дрожи по коже. Как и вчера, в коридоре, она почувствовала желание отступить. Потому что все, что было в его глазах... было ненормально, та реальная власть, которую она не смогла запечатлеть на картине. Почти светящаяся

особенность, которую она не смогла получить правильно. Он подмигнул, и, черт, если это не выглядело сексуально. Не отвратительно или глупо. Это был тот вид подмигивания, каким подмигивают звезды на экране. Нечто, что никто в реальной жизни не смог бы осуществить.

Ага, вне ее лиги. Это вызывало возбуждение, которое развивало бурную деятельность внутри.

Опустив взгляд на ручку и ухмыльнувшись, она повернула голову обратно как раз в тот момент, когда учитель обратил на нее внимание.

О Боже, она была в секундах от того, чтобы превратиться в тот тип девчушек, которые следят за парнями.

Когда прозвенел звонок, Доусон уже стоял рядом со своей партой. Его брат остановился позади него и остался на месте, в то время как Бетани положила учебники в сумку и встала. Казалось, что что-то невысказанное происходило между братьями, потому что Доусон ухмыльнулся своему брату.

По окончании близнец медленно прошел мимо Доусона, взглянув через свое плечо с кривой усмешкой.

— Поступай, — только и сказал. Вслух, по крайней мере.

Брови Бетани поползли вверх:

— О...

— Игнорируй Деймона. В последнее время я лично только этим и занимаюсь, — Доусон протянул свою руку, и она соскользнула перед ним. — У парня никаких социальных навыков.

Не зная, шутит ли он, Бетани сразу решила перевести разговор.

— Должно быть, это классно — иметь близнеца.

— Ах, не уверен, что "классно" — это подходящее слово, — он сверкнул улыбкой. — Но мы — не близнецы.

Оглянувшись в переполненный коридор, Бетани нахмурилась:

— Вы — не близнецы? Мои глаза не могут меня обманывать.

Его смех был хриплым, глубоким, и действительно приятным на слух.

— Мы — тройняшки.

Ее глаза удивленно распахнулись:

— Святое дерьмо, так вас трое?

— У нас есть сестра, — он шел рядом с ней, так что их плечи сталкивались каждые несколько шагов. Она обнаружила, что это чрезвычайно отвлекает. — Она похожа на нас, но намного красивее.

Существовало трое таких, только один был девушкой. Тройняшки. Сумасшествие

— Вы очень близки между собой?

Он кивнул, следуя за ней вверх по лестнице, как вчера. Видимо, то, что он опоздает на некоторое время в свой класс, не сильно его волновало.

— Да, мы довольно близки. Особенно Ди, моя сестра, и я. Она просто куколка, — он помолчал, пока стайка студентов огибала его тело. — Деймон не так уж плох. Парень отдал бы левую руку за нас двоих. А у тебя есть братья, сестры?

— Брат, сводный брат, — ответила она, улыбаясь. Когда он говорил о своей сестре и о брате, в голосе звучала настоящая любовь. Такая редкость в нынешнее время. Большинство её старых друзей из Невады ничего другого не делали, а только постоянно жаловались на своих братьев и сестер.

— Ему всего лишь два.

— Ах, маленькая задница...

Бетани остановилась прямо посреди коридора.

— Что ты сказал?

Дусон слегка нахмурился:

— О, я сказал — маленькая задница. Надеюсь, это не прозвучало слишком неприятно для тебя?

— Нет, — она подняла на него взгляд, и одно это уже можно было считать подвигом. — Просто именно так я зову Филиппа — маленькая задница. Это его прозвище.

Доусон ухмыльнулся с облегчением:

— Правда? Забавно. Мы с Деймоном постоянно так называем

Ди. Её это бесит.

Скрестив руки на груди, она пристально посмотрела на него:

— Ты часто смотришь телик?

— Только тогда, когда Деймон заставляет меня.

Елки-палки...

— А как насчет кино?

Улыбка достигла его глаз.

— Не то. чтобы большой поклонник. Я из тех парней, которые предпочитают свежий воздух. Скорее пойду в поход, чем буду сидеть в закрытом помещении.

Бетани подумала о том, как она, скорее, займется рисованием, чем будет делать что-либо другое. Существовала еще одна вещь.

— Любишь ли ты сахар? Сладкое тебе нравится?

Он засмеялся.

— Да, еще вопросы имеются? А то уже звонок прозвенел.

Она сама действительно обожала сахар. Серьезно. Улыбка на лице Бет была настолько широкой, что девушка должна была смутиться.

— Нет. Это все.

— Хорошо, — он протянул руку, заправляя за ухо прядь ее волос, выпавших из хвоста. Прикосновение костяшек его пальцев к коже девушки прошло через тело, словно молния. — Что ты делаешь после школы? Может, перекусим?

— Я думала, что мы идем гулять в воскресенье?

— Да, идем, но я как раз хотел решить, что будем делать в выходные. Сегодня все равно нечего делать.

Ее рот раскрылся, и она засмеялась. Боже, он просто... нет слов. Мама будет ждать ее дома сразу после школы, вот что она будет делать. А тут обсудить планы на воскресенье, которые казались такими далеким. Слишком далекими...

Зазвенел предупредительный звонок, от чего Бет испуганно подпрыгнула.

— Бетани Уильямс, — произнес Доусон ее имя, поддразнивая.
Ее ресницы поднялись, и девушка пару раз кивнула головой:
— Да.

* * *

Бетани следовало бы знать, что Доусон Блэк — это проблема с большой буквы, все эти шесть футов великолепных мышц с обезоруживающей улыбкой в довершение, ей следовало бы знать это с того самого момента, как она заметила его.

Мальчики были такими сложными...

А парни, подобные Доусону? О, намного более трудные для понимания.

В большинстве парней не было и доли того обаяния, которое излучал Доусон.

Неудивительно, что он так понравился ей, и она уже была готова соврать маме, сказав, что задержится после школы, чтобы закончить некоторые работы по рисованию. Легко, это будет правдоподобная ложь, потому что Бет часто задерживалась, чтобы закончить свои работы еще тогда, когда жила в Неваде. То, что она была готова лгать ради Доусона, укрепило в ней уверенность, что он ей нравится слишком сильно. А ведь

они разговаривали всего лишь пару раз. Пока Бетани не могла сказать, хорошо это или плохо.

Она не ожидала, что он так стремительно войдет в ее жизнь. И она действительно не была готова к тому чувству пустоты внизу живота, когда смотрела, как парень трусцой подбегал к Научному классу. Боже... она действительно скучала по нему.

Она определенно старалась не смотреть через плечо в поисках Доусона, когда Бет остановилась напротив своего шкафчика перед обедом. Нет. Вовсе нет. Она не была повернута на этом парне, с которым познакомилась совсем недавно. И она определенно не сравнивала все оттенки зелени с глазами Доусона, которые сияли, словно отполированные изумруды.

Бетани пробивалась через весь класс, выглядя нервной и

возбужденной, подпрыгивая, словно мячик на резинке, который Саймон Каттерс подкидывал рукой на протяжении всей химии. После того, как он подбросил его в воздух в пятидесятый раз, она хотела схватить мячик и выбросить его в окно.

В спортивном зале она все время наблюдала за Доусоном, который играл в пинг-понг вместе с Кариссой — тихой девушкой, которая носила очки, с самой модной роговой оправой, которую Бетани когда-либо видела. Ее взгляд все время возвращался к парню.

Черт, он сделал из простой белой футболки вещь для поклонения.

С каждым движением футболка плотно обтягивала тугие мускулы. Он, что бегаёт? Занимается в тренажерном зале? Обычно парни его возраста не занимаются так много спортом, чтобы иметь такое накаченное тело.

Доусон ударил по мячу, перебрасывая его на сторону Кариссы снова. Девушка не успела отбить и, в этот короткий промежуток времени, пока она ловила шарик на полу, парень посмотрел на Бетани и улыбнулся.

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Плохо, ох как плохо.

Пластиковый желтый шарик со свистом пронёсся возле лица, чуть ли не задев щеку в смачном поцелуе.

Кимми, партнер Бет, уперла руки в бедра:

— Ты даже не обращаешь внимания.

Бетани вздрогнула, понимая, что не обращает внимание ни на что вокруг:

— Прости, — пробормотала девушка, разворачиваясь, чтобы найти этот проклятый мячик. Ей придется дойти почти до самой трибуны, чтобы его забрать. — Я подберу.

Кимми вздохнула, изучая свои наманикюренные ногти:

— Ага, я и не планировала этого делать.

Игнорируя ее, Бетани зашагала прямо к мячу. Вся эта ситуация с вечным "таращением" глаз на Доусона уже выходила из-под контроля и у девушки было чувство, что дальше будет только хуже. Даже сейчас она боролась с безумным желанием оглянуться и посмотреть,

не смотрит ли парень на нее. Ей казалось, что все-таки смотрит. Не проверяй. Шейные мускулы напряглись. Точно не надо. Ее пальцы были уже готовы схватить мячик, когда она наклонилась и...

Руки, покрытые золотистыми волосами, дотянулись до мяча быстрее её. Испуганная, она отступила на шаг, и глаза Бет скользнули вверх и... вверх. Откуда, черт возьми, он взялся? Это был вчерашний блондин из коридора — идеальный, как модель, парень с вьющимися волосами, которые спадали на ясные голубые глаза. Если она правильно помнила, то между ними было около четырех столов, то есть больше пяти футов. Она даже не увидела его движения, а уж поверьте, что очень тяжело не заменить того, кто передвигается, словно модель.

Или, может быть, ее мозг был слишком занят Доусоном.

— Гм, спасибо за то, что..., — слова Бет затихли, когда ее глаза встретились с его. Ледяной взгляд парня резко охладил и саму девушку. Он не сделал ничего, чтобы скрыть свою неприязнь. Это чувство практически материально исходило от него, заставляя десятки пауков бегать по коже.

— Как тебя зовут? — потребовал он.

Бетани моргнула. Звук его голоса соответствовал его глазам. Холодный. Черствый. Полный снобистского отвращения. Вернувшись воспоминаниями в свою старую школу, она до сих пор помнила, как иногда ловила на себе подобные взгляды после расставания с Даниэлем. Слишком хорошо помнила...

Мальчик усмехнулся.

— У вас есть имя, ведь так? Или, может быть, вы не понимаете английского?

Она была уверена, что горячий румянец окрасил её щеки, превращая их в вишнево красные. Её рот открылся, но она ничего не сказала. Конфронтация не была её фишкой, а это была именно конфронтация. Супер просто, она ведь даже с мамой не имела конфликтов, что уж говорить о других людях? Да, она смотрела на него так, как будто была немой.

Он подошел ближе и пусть кто-то может подумать, что она сумасшедшая, но Бет могла поклясться, что чувствует волны тепла, исходящие от него, словно от электрического радиатора. Капли пота

мелко выступили на лбу.

— Я спросил, как тебя зовут?

— Ее имя — не твое дело, — перебил ровный, глубокий голос.

Доусон стоял рядом с ней, сердито глядя на другого парня. Он склонил голову в его сторону.

— Верни ей мяч, Эндрю.

Температура в зале повысилась. Ребята начали оборачиваться.

Губы Эндрю искривились в усмешке.

— Или у тебя проблемы с пониманием английского? — спросил Доусон. На его лице была улыбка, но судя по тому, как напрягались его мускулы, он был близок, чтобы забрать мячик у этого парня силой.

Все это из-за такой мелочи, как мячик для пинг-понга? Совершенно невероятно.

Она откашлялась и протянула руку.

— Меня зовут Бетани. Теперь могу я взять свой мяч, пожалуйста?

— Это было не так трудно, верно? — Глаза Эндрю не отрывались от лица Доусона. — Мы могли бы пообщаться, в ближайшее время.

— Или нет, — ответил Доусон.

Эндрю, выгнув бровь, бросил мяч в ее протянутую руку. Потом он обернулся и быстро удалился в сторону своего стола.

— Ничего себе, — пробормотала она, не зная, что и думать обо всем этом.

Доусон прочистил горло.

— Он немного... ах, да, Эндрю — просто задница высшего порядка. Не обращай на него внимания.

Бетани кивнула и посмотрела на свою ладонь, резко втянув воздух. Офигеть...

Шарик для пинг-понга растекся неровным кружочком.

Удивленная враждебностью Эндрю к ней и расплавленным, словно в микроволновке, мячиком для пинг-понга, Бет решила потратить время, чтобы принять душ и переодеться после спортзала. Происходило что-то странное между двумя парнями, как будто они общались с помощью смертельных взглядов. Это напомнило ей, как сегодня утром действовал и Доусон. В подобных "смертельных" взглядах скрывалось что-то совершенно другое.

Качая головой, девушка стянула ленту с волос, пробегая расческой по прядям, затем кинула ее в сумку и, повернувшись, негромко вскрикнула.

Кимми стояла позади нее со стройными руками, скрещенными на груди. Ее губы были похожи на нефтяное пятно.

— Боже ты меня напугала, — Бетани взяла сумку так, что она заскользила ей на плечо и ждала, пока Кимми что-то скажет. Все что угодно. Она подождала еще немного. Тишина. Окей. — Тебе что-то нужно? Потому что я опаздываю.

— Куда? — спросила она.

Бетани посмотрела на нее. Как будто ее приезды и отъезды каким-то боком касались этой Барби. Вряд ли это так. Она попыталась её обойти.

— Увидимся позже.

— Подожди, — Кимми бросилась вперед, блокируя двери. — Это правда, что Доусон попросил тебя что-то сделать? — она не стала ждать ответа. — Потому что я слышала, как он спросил что-то у тебя на занятиях ранее, и моя подруга Келли сказала, что он и сегодня просил тебя сделать что-то.

Если она слышала об этом еще в классе, почему спрашивает только сейчас?

— Позволь дать тебе совет, — она улыбнулась, слабая попытка быть любезнее, как будто она разговаривала с другом. Это было очень и очень фальшиво, — Доусон, в общей сложности, игрок. Был им на протяжении всей учебы и даже немножко больше. Таким

образом, его брат и он любят играть с людьми. Притворяясь друг другом, если ты понимаешь, о чем я.

Разочарование жгло ее. Всплыли воспоминания об ее отношениях с Даниэлем и замелькали в голове. Были затронуты старые раны, и она спросила:

— Почему ты все это говоришь?

Кимми подарила ей снисходительный взгляд:

— Ты здесь новенькая. Как ты думаешь, почему он заинтересовался тобой? — ее взгляд изучал Бет с ног до головы, присматриваясь к джинсам и свитеру, словно она сама не могла понять, как такое возможно. — Я просто стараюсь сделать доброе дело и предупредить тебя заранее. Этот парень... ну, он ко всем так вокруг.

Кимми развернулась на каблуках и зашагала прочь.

— Что за черт? — сказала вслух Бетани, и ее голос отозвался эхом в пустой комнате. Был ли кто-то в этой школе, кто смог бы к ней всегда относиться дружелюбно?

Блин.

Сделав глубокий вдох, она пошла в раздевалку, убеждая себя не воспринимать всерьез то, что сказала Кимми. Это просто может быть ревность. Или она просто стерва.

— Или это может оказаться правдой, — прошептал злой, противный голос. И почему она будет удивлена, если так и окажется? Нет, она не удивится. Оба брата были воплощением сексуальности. Было бы глупо полагать, что у Доусона не было экс-подружек. Открыв дверь с большей силой, чем требовалось, Бет задалась вопросом, может быть, ей стоило прекратить общаться с Доусоном. Последняя вещь, которая ей нужна, так это быть очередной девушкой в его списке, и не важно, как приятно вообще в этом списке находится. И то, что она уже была в нем, говорило большинство людей.

Бет была просто очередной игрушкой для него.

И он ждал ее в коридоре, прислонившись к стеллажу с трофеями, засунув руки в карманы джинсов. Он, наверное, только что принимал душ, потому что пряди темных волос завились у самого лба. Свитер с

V — образным вырезом туго обтягивал плечи.

Ее сердце начало барабанить в груди при виде него. Она остановилась, держась за ремень на сумке.

— Эй.

Он не улыбнулся и не усмехнулся, только посмотрел на нее пристальным взглядом.

— Я хочу извиниться за своего друга.

Этот "мистер холодность" был его другом?

— Это не твоя вина, но может быть...

— Ага, так и есть, — он оторвался от стеллажа, пробегая пальцами по волосам, — я знаю, это не имеет смысла, но мне правда жаль, что он вел себя как придурок рядом с тобой. И я надеюсь, что это не изменит твоего решения по поводу легкого перекуса со мной. Но я пойму тебя, если ты откажешь.

Теперь она была смущена. Да, она изменила свое мнение, но не из-за Эндрю. И она искренне не могла понять, почему поведение его друга было его проблемой. Но искренность в голосе Доусона и его взгляд тронул ее. Был он игроком или нет, но он чувствовал себя плохо, хотя у него не было на это причин.

Доусон медленно кивнул, словно принял молчание девушки за ответ.

— Все в порядке, я догадывался, что так будет.

Она приоткрыла рот, но так ничего и не сделала. Почему это происходит у нее рядом с парнями из Западной Вирджинии?

Стоя перед ним, она смотрела, желая сказать ему, что все в порядке, и что она по-прежнему, вопреки здравому смыслу, хотела бы где-нибудь с ним перекусить. Хотела бы зависать с ним, быть друзьями... может быть, даже больше, чем друзьями.

Но она ничего не сказала.

Одарив ее слабой улыбкой, он шагнул вперед.

— У тебя есть лист бумаги и ручка?

— Ну, конечно же, — она порылась в своей сумке и передала их ему. Он сразу же начал что-то строчить. — Доусон, я

действительно...

— Все нормально. Вот, — он сказал, возвращая бумагу и ручку обратно, — это мой номер. Звони в любое время, если захочешь. И еще, мне, правда, очень жаль.

Она взглянула на кусочек блокнота и удивилась, увидев то, что его почерк был как жидкость и, такой же изящный, как его движения. Когда она подняла голову, Доусона уже не было.

* * *

Доусон был зол. Он хотел пойти домой к этому гребаному мудаку и переехать его собственной машиной. Парня останавливал только тот факт, что ему нравилась Джетта.

Ну, и Адам — добрый близнец, — который хорошо относился к Доусону с самого дня приезда. Так же было и с Эш, пока она не начала встречаться с Деймоном.

У Эндрю были проблемы с Бетани только потому, что Доусон проявлял к ней внимание в спортивной зале, и, конечно же, он был слишком любопытным парнем. Из всех тех Люксенов, которые жили за пределами общества, Эндрю был единственным, кто, казалось, лучше подходит для жизни среди себе подобных.

На полпути к его дому, телефон Доусона подал звуковой сигнал. Надеясь, что это была Бетани и, чувствуя себя дураком за это, он откинулся на спинку кресла и вытащил тонкий iPhone из своего переднего кармана.

И, конечно же, это был его любимый брат. Сообщение было коротким и по существу.

«Приходи домой»

Часть его хотела послать его куда подальше, но другая понимала, что ему еще придется возвратиться домой. Однако, сначала Доусон замедлил ход около ряда машин, отсчитал нужный грузовой автомобиль, на бампере которого были наклейки "Истинные Женщины Любят Форд" и "Грузовики Делают Это Лучше".

Дорога до дома была такой же тихой и пустынной, как и все жилые постройки на улице. Но подъездная дорожка к гаражу была

полностью забита. Отлично. Выбравшись из машины, Доусон захлопнул дверь.

Команда из Лаксенов ждала его внутри. Его брат и сестра, Адам, Эндрю и Эш, и даже Мэтью, их неофициальный опекун был там.

Доусон прислонился к двери, скрестив руки на груди.

— Это что, вмешательство? Я не могу ждать, чтобы услышать ваши комментарии.

Глаза Дэймона вспыхнули белым светом.

— Скажите мне, что это не правда.

— Не уверен, что это так.

Эндрю выгнул свою бровь, растянувшись на диване рядом с Эшем.

— Ты был готов сбросить человеческую оболочку и избить меня в спортивном зале из-за девушки. Человеческой. Девушки.

Доусон усмехнулся.

— Я хочу тебя бить каждый день, Эндрю. Сегодня не было исключением.

Эндрю перевернул его.

— Самоуверенное, ха-ха, дерьмо...

— Не смей, — Деймон сжал челюсти и повернулся к Эндрю так быстро, что блондин увидел вспышку его жизненной энергии раньше, чем глаза, — не смей даже думать о том, чтобы называть моего брата не по имени.

Эндрю поднял руки в примирительном жесте, произнося:

— Как бы то ни было, парень. Все, что я хочу сказать, так это то, что твой брат сегодня, в стиле Чака Норриса, хотел надрать мне задницу из-за девушки.

И Доусон жалел, что ему так и не удалось этого сделать.

— Стоит ли мне напоминать, что ты расплавил мячик для пинг-понга своей рукой?

Услышав подобное, Меттью шагнул вперед.

— Это правда, Эндрю?

Эндрю закатил глаза.

— Это был просто мяч для пинг-понга.

Меттью нахмурился:

— Подождите. Так это все всего лишь из-за мячика для пинг-понга?

— Нет, — сказал Эндрю, в то же время Доусон ответил, что да.

— У меня уже голова болит от всего этого, — вздохнул Адам.

Так же, как и у Доусона. И это головная боль имеет имя. Парень впился взглядом в Адама.

— Весь этот разговор ни о чем. Я понятия не имею, почему мы должны были прийти на встречу, словно призвали Капитана Планеты^[5] для этого.

Его брат скрестил руки на груди, тем самым показывая свою позицию.

— Это касается Бетани?

— Да, — воскликнул Эндрю.

— Кто такая Бетани? — спросила Эш, скучающим тоном, но ее голос был пронизательным. Нет сомнений, что она беспокоилась о конкуренции за Деймона.

— Она девушка.

— Девушка? — Ди оторвала свое внимание от журнала. — Что там на счет девушки? Она хорошенькая? Я ее знаю?

О, ради всего Святого. Доусон застонал.

— Бетани девушка из школы. И я не вижу в этом большой проблемы. Мы просто разговаривали.

Ди выглядела удрученной.

— Так, что я ее не знаю?

— Нет, — у него заканчивалось терпение. — Я не думаю, что вы с ней в одном классе.

— Но она ведь человек? — Ди оглядела комнату, выгибая бровь. — Так что я на стороне Доусона. Что в этом такого? Это не то, что мы бы не позволили... — Ее щеки вдруг стали похожи на

помидор. — Я не понимаю, — закончила она.

— Это правда, нет никаких правил, запрещающих любому из нас иметь... отношения, но это не совсем правильно, — Мэттью выглядел так же, как и пару лет назад, когда пытался объяснить им, что такое секс. Это было ужасно для каждого из них. — Министерство обороны не одобряет это, и в этом есть смысл.

— Слишком опасно для людей, — сказал Деймон, разводя руки в стороны. Он сел на подлокотник кресла возле сестры. — Если Министерство даже не подозревает о том, что у инопланетян может быть пополнение, то отношениям с человеком в этом плане вообще можно сказать "до свидания". И это не говоря про то, что есть риск оставить след на ее ауре.

Доусон закатил глаза.

— Ну да, потому что я планирую каждого встречного человека превратить в ходячий "диско-шар" просто для удовольствия.

Брови брата опустились с явным предупреждением.

Он вздохнул.

— В любом случае это не имеет большого значения.

— Ты угрожал Эндрю из-за девушки? — спросил Меттью, смотря на парня и надеясь, что Доусон этого не делал. Ну, тогда ему бы стоило держать язык за зубами, потому что вряд ли услышанное может понравиться. — Доусон?

— Возможно.

Эндрю стрельнул в него щадящим взглядом:

— Это, то же самое, что и "да".

О, черт, у него снова появилось желание ударить Эндрю.

— Что ты сказал? — Дэймон спросил, и Ди посмотрела на них с интересом.

— Прекрасно, — Доусон ворчал. — Я сказал ему, что, если он еще раз заговорит с Бетани, я собираюсь засунуть определенные части тела ему в рот.

Деймон гневно выразился, чуть ли не трехэтажным матом. Конечно, это образно говоря, но Меттью тоже выглядел весьма

впечатленным. Когда шок немного прошел, он произнес:

— Ты угрожал кому-то из своей собственной семьи из-за человеческой девушки?

Доусон пожал плечами.

Трехэтажные маты возобновились снова.

— И добавлю, что в том, как ты пялился на нее, у нас появились проблемы.

— Как он смотрел на нее? — спросила Ди. Все ребята застонали. — Что? — потребовала она.

— Он смотрит на нее, как будто она... — была странная пауза, — почти, как Демон, действительно не знаю, как это выразить, как будто он никогда не смотрел на девушку раньше, и он не... Как будто она самый лучший стейк, а он голоден.

Брови Доусона взлетели вверх. Это так он смотрел на нее? Как будто она стейк?

— Ты никогда не смотришь на меня так, — Эш надулась.

Деймон уставился на нее. Определенно не так.

— Как угодно, — сказал Доусон. — Кроме того, что теперь я буду думать о стейке, каждый раз, когда я увижу Бетани, ничего не произойдет. Она мне нравится. Она клевая. Ну и что? Вам, ребята, не о чем беспокоиться.

Его брат, нахмурившись, посмотрел на Эндрю.

— Что ты говорил девушке?

Эндрю ничего не ответил.

— Он постоянно, как какой-то ненормальный урод, требовал у нее назвать свое имя, — вздохнул Доусон, вмешиваясь в их разговор.

— Ну, для меня это звучит, как нормальная человеческая ненависть, — Адам посмотрел на своего близнеца. — Тебя все раздражает без причины... как всегда. Это не имеет большого значения.

Это неважно для них, а для него? Доусон хотел бы, чтобы это было не так. Плечи его поникли, когда он направился к лестнице, покончив с этим разговором. Что бы ни произошло, между ним и

Бетани все было закончено, прежде чем он даже начал.

Оглянувшись через плечо, он пытался не обращать внимания на тяжесть в своей груди.

— Здесь не о чем беспокоиться. Спасибо, Эндрю, она не захочет быть со мной.

Эндрю бросил высокомерный взгляд.

— Что ж, да, не о чем беспокоится.

Бетани посмотрела на смятый клочок бумаги, на котором был написан номер Доусона. Прошло десять часов. Вечер. Было уже поздно. Вероятно, слишком поздно, чтобы звонить ему домой, тем более, если его родители были как у нее. И она действительно не должна была звать его, если то, что сказала Кимми, было правдой.

Но когда она начала думать о совершенно незнакомом человеке?

Когда ей говорили, что Дениэл изменял ей, она не слушала. В итоге, она нашла его в библиотеке с другой девушкой. В пятницу, когда возвращалась домой. Его руки находились не там, где должны были быть, она видела, что их языки сплетались, как стебельки вишни.

Она взглянула на лист бумаги в миллионный раз, а затем на свой телефон. Должна ли я? Могу ли я? Буду ли я? Ее взгляд вернулся к мольберту.

В темноте Доусон посмотрел на нее. Искривляя сильные челюсти, нос и губы, которые были слегка наклонены, все было от него настоящего. Но глаза были не те.

Огромное количество красок захватили его настоящий ярко-зеленый.

Ее взгляд вновь вернулся к бумаге.

Она решила, что просто введет номер в телефон и все. И то, что палец нажал на кнопку нажав на номер в мобильном, было полностью под ее контролем.

Ее сердце громко стучало в груди. Она услышала первый гудок... потом второй.

— Алло? — послышался глубокий голос через трубку.

Дерьмо. Бетани не хотела ему звонить. Она не думала и не считала его своей собственностью. Она оказалась немой. Снова.

Послышался звук закрывающейся двери.

— Бетани?

— Как ты узнал, что это я? Я ведь не давала тебе свой номер, —

она моргнула.

Облегченный смех парня заставил саму Бет улыбнуться.

— Я никому не даю свой номер. Так что ты единственная, кто не забит в памяти телефона, но знаешь его.

Сюрприз заставил ее рывком подняться с постели, ее ноги запутались в ватном одеяле.

— Нет?

— Нет "что"?

— Не даешь свой номер телефона? — парень выбрал хороший способ начать разговор. Ох.

— Ах, нет, не даю, — пружина застонала, и в голове всплыло видение парня, лежащего в постели. Она уже собиралась положить трубку, как Доусон продолжил. — На самом деле, я даже не могу вспомнить, когда последний раз давал девушке свой номер.

Часть ее хотела верить ему, но часть была не до такой степени глупа.

— Эм, я собираюсь быть честной.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты была со мной честна.

— Мне трудно поверить, что ты не даешь свой номер девушкам, — она моргнула.

— Я не делаю этого, — послышался скрип, как будто он удобно располагался, — но я не могу сказать, что они не давали мне свои номера.

Что-то вроде раскаленного покера прошло через ее глаза. Это. Не. Могла. Быть. Ревность.

— А есть разница? — Больше четкости, — произнес он. — Если я даю девушке свой номер, то это значит, что она может со мной связаться всякий раз, когда ей нужно. А мне это не очень нравится. Иметь чужой номер, это другое. Поняла, о чем я говорю?

Вторая прошла. Да, она это сделала. Означает, что он дает свой номер только тем людям, с которыми был не против связаться, и каким-то образом она попала в эту привилегированную группу.

— Ох, окей. Эм, спасибо?

— Во всяком случае, я рад, что ты позвонила. Не ожидал, — Доусон рассмеялся.

Но не она.

— Я думал, после всего, что с Эндрю...

— Странность твоего друга не имеет ничего общего с тобой, — решив, честно говорить, она сделала глубокий вдох.

— На самом деле, я все еще хотел пойти куда-нибудь с тобой после школы сегодня. Потому что я идиот. И я был, своего рода, разочарован, когда ты ушла. Потому что я действительно идиот. Таким образом, да, это все, что я хотел сказать.

Молчание затянулось между ними. Бетани, немедленно сожалея, открыв свой рот, произнесла:

— Хорошо. Может быть, я не права.

— Нет. Нет! — быстро сказал он. — Я просто удивлен. Я думал... Это не имеет значения. Ты все еще не против куда-нибудь сходить поесть в воскресенье?

— Да, — Ее голос прозвучал задыхающимся шепотом, как будто она только что пробежалась по лестнице... или работала в качестве оператора секса по телефону.

Неловко-то как.

— Что будет завтра?

— Ты... ты не можешь дождаться воскресенья? — Бетани рассмеялась.

— Черт, нет. Трудно познакомиться с тобой, когда у нас было всего лишь несколько минут до начала занятий, чтобы поговорить, — он остановился. Его голос стал очень низким. — И я очень хочу познакомиться с тобой.

Она упала навзничь на пуховую подушку в изголовье кровати. Нужно было принимать какое-то решение. Действовать, исходя из того, что сказала Кимми и руководствуясь своими собственными старыми страхами, или плыть по течению, куда бы это её не привело.

Глядя в потолок, она боролась с тупой улыбкой до ушей.

— Мы ведь можем узнать друг друга ближе, верно?

Еще один глубокий смех заставил ее смутиться.

— Я хорошо знаю, к чему это ведет.

Она тоже.

* * *

Деймон зашагал по лесу, окружившему дом его семьи. Жестокий ветер покатился на него, прямо на него. Черт возьми, на улице было холодно. Было так холодно, что он даже пожалел, что не взял с собой куртку.

Засунув руки в карманы джинсов, он смотрел на замерзшее озеро, которое успел посетить больше раз, чем хотел. Лунный свет отражался ото льда, отбрасывая серебристый оттенок, который напоминал ему хорошо отполированное лезвие.

На патрулировании, последнее, что он должен был делать, так это думать о личной жизни брата, что его интересовала девушка.

Но вместо того, чтобы сосредоточиться на расчесывании округи, как он должен, он волновался. В то время, как его брат отдыхал в спальне, не зная, что он делает.

Он говорил по телефону с человеческой девушкой Бетани.

Это было не похоже на простую беседу с человеческой девушкой, был красный код. Доусон внимательно смотрел на неё, он приказал Деймону в классе, и то, как он угрожал Эндрю? Да, это определённо была проблема.

Это большая проблема.

Вынув руку из кармана, он, через ветер, потянул свою руку к волосам. Его брат всегда был самостоятельным, всегда делал то, что хотел. Потому что Доусон был просто сильный. Если кто бы и рискнул быть изгнанным старейшинами и жить всю оставшуюся жизнь в изгнании, то это был его брат.

Деймон поворачивался вокруг себя, в ожидании, что его голова взорвется или еще что-нибудь. Нуждаясь в каком-нибудь действии, он стряхнул с себя человеческую оболочку, прежде чем сделать шаг. В своей естественной форме он был ничем, кроме ослепляющего света и быстрее, чем ветер.

Выпрыгнув из окна, он направился к скале. Как только он добрался до туда, ему пришлось немного остыть. Это было лучшее место, чтобы следить за тенями за их перемещениями.

По пути вверх, он побежал не щадя свои способности.

Закреть Доусона в своей комнате и держать его вдали от школы, от девушки.

Пугать девушку, чтоб она была на расстоянии от Доусона.

Бросьте все телефоны подальше и слэш шины Доусона.

Да, с его планами было не все в порядке. Во-первых, это было не совсем заключение. Тратить все эти годы в Нью-Мексико, сидя под каблуком, его не прельщало. Во-вторых, он только что получил от Ди приставку, и он будет плакать, если с ней что-то случится.

Может быть, там не было ничего, что он мог бы сделать. Может быть, все остро и быстро. Доусон вышел с человеческой девушкой. Вон, даже Деймон делал там несколько раз, чтобы отдохнуть от Эш.

Это не было любовью Доусона к человеческой девушке, спасибо Господи.

Чтобы почувствовать себя лучше, он выстрелил вверх по склону горы молнию. Это было просто развлечение, которое будет исчезать.

Доусон и девушка были знакомы едва ли несколько дней. Было уже или слишком поздно, или ничего.

Так ли это?

* * *

Когда телефон Бетани засигналил около уха, она нахмурилась.

— Погоди. Аккумулятор садится. Никуда не уходи.

Раздался смешок.

— Не планируй за него!

Потянувшись вниз, она воткнула шнур в розетку и откинулась обратно на подушки.

— Итак, ты жил в Колорадо, Нью-Мексико и Южной Дакоте?

— Да. И в Нью-Йорке.

— Вау. А твои родители, получается, все время на работе?

Тишина, а затем:

— Да, можно и так сказать.

Она нахмурилась. Опять немногословные ответы. У него была привычка отлынивать от ответа, когда дело касалось личного.

— Хорошо. Тогда где ты родился?

Пружины заскрипели. Потом он ответил.

— Моя семья обитала до этого на небольшом острове в Греции. Не уверен, что у него есть хотя бы какое-то название.

— Ничего себе, — она повернулась на бок, теперь улыбается. — Ну, это все объясняет.

— Объясняет что? — с любопытством отметил он.

— Вы, ребята, я даже не смотрю... реально, — Доусон рассмеялся, на что Бетани покраснела. — Я имею в виду, что ты выглядишь более иностранно. Как будто вы пришли с какого-то дальнего места.

— Да, мы пришли еще и с дальнего места, — он снова рассмеялся.

— Это, должно быть, тоже с Греции? Всегда мечтала побывать там!

— Я помню не многое, но я хотел бы вернуться. Хватит обо мне. Я видел твой рисунок в изо-студии.

— Цветы в вазе? — она сжала телефонную трубку.

— Да, — сказал он. — Человек, у тебя есть удивительные навыки. Это выглядело так, будто, например, госпожа Пан была на борту. Шахта была похожа на хобот слона, который ел сорняки.

— Это было не так уж и плохо! — хихикнула Бетани.

— Это очень мило, но я знаю, что ты лжешь. Ты много рисуешь?

— Нет, — она посмотрела на картину, лежащую в углу. — Я рисую на самом деле.

— У тебя настоящий талант. Я хотел бы посмотреть один раз

твои картины.

Она умерла бы тысячу смертей, только бы не показывать ему последний рисунок.

— Последняя получилась не очень хорошо.

— Ну и что, — ответил он.

— Откуда ты знаешь? Ты не можешь судить по цвету.

— Ах, я просто знаю. Это мой талант, если тебе интересно. Я просто знаю некоторые вещи.

— Какой уникальный талант, — она закатила глаза, но все еще улыбалась.

— Я знаю. Я удивляю себя самого, — раздался мягкий вздох.

— Бьюсь об заклад, ты из тех парней, которые ничего не боятся, да?

— Ох, нет, есть вещи, которые пугают меня.

— Какие?

— Маппетс-шоу, — торжественно ответил он.

— Что? — спросила она. — Маппетс-шоу?

— Да. Эта вещь страшная. А ты смеешься надо мной.

Она улыбнулась.

— Да, извини. Маппетс-шоу действительно страшное, — закрыв глаза, она подавила широкий зевок. — Нам надо отключаться.

— Я знаю, — послышался вздох Доусона.

— Окей, хорошо, я думаю увижу тебя... — она взглянула на часы, — примерно в пять часов, а затем?

— Да, я буду ждать тебя.

О Боже, ей понравилась эта его фраза. Он будет ждать ее.

— Окей. Хорошо.

— Подожди, — прозвучал его голос. — Я не хочу, чтобы ты вешала трубку.

У нее перехватило дыхание.

— Я вторая такая.

Его смех согревал ее.

— Хорошо, расскажи мне некоторые вещи, которые ты любишь рисовать.

И она начала говорить. И болтали они, пока не заснули с телефонами между ухом и плечом.

Не в силах вспомнить, когда он в последний раз был так близок к гипервентиляции, что было удивительно, из-за того, что на самом деле ему вообще не надо было дышать, он взглянул на свой телефон. Опять.

Сообщение от Бетани не изменилось за тридцать секунд, с того времени когда он последний раз просмотрел его. Бетани писала, что не может дождаться их обеда в два. Он знал, что на не отменит его, тем более что они разговаривали по телефону каждый вечер со среды.

Но он был так же взволнован, как длиннохвостая кошка в комнате, полной кресел качалок.

Его взгляд скользнул по приборной панели. На тридцать минут раньше. Он должен идти вперёд или подождать? Занять один из тех столиков возле камина? Бетани хотела бы этого, подумал он, так и сделал.

Пока он ждал её, он сыграл раунд FreeCell на своём телефоне. Проиграл. Сыграл ещё и, потому что он поглядывал вверх, каждый раз, когда колокольчик над дверью зазвонил, проиграл ещё два тура.

Боже, это было так, словно он никогда не был на свидании раньше. Если бы он продолжил это занятие, он бы стал мерцающим, как Северное сияние. Нехорошо.

Когда звон произошёл снова, и он поднял глаза, каждый нерв в его теле словно отключился.

Это была Бетани.

Её теплые карие глаза осматривали центр, над столами, и наконец, он остановился у камина. Когда её взгляд встретился с его, она улыбнулась и, поэтому высосала его сущность прямо из костей... полностью хорошим способом.

Направляясь прямиком к столу, ее глаза смотрели только на него. Что означало, что она не видела, как парень лет 18–19 проводил ее взглядом. Доусон так не любил то, как парни пялились на Бетани. Как будто они никогда раньше не видели особь женского пола, и Доусон был более чем готов представиться. В нем выключились все

территориальные инстинкты. Ему понадобилось все его самообладание, чтобы не встать и не избить его об старый деревянный пол.

— Эй, — сказала Бетани, стягивая свой кардиган. Под ним она была одета в чёрный свитер с высоким воротником, который прочерчивал её изгибы. — Ты не долго ждал?

Заставляя свои глаза не светиться, он улыбнулся.

— Нет, я только что пришёл.

Она скользнула в кабинку, заправляя волосы за уши. Ему нравилось, когда ее волосы были распущены, рассыпаясь по ее плечам. Глядя вокруг закусочной, она прикусила нижнюю губу.

— Здесь действительно уютно. Мне нравится. Вроде, по-домашнему.

— Тут реально хорошо. Отличная еда, — он прочистил горло, желая треснуть себе. — Я рад, что ты пришла.

Ее взгляд метнулся к нему.

— Я тоже.

Появилась официантка, спасая их от неловкого молчания, пока они заказывали напитки.

— Ты часто сюда приезжаешь? — спросила она, когда официантка ушла.

Доусон кивнул.

— Мы приходим сюда примерно два раза в неделю.

— С братом и сестрой?

— Да, Ди и я приходим сюда каждый четверг, а втроем мы обычно приходим каждую среду.

Он рассмеялся.

— На самом деле плохо, что мы тут часто едим.

— Твои родители не готовят?

Ах, вопрос-бомба, учитывая, что их родители умерли прежде, чем любой из них узнал, как они выглядели.

— Нет, они не готовят.

Вернулась официантка, сдвинув бокалы на стол. Запеченная в духовке пицца, дополнительные зеленый перец, слабый соус, были заказаны вместе с хлебными палочками.

Бетани играла с соломкой, складывая ее в квадраты так, чтобы это было похоже на аккордеон.

— Я клянусь, моя мама живет ради выпечки. Каждый день я прихожу домой, а там уже печенье, свежее испеченный хлеб, или какой-нибудь торт.

Незнакомое, глубокое чувство появилось в груди. Что было бы, если бы их дома ждали мама или папа? Все, что они имели, был Мэтью, не то что он был плохой, но не жить же с ним. По крайней мере, они были вместе тринадцать лет, а теперь они считаются достаточно зрелыми, чтобы жить одним. Мэтью, наверное, держали бы с ними всю жизнь, но Деймону нужно собственное пространство.

— Это... должно быть, приятно, — сказал он.

— Так и есть, — она закрутилась вокруг соломы, сбивая ее кубиками льда. — Сейчас она готовит больше, потому что папы нет уже больше недели, а ее брат остался с нами. Еда — ее способ уйти от проблем.

Он вспомнил, что она говорила об этом человеке. Лаксены не заболели.

— Как он?

— Лучше. Просто он выглядит хуже, чем... думаю, чем он себя чувствует, — полуулыбка появилась от просмотра танца кубиков льда. — Я плохо себя чувствую, потому что не знаю, что сказать ему. Мы едва знаем друг друга, из-за этого он переживает. Перемены, а все то, что я говорю, звучит только хуже.

— Я уверен, что он ценит тебя только из-за того, что ты остаешься с ним.

— Ты так думаешь? — надежда искрилась в ее голосе.

— Да, я так думаю, — в надежде успокоить ее, он потянул свою руку через стол и положил на ее руку.

Разряд прошел через их руки, и Бетани издала испуганный вздох. Рука, держащая солому, дернулась, она подняла глаза. Стекланный бокал решил убежать от них.

Опустив ее руку, он поймал бокал в тот же момент, как тот начал падать. Немного жидкости выплеснулось за край.

— Осторожней, — пробормотал он.

Бетани посмотрела на него, открыв рот.

— Что?

— Я... я просто не видела движения твоей руки. Одну секунду ты держал мою ладонь, а в другую уже ставил бокал на стол, — она моргнула.

Ох. Дерьмо. Иногда Доусон просто не задумывался. Человек, наверно, не смог бы задержать стакан на уровне ее колен. Вымученно улыбнувшись, он произнес:

— У меня чертовски быстрые рефлексy.

— Я вижу, — пробормотала она, схватила салфетку и скомкала ее. — Ты должен играть в спортивные игры или что-то подобное.

Ха. Да, но этого не случиться. Он бы уничтожал людей, даже если бы сдерживался.

К счастью для него, Бетани, казалось, приняла его ответ, и их разговор перешел в непринужденную беседу, из-за которой они трепались часами напролет по телефону.

Когда привезли пиццу, они оба принялись за нее. Он смеялся, когда она макала хлебные палочки в соус для пиццы. Это то, что они с Ди оба делали.

Он подумал, что имя его сестры, должно быть, напугало ее, потому что привычная легкость прошла, и он ощутил знакомое присутствие. Глаза остановились на входе в кафе.

Он чуть было не свалился со стула, когда его опасения подтвердились.

Ди была здесь. И она была не одна. Адам был с ней.

Бетани нахмурилась, когда увидела его выражение лица. Оглянувшись через плечо, она поджала губы.

— Это твоя сестра... с твоим, ну, хорошим другом.

Пожалуйста, не подходи сюда. Пожалуйста, не подходи сюда.

— Это Ди, но никак не Эндрю. Это его брат, Адам.

Она кивнула обратно ему:

— Близнецы?

— Тройняшки, как и мы, — его взгляд прошелся по передней части кафе. И его молитвы не были услышаны. Ди заметила его, и ее глаза так широко распахнулись, будто она встретила президента Соединенных штатов. Она пошла прямо к ним, Адам следом за ней. Ряд ругательств промелькнул в его голове, Деймон мог бы гордиться.

— Мне очень жаль. Клянусь, я их не приглашал.

Бет наклонила голову набок.

— Все в порядке. Не волнуйся.

Он не беспокоился о том, как Ди и Адам будут себя вести. Они были на стороне людей, но его сестра... Бог любит ее, но иногда она слишком много на себя берет.

Ди остановилась около нашего стола, ее зеленые как лес глаза прыгали от Доусона к Бетани.

— Каким сюрпризом было увидеть тебя здесь. Я и не знала, что ты придешь. Если бы ты сказал что-то, ну ты понимаешь, вроде того, что сказал бы порядочный брат, Адам и я могли пойти вместе. Не считая того, что теперь мы будто преследователи, потому что ты пришел сюда первым.

Ди глубоко вздохнула.

— И ты не один. Так что мы полностью рушим твоё... свидание? Это свидание или просто двое друзей заходят где-то вместе?

Доусон открыл рот, но он так ничего и не произнес, взглянув на Бетани, которая смотрела то на него, то на Ди, губы ее дергались, как будто она пыталась не улыбнуться.

— Ах, нехватка ответов точно означает свидание, — Ди ухмыльнулась, когда она перебросила волосы через плечо. Потом она порхнула к Бетани и совершила еще один вербальный аэробный трюк. — Так значит, ты та девушка, с которой Доусон разговаривает полночи? Он думает, я не знаю, но это не так. В любом случае, твоё имя, должно быть, Бетани Уильямс? Мы еще не встречались, — она протянула свою тонкую руку. — Я — Ди.

Бетани пожала ее руку.

— Приятно познакомиться... И, да, я думаю, что я та девушка.

Его сестра пожала руку Бэт, из-за чего она немного покачало из стороны в сторону, просто круто.

— Ты действительно очень милая. И я могу сказать, что хорошая, по-настоящему классная, потому что Доусон мой любимый брат, и если...

— Эй, девочка, может хватит! — Адам положил руку на плечо Ди. Он сочувственно взглянул на Доусона. — Мы просто собирались перекусить.

Доусон выдохнул с облегчением.

— Ох, это очень хорошо, — Бетани говорила очень искренне. Вау. Многие люди уже лежали бы от усталости. — Мы можем сидеть за одним столом.

Улыбка Ди была размером с арбуз.

— Я была права! Ты очень милая, — она повернулась к брату, поднимая брови. — На самом деле, ты слишком хороша для него.

— Ди, — пробормотал Адам.

Доусон усмехнулся.

— Я думал, что я был твоим любимым братом.

— Ты. Когда я захочу, чтобы это был ты, — она повернулась обратно к Бетани. — Ну, мы оставим вас ребята, ваше...?

Не было никакого другого способа, кроме этого, и Доусон не хотел скрывать, что он делает. То, что он скажет это, не начнет кучу дерьма, но учитывая, что у всех уже были подозрения... оу, какого черта.

— Это свидание, — сказал Доусон. А потом он хотел кричать это.

Бетани покраснела.

Адам схватив Ди за руку, потянул ее обратно к стойке. Он оглянулся и соорудил извиняющую гримасу.

— Ну... — Доусон громко вздохнул, размышляя, кто войдет в дверь следующим. Дэймон? Боже мой. — Это была моя сестра.

Бетани, подперев щеку рукой, усмехалась. Ее глаза блестели.

— Она мне нравится.

— Ее рот... обладает необыкновенными способностями.

Она хихикнула.

— Она, кажется, милая.

— Слишком милая.

Слегка шлепнув рукой, она откинулась на спинку.

— И Адам намного добрее, чем его брат.

— Бешеная гиена намного добрее, чем Эндрю, — возразил он. — Когда мы были детьми, он запер меня один раз в старом сундуке. И оставил меня там на несколько часов.

— Что? Боже, это ужасно, — она сделала паузу. — Итак, вернемся к тому, что в городе размером с комара, есть две пары тройняшек. Странно, правда?

Она ничего не знала. В этом городе было куча тройняшек, но они оставались в имении Лаксенов глубоко в лесу, в окружении скал Сенеки, редко замеченными человеческим обществом. Только один или два ребенка из семьи работали снаружи в городе. Это было гораздо безопаснее и Старейшинам нравилось держать всех под контролем. По крайней мере, так считал Деймон.

— Наши семьи были друзьями в течение многих лет. Когда мы переехали сюда, они последовали за нами, — это было ближе всего к правде.

Истинный интерес вспыхнул в ее глазах. Потом она спросила про Дэймона.

Описывать Бетани своего старшего брата было так же легко, как и пытаться не наступить на мину посреди войны. Они находились там больше двух часов, чем и заработали нетерпеливые взгляды персонала, который хотел освободить столик.

Когда, наконец, пришло время расставаться, Доусон понял, что не хочет этого. Он подошёл к её машине, крутя в пальцах ключи.

— Я очень хорошо провел с тобой время.

— Я тоже, — ее щеки разругались на ветру. Мило. Она встретила с ним взглядом и отвела его. — Мы можем увидеться

снова.

— Я уже решил, — Доусон хотел поцеловать её. Прямо здесь. Прямо сейчас. Но вместо этого он сдержался, его как будто парализовало, и он просто обнял её, как хороший парень. — Увидимся завтра?

Глупый вопрос, так как завтра им надо было в школу.

Бетани кивнула и потянулась на цыпочки, положив руку ему на грудь.

Прикоснувшись к его телу, она обвила своими руками его спину. Он не мог двинуться. Она прижалась губами к его щеке.

— Поговорим с тобой ночью?

Он опустил голову, вдыхая аромат ее волос. Находясь так близко от неё, Доусон чувствовал, что сейчас он был в своей настоящей форме. Он открыл глаза, просто чтобы убедиться, что это всё действительно происходит.

— Конечно, — пробормотал он, проведя рукой по ее руке, затем коснулся её груди. Мелкая дрожь прокатилось по её телу и по нему, заставляя его напрячься. — Что мы делаем сегодня ночью?

Она засмеялась, высвобождаясь из его объятий.

— Позвони мне.

Доусон сделал шаг в ее сторону, опустив подбородок. Он хотел прикоснуться к ней снова.

— Позвоню.

— Хорошо, — она поддерживала разговор, пока была на другой стороне своего автомобиля, открывая дверь. — Потому что я не думаю, что смогу пойти спать, не услышав твой голос.

Мысли Доусона были рассеяны. Все, что он мог сделать, это стоять там и смотреть на то, как она уезжает. И только тогда, когда он был уверен, что она не могла видеть его, он позволил своим губам улыбнуться настолько широко, что это могло опозорить Ди.

Повернувшись, он направился к своей машине, а затем остановился.

Кто-то наблюдает за ним.

Доусон осмотрел парковку. Она была переполнена грузовиками и другими транспортными средствами до неприличия большой вместимости. Одно выделялось.

Черная Expedition с сильно тонированными стеклами, была припаркована в самом конце, с работающим двигателем.

Злость росла в нем так быстро, что он практически терял контроль над собой. И разве это не понравится его преследователям? Лаксен, вытворяющий все это на глазах у людей. Дурацкое Министерство обороны. Доусон уже привык к тому, как они регистрируются, что на самом деле значило отслеживать их. Сегодняшний день никак не отличался. Не считая, того что они видели его с Бетани, и, когда он развернулся и вернулся к машине, понадобились все его силы, чтобы не подойти к тому грузовику и не поджечь их задницы.

* * *

Прошло уже три дня, а Бетани все еще парила в воздухе с воскресенья. Чертовски избито, но она летала, словно под ее ногами были облака. Вернувшись поздно к своему шкафчику перед ланчем, она встала в пустом холле, пересматривая книги. На ее лице была усмешка, посылаемая в никуда. Ее щенячье счастье имело имя, и...

— Привет, — сказал Доусон, его дыхание грело ухо.

Взвизгнув, она обернулась и уронила свою книгу. Сложив руки на груди, она смотрела на Доусона широко распахнутыми глазами.

— Как... как ты тут оказался? Я не слышала, как ты подошел.

Он поднял книгу и передал ей, затем прислонился к шкафчику рядом с Бет и пожал плечами.

— Я тихий.

Тишина даже не покрыла это. Мышь чихнула в коридоре, и это отозвалось эхом.

Она сунула книгу в сумку. Тогда он остановил её.

— Что ты делаешь здесь?

Появилась ленивая усмешка.

— Собирайся на обед.

— Подожди. Разве тебе не нужно сейчас в класс?

Он придвинулся ближе, дыша тем же воздухом, что и она, заставляя ее дыхание поймать его. Это чертова полуулыбка творила забавные вещи с ней. Во вторник они снова пошли в ту забегаловку, прощаясь без поцелуя — настоящего поцелуя. Но когда его лоб прикоснулся к ее лбу, она, на самом деле, поверила, что он собирается ее поцеловать прямо в холле.

У Бетани было все хорошо с этим.

— У меня есть исследовательский зал, — сказал он, наклонив голову немного в сторону, соединяя их губы. — И я заколдовал мой выход из класса. Я хотел увидеть тебя.

— Ты заколдовал свой путь? — Её глаза закрылись. — Как ты это сделал?

— Я никогда не раскрою свои секреты. Ты знаешь намного больше, чем должна. — Доусон отстранился, поймав ее другой рукой. Через минуту он отошел от нее, она посмотрела на него. Он усмехнулся. — Я хотел пообедать с тобой.

Сильно польщенная, она позволила вывести себя в коридор... прочь от кафетерия, она притормозила.

— Эй, куда ты меня ведешь?

— Это сюрприз, — он притянул ее к себе и положил свои руки ей на плечи.

Расстояние от его тела было небольшим и ей это нравилось, это было восхитительно.

— Мы возвращаемся в кампус?

— Да.

— Мы собираемся попасть в беду?

Он остановился, развернув ее в своих руках. Они крепче прижались друг к другу, а его рука все еще находилась на ее плечах.

— Вопросы, вопросы, Бетани. Поверь мне. Ты не сможешь попасть в беду со мной.

Она выгнула бровь.

— Из-за твоих навыков заклинателя, да?

— Именно так, — он усмехнулся.

Доусон пошел дальше, и она отправилась за ним, представляя, что будет делать ее мама, когда той позвонят из школы, если они попадутся. Обязательные тесты на беременность были бы ее будущим. Она взглянула на Доусона и решила, что он того стоит.

Когда они выходили в заднюю дверь, она боялась услышать сигнал тревоги и увидеть сидевших в засаде копов. Когда ничего не произошло, и их ноги коснулись тротуара, она, наконец, расслабилась.

Доусон отпустил ее руку, ускоряя темп в то время, как вытаскивал ключи из кармана.

— Место, куда я хочу отвести тебя, это в двух блоках вниз. Мы можем поехать, если хочешь.

Он посмотрел через плечо, его глаза, начав с макушки, сместились вниз до пальцев ног.

Блин, когда он смотрел на нее так, то ожидал, что она сможет хорошо говорить? У нее во рту сейчас каша, бесполезное месиво.

Уголки его губ поползли вверх, будто он знал, какие чувства вызывал в ней.

— Тебе холодно?

— А что насчет тебя?

Он стоял перед ней, крутя ключи вокруг пальца.

— Я в порядке. Все же это твой мир^[6].

Она улыбнулась ему в спину.

— Это разновидность сотрудничества... — она вскрикнула, поскользнувшись на участке льда. Пытаясь удержать равновесие, она махала руками.

Не произойдет.

Поняв, что все равно упадет, она представила, что себе сломает. Нужно будет вызвать скорую помощь. Мама обо всем узнает. Папу вызовут с работы. Она получит сотрясение мозга. Или еще хуже.

Теплые руки окружили ее, он словил ее за полсекунды до того,

как она упала. Там она и осталась, повиснув в воздухе, задевая своими волосами гладкий асфальт. Лицо Доусона было в дюйме от ее лица, глаза закрыты, лицо жесткое и угрюмое.

От шока Бетани не могла даже говорить. Доусон был в нескольких футах впереди от нее. Ему добраться до нее так быстро было не возможно.

Задыхаясь, она посмотрела на него и с трудом сглотнула.

— Хорошо. У тебя есть рефлекс кошки на стероиды.

— Да, — он ответил так, будто задыхался как она, — ты в порядке?

Облизав губы, она кивнула и сказала то, чего он не мог видеть.

— Да, я в порядке.

Медленно выпрямившись, он поставил ее на ноги, а после отпустил. Он открыл глаза, и Бетани не могла поверить в то, что увидела. Роговицы глаз сохраняла до сих пор красивый зеленый цвет, но зрачки... зрачки были белыми.

Не осознавая этого, она сделала шаг вперед.

— Доусон...

Он моргнул, и его глаза стали нормальными.

— Да?

Тряся головой, она не знала, что с ней делает ее мозг. Ученики не могли быть белыми. И он был быстрым — быстрым, как золотой медалист олимпийских игр. И также тихим. Тихим, как призрак на невесомой программе. И его друг мог растапливать мячики для пинг-понга...

В течение следующего месяца Бетани видела Доусона все больше и больше. Они зависали в школе так много, как только могли. Как он умудрился обмануть свой выход из четвертого периода на постоянной основе, поражало ее. Обаяние? Черт, ему нужно было разливать его в бутылки.

В дни, когда у них был совместный обед, он брал ее в закусочную " Mom and Pop" вниз по улице. Больше не происходило почти смертельных случаев на парковке и никаких поразительных скоростных подвигов Доусона под конец.

И никаких светящихся зрачков. Теперь это звучало безумно, и она даже хотела рассмеяться, но каждый раз, когда они соприкасались, между ними проходил электрический разряд. Позже, было больше. После того, как угасал первоначальный статический заряд, казалось, его кожа... гудела или вибрировала.

Это была самая странная черта.

Расхаживая взад и вперед, она протерла на полу дорожку. Обычно, она никогда не бывала столь повернута на мальчике. Но в нем что-то было. Он присутствовал постоянной тенью в ее мозге.

Они разговаривали каждый день, между классами, на ланче, ночами по телефону, и, хотя она знала о нем так много, было все еще столько всего, чего она не знала.

Например, она не знала ничего о его родителях, очень мало о его родных, и у нее было подозрение, что он мог быть родственником одного из школьных учителей, потому что она постоянно видела его с парнем.

Она просто царапала по поверхности Доусона. Узнавала, что ему нравится и не нравится, и его любовь к пешим прогулкам и нахождению на улице открыли, что глупые шутки заставляли смеяться их обоих, и что он был большим любителем телевизора. Но настоящие вещи? Его прошлое? Нет.

Повернувшись к своей кровати, она воззрилась на Филипа. Видно, хотел залезть в её Пейнт после школы, но уснул в процессе. Сейчас это был эдакий херувимчик, свернувшийся калачиком и

мирно посасывающий большой палец во сне.

Вспышка белого света промелькнула на заставке ноутбука. Это было движущееся изображение падающих звезд.

Сев рядом с братом, она уставилась на экран. Белый был интенсивным, поглощающим. Как бывали зрачки Доусона. Но она видела кое-что, верно? Вызванная стрессом реакция в результате неприятной встречи с ледяной мостовой. Не существовало логического объяснения тому, что она видела впоследствии. Не то, чтобы это действительно имело значение. Он мог бы быть замаскированным ламой, и она все равно... была бы очарована им.

Она запала на Доусона, несмотря на тот факт, что она знала это, существовало то, что он скрывал от нее. Запала сильно. Но он не был единственным, кто сдерживал себя.

Если бы Бетани была честна с собой, а она была, она должна была признать, что она сдерживалась тоже.

Прокатки на ее стороне, она схватила телефон. Потрясающий план сформировался в ее голове, когда она послала Доусону быстрое сообщение, пригласив его к ней домой в субботу.

Он ответил немедленно.

"Какое время?"

Теперь ей просто необходимо сообщить новости своим родителям.

Доусону не требовались подсказки, чтоб добраться до дома Бет. Тем не менее, он то и дело, спрашивал направление. На всякий случай. Иваном Сусаниным он не был — главным образом потому, что не так-то уж и сложно сориентироваться в Петербурге.

Особенно тому, кто так же прекрасно знаком с картой этого города, как он.

С того дня вне школы, когда он продемонстрировал скорость Супермена, он чувствовал себя так, словно ходил по гвоздям и иголкам. Бетани не поднимала этого снова, но он знал, что она об этом думала. Время от времени он ловил на себе ее взгляд, словно она пыталась увидеть его по-настоящему. Увидеть, что на самом деле находилось под его одеждой и кожей.

Отчасти, ему это нравилось. Но и вселяло страх. Если она когда-нибудь поймёт...

Направляя Фольксваген Джетта вниз по узкой дороге, загроможденной вязами, он сделал глубокий вдох. Никаких сомнений в том, что она не пожелала бы что-либо с ним делать, если бы узнала, что более девяноста процентов его ДНК была не из этой солнечной системы.

Правильно ли это — врать ей? Он не был уверен. Честно говоря, раньше при общении с другими человечками он над этим даже не задумывался.

Что это означало, он понятия не имел.

На фоне серого апрельского неба показался, выдавший виды, деревенский домик.

Снаружи было припарковано три машины: одна, Порше, (насколько он знал) принадлежала её дяде.

Вчера, к его удивлению, она пригласила его зайти. Водить парней домой для неё не было хорошей идеей: как он понял, от такого её предки не придут в восторг. И, тем не менее, он здесь.

Он припарковался и вышел из машины, отирая ладони о джинсы. Одеться надо было, пожалуй, попримечнее. Но его прежние

отношения с человечками ещё не заходили так далеко, чтоб сводить знакомства с их родителями.

Став перед дверью, он глубоко вдохнул. Не дать причин для подозрений Ди по поводу "где он там шлся" — вот что было и вправду непросто. А с этими

родителями он в два счёта справится.

Ага, убеждай себя, да получше. Да что уж там, мамуля с папулей будут визжать от счастья, что дочурка знакомит их с пришельцем.

Не успел он постучать, как дверь открылась. За ней стояла высокая и стройная дама, уж слишком молодо выглядевшая, чтобы быть мамой Бетани. Тем не менее, глаза были её. Их взгляды скрестились, женщина моргнула, словно захотев отступить назад.

— Вы, должно быть, Доусон, — сказала она, положив руку на грудь.

— Так точно, мэм, — улыбнулся тот. — Я пришёл к Бетани.

Миссис Вильямс ответить не успела. По ступенькам застучали каблуки, и вот она, Бетани. С лёгким удивлением во взгляде она обогнула мать, схватила Доусона за ладонь и втянула внутрь.

— Мам, это Доусон. Доусон, это моя мама.

Бровь последней изогнулась в недоумении.

— Обычно ты не так гостей представляешь.

— Какой кошмар, — съязвила девушка, пытаясь подтащить его к лестнице.

Из, по всей видимости, гостиной нерешительно выступил мужчина с пультом в руках.

— Эмм...

— Это мой папа. Маленькая зад... мм, Филип прикорнул ненадолго, — из-за спины отца девушки виднелась худощавая мужская фигура. Доусон не сразу опознал доктора, хотя не раз встречался с ним в городе. — А это дядя.

Доусон помахал им.

— Очень прия...

— Мы идём наверх, — начав подниматься, она одарила его

пронзительным взглядом.

— Дверь не закрывай! — крикнула снизу мать девушки.

— Ох, мам, — щёки Бетани враз стали красными. — Это совсем не то, о чем ты думаешь.

Черт, побери. Он хотел, чтобы это было именно то. Ее мать снова повторила приказ, и Бетани потащила его по коридору.

— Пожалуйста, прости. Мама думает, что если в моей комнате мальчик, то это сразу нечто определённое, — она отпустила его руку, пока открывала дверь. — Это так... смущает.

— И что, много в твоей спальне парней бывает? — войдя внутрь, Доусон изучил обстановку. Ничего особенного, вроде, все, как и всегда — за исключением мольберта, стоящего прямо напротив окна. От ноутбука доносилась тихая мелодия.

Она рассмеялась, вновь очутившись в его поле зрения.

— О, несомненно. Здесь вообще проходной двор.

Он вскинул брови. То ли шутит, то ли нет... трудно было сказать.

Его выражение лица привело к очередной вспышке смеха. Ему нравилось это... нравилось, что она любит смеяться.

— Шучу! На самом деле, первопроходец здесь именно ты, — она опустилась на кровать и похлопала рядом с собой.

Прилив собственничества тяжело поразил его, игнорируя его, он сел возле нее и отклонился назад, наблюдая за ней из-за прикрытых глаз.

— Ну, ты все еще новенький. Если ты не торопишься, я надеюсь, что буду первым парнем.

Положив ногу на ногу, она повернулась к нему.

— Кажется, кто-то был в о-очень многих девичьих спальнях.

Он пожал плечом.

— А ну-ка колись, — прищурилась она. — За такой внешностью, как у тебя, девицы штабелями должны бегать. И драться за право затащить тебя к себе.

— И дальше что? Я-то с тобой, кажется, — он дотронулся до

края её штанины.

— Со мной... — нахмурилась она. — Только непонятно, с чего бы.

Доусон уставился на неё, будто впервые увидел. А потом расхохотался в голос. Она серьёзно?! Не знает о том, какая она прехорошенькая и как её смех воздействует на людей?..

— Смейшься, значит? — она стала ещё более угрюмой.

— Ага, — он резко сел, сделав это в разы быстрее, чем надо бы, и взял её за руку.

— Вот не надо изображать удивление от того, что я здесь. С тех пор, как ты появилась, я был твоим хвостиком.

Бет взглянула на захваченную ладонь. Спустя пару секунд её напряжённость стала исчезать.

— Я знаю, что не уродина, но ты... ты...

— Что "я"? — он ухмыльнулся.

Она покраснела, в то время как его улыбка сделалась всё шире. Девушка выдернула руку, хотя он и сомневался, что она этого хотела.

— Ты прекрасно знаешь, кто ты и что ты, — она раздражённо потянулась за большой папкой. На поверку это оказался старый фотоальбом. — Я наткнулась на него недавно. Не хочешь взглянуть?

— Всё, что ты пожелаешь, — он откинулся назад, опираясь на локти.

Длинные ресницы её взметнулись, и их глаза встретились. Он почувствовал, словно его ударили под дых со всей силы. Хотя... нет, не то. Каждый раз, когда он покидал смертную оболочку и принимал свой настоящий вид, он словно ощущал на своей шкуре всю мощь электрического разряда.

Примерно это же случалось, когда на него смотрела Бетани.

Больше всего на свете он хотел бы знать, что происходит в этой её прелестной головке. Отчего её глаза темнеют так, что порою невозможно отличить радужку от зрачка? Неужели она тоже это чувствует?.. Боги, если он в чём-то ошибается насчёт неё, им обоим придётся весьма неловко впоследствии.

Если хорошо разбираться в инопланетной материи, то легко сделать вывод: люди не так уж и сильно отличаются от Лаксенов.

Она рассказывала о своей семье из Невады, листая странички альбома. Каждый раз, когда девушка делала замечания о том или другом члене своей семьи, на лице её появлялась тёплая улыбка. Но эти её родственники ему были, честно говоря, до лампочки.

Он лишь хотел видеть её рядом с собой — если на кровати, тем лучше.

Невозможно было не смотреть на неё — на прекрасно очерченные брови, выступающие скулы, движения губ, наклоны головы...

Вдруг взглянув на него, Бетани улыбнулась.

— Доусон, ты совсем не смотришь на фотографии!

Тот хотел было сказать, что это неправда, но лишь улыбнулся в ответ.

— Прости. Отвлекаюсь на тебя.

— Как-то так...

Она и думать не думала, что он может смотреть на неё хоть весь день. Как будто заколдовали его. "Свихнулся", — сказал бы Деймон, но ему не понять. Шут возьми, да Доусон не вполне понимал, что он вообще тут делает; и почему эта девушка, эта прекрасная человечка, находится рядом с ним.

И это было не очень хорошо.

Но ему не было до этого никакого дела.

Сквозь тихую музыку до него доносились приглушённые голоса её родственников, переговаривавшихся между собой. Затем его взгляд упёрся в приоткрытую дверь. Пожелав, чтоб она закрылась настолько бесшумно, насколько возможно, он посмотрел на Бетани. Кажется, она не заметила.

— Я рад, что ты пригласила меня, — сказал он.

На лице её читалось лёгкое удивление.

Полураскрытые губы так и притягивали взор. Они были в опасной близости к его губам, и вот-вот могло произойти что-нибудь

непоправимое...

— Бет...

— Ммм? — её ресницы дрогнули.

— Просто... — ему потребовалась доля секунды, чтобы наклониться к ней. Он глубоко вдохнул её аромат, он был великолепен. Розы вперемешку с ванилью... да, каждая частичка его была в восторге. Он медленно поднёс ладонь к её щеке.

Она не отшатнулась.

Поощрённый этим, он стал перебирать пальцами её локоны. Ресницы Бетани совсем опустились вниз, скрывая от мира самые прелестные глаза. Где-то внутри него тягучим комком сгустилась теплота... Почему именно с ней, с человечкой, ему суждено ощущать подобное — когда есть столько других вариантов?..

Но в чём вопрос, на самом-то деле? Доусон никогда не разделял пренебрежения Деймона, да и большинства Лаксенов, к людям. Не такие уж они и беспомощные, хрупкие создания. Что же он удивляется тогда, что одна из их рода приворожила его?

А потом его поразило. Доусон просто ее не ждал.

* * *

Последовало несколько ударов сердца, прежде чем Бетани сглотнула. Пригласить Доусона к себе домой было весьма смелым поступком с ее стороны. Поэтому весь день она представляла собой комок нервов. Когда она сообщила новость своим родителям, ей пришлось выдать им историю жизни Доусона, а это было немного. Потом она была очень взволнована вместе с ним в своей спальне, так близко к долбанным рисункам, которые она нарисовала с него, и сейчас спрятала в шкафу.

Каким-то образом, когда он сидел на ее кровати, все изменилось.

Весь смысл пригласить его состоял в том, чтобы он вернул приглашение — привел ее к себе в дом. Сейчас она не очень думала об этом.

Доусон придвинулся ближе, его дыхание скользило по ее ресницам, кончику носа, щекам... Она чувствовала себя так, словно

потеряла равновесие.

— Я говорил тебе, как ты красива? — спросил он глубоким и хриплым голосом.

— Нет, — он действительно не говорил. Она могла сказать по тому, как он смотрел на нее, и это было лучше, чем любые милые слова.

Его дыхание скользило по ее подбородку.

— Ты красивая.

Хорошо, слышать слова было действительно очень приятно.

— Спасибо. Ты и сам не плох.

Когда Доусон рассмеялся, его нос задел ее, и она втянула воздух, словно никогда не дышала прежде. Он был так чертовски близко...

— Я хочу поцеловать тебя, — последовала пауза, ее сердце вспорхнуло, грудь наполнилась чувствами. — Для тебя это нормально? — спросил он.

Было ли? О, вау, да. Но она не могла найти слов. Так что она кивнула. Прежде чем она успела закрыть глаза, Доусон нарушил крохотное пространство, которое разделяло их, и приблизил свой рот к ее губам.

Он провел своими губами по ее, и она почувствовала мягкое, бархатистое прикосновение везде, до кончиков скрюченных пальцев на ногах. Потом его рот отодвинулся снова, словно проверяя, о чем она думала, ожидая ответа. С сердцем, стучащим в горле, она положила руки на его плечи и наклонилась.

Дрожь прокатилась по телу Доусона, и он обхватил ее щеки руками. Ее кожа заныла, когда поцелуй углубился. Каким-то образом одна из ее рук сжала его свитер, притягивая его ближе, потому что между ними все еще оставалось какое-то расстояние и оно было слишком большим.

Рука Доусона скользнула на ее затылок, направляя ее вниз, так что она оказалась под ним, и его руки образовали совершенную клетку. И он продолжал целовать ее, изменив угол, заставляя пульс барабанить по всему ее телу, вдоль ее нервных окончаний. Потом он прижался к ней от коленей до плеч, и она дрейфовала в чувственных эмоциях и жаре.

В очень сильном жаре, который бился в ней, окружая ее волнами.

Было что-то волшебное, в том, как он целовался, потому что она могла поклясться, что видела звезды под своими веками. Это лишало ее легкие воздуха. Легкое, пьянящее тепло кралось по ее венам. Что-то гудело в ушах, словно таймер, но ей было все равно. Не тогда, когда Доусон целовал ее. Не тогда, когда рука упала на ее плечо, скользнула по предплечью, по изгибу ее талии к бедру.

Даже не тогда, когда белый свет за ее веками стал таким интенсивным, что ей пришлось открыть глаза.

Аэрум был близко. Об этом говорила каждая клеточка в теле Дэймона. Мерзкий сукин сын тоже был смел, потому что для Аэрумов солнце располагалось слишком высоко в небе, чтобы находиться так близко к тому, что принадлежало ему.

О, черт, нет, этот не собирался летать.

Ди прекратила вертеть соломинку в своей содовой, когда ее черты сжались.

Мгновение все, что он слышал, был хруст бревен в камине. Джослин — менеджер "Smoke Hole Diner" выпрямилась, ее пальцы напряглись на кочерге.

— Один из них находится рядом? — прошептала Ди.

Джослин подошла к их столику, ее бледные руки дрожали от волнения поверх круглого живота.

— Вы чувствуете это? — ее голос был низким, когда глаза наши окна. — Пришла тьма.

Дэймон взглянул вниз на свой наполовину съеденный сэндвич с мясным рулетом.

Пришло больше, чем боль в его заднице. Забавно, как зрелище кулинарного произведения искусства, пропадающего зря, заставляет вас думать по-змеиному.

Аэрум умрет.

Схватив салфетку, он вытер руки и встал. Он видел только свою сестру.

— Позвони Адаму и Эндрю, и не покидай это место, пока они не приедут забрать тебя.

Румянец залил ее щеки.

— Но я могу помочь тебе, — сказала она низким голосом. — Я могу сражаться.

— Только через мой труп, — он обернулся к Джослин. — Если она попытается уйти отсюда с братьями Томпсон, я даю тебе

разрешение схватить ее.

Джосин взглянула на свой живот, словно пыталась понять, как она должна была это сделать, и Ди прорычала.

— Отлично. Просто возвращайся назад живым, ладно?

— Я всегда возвращаюсь, — ответил он.

Он устремился вокруг стола, но остановился и поцеловал Ди в щеку.

— Я люблю тебя.

Слезы наполнили ее глаза, и он знал, что часть причин заключалась в том, что он не позволил ей участвовать. Его родные были всем, что он оставлял, так что она могла оплакивать его крокодиловыми слезами, и это ни черта не изменило бы. Не было варианта, чтобы он позволил Ди поставить себя в опасность. Достаточно плохо уже то, что Доусон охранял что-то. Если у Дэймона был бы способ, ни один из его братьев или сестер не стал бы искать Аэрума. Взвалить на себя ответственность по их защите, не было чем-то, что он взял на себя необдуманно или, о чем сожалел. В известном смысле это давало ему некоторый контроль, когда ДОД управляли всем остальным.

Снаружи закуской он мимоходом прогулялся через парковку, кивнув пожилой паре, они улыбнулись ему. Посмотреть на него, он был вежливым и все такое. Когда его обутые в ботинки ноги захрустели по палым веткам, его руки согнулись. Он продолжал идти, достаточно далеко для того, чтобы кто-либо увидел, как он выделяет свой супергеройский трюк. Глубоко в лесу, он закрыл глаза и позволил чувствам расшириться.

Белки или какие-то другие крохотные лесные существа носились по земле. Пели птицы. Весна была на подходе... а так же на подходе был один большой, обозленный, дурной чужак.

Чтобы сбросить свою человеческую форму понадобилась секунда. Сила поднялась из глубин внутри него, необъяснимое чувство искоренить ближайшего Аэрума взяло верх. Они оставили темное пятно на краю сознания Лаксена, как клякса, похожая на отпечаток пальцев.

Точно так же это работало с Аэрумом вне зоны бета-кварца, из которого состояли Скалы Сенека. Вот почему жить здесь было

спокойно. Вид Дэймона был защищен, но, время от времени, Аэрумы натякались слишком близко. Установился контакт, а потом Аэрум привел приятелей.

Трое из них были уже убиты. Этот должен был стать последним.

Когда Дэймон на бешеной скорости пронесся между деревьями, он задался вопросом, какого черта делал его брат. По субботам они обычно проводили время, просматривая все эпизоды "Исследователя привидений", показанные по телевизору за неделю.

Но Доусон все свалил на него.

О, да, у него имелся ключ к разгадке того, где он был. Прохлаждался с человеком...

Энергетический заряд ударил его прямо в грудь, отослав в полет, словно мяч, который просто выбили из парка. Он врезался в дерево достаточно сильно, чтобы оно застонало и задрожало.

Боже. Черт возьми.

Прозрачный песок оторвал его от земли. Безмерной глупостью было броситься в густую тень, надвигающуюся на него, словно бульдозер.

Аэрум принял человеческую форму, в последний момент теряя уязвимость. Весь одетый в кожаные брюки... и ничего больше. Мило. Все, что Дэймон хотел — бороться с полуголым чуваком.

Хорошо, так Аэрум хотел поиграть жестко? Что ж, сегодня его счастливый день.

Приняв человеческую форму, Дэймон замахнулся рукой, ударяя Арума чертовски хорошим аперкотом. Существо заворчало и выбросило мясистую руку в голову Дэймона.

Он пригнулся под рукой, возникнув позади Аэрума. Отклонившись назад, Дэймон воткнул ногу в позвоночник Аэрума. Забавным в принятие человеческой формы было то, что кожа кровоточила, а кости ломались. Оба их вида должны были перекинуться в истинную форму, чтобы исцелиться, и тогда оказались бы в своей слабейшей форме. Была надежда, что данный Аэрум окажется достаточно глуп, чтобы попасться на эту удочку. У Дэймона было лезвие, умирающее от желания завести друзей.

Но Аэрум не был так глуп.

Он бросился вокруг, подняв одну руку. Темная энергия выстрелила наружу, едва разминувшись с Дэймоном, когда он метнулся в сторону.

— Ты будешь вкусным, — усмехнулся Аэрум.

— Если бы я получал по доллару каждый раз, когда слышу это, — Дэймон выбросил вперед руку. Полоса света ударила в толстую ветку, отламывая ее. Он помчался вперед, ловя массивный сук и держа его словно битую. — Отклони это, твою мать.

Аэрум зашипел — буквально зашипел на него. Что. За. Черт.

Он пер на Дэймона словно поезд, и Дэймон покачнулся. Удар сотряс все его тело, и отвратительный глухой стук понравился ему так, что об этом стоило беспокоиться.

Но Аэрум не двинулся.

Втягиваясь внутрь себя, словно кто-то натолкал вакуум в его спину, Аэрум отступил в небольшой черный шар и бросился между деревьев, убегая, как трус.

Дэймон начал погоню, но он знал по опыту, когда Аэрум бежит, его не догнать. Швырнув в сторону обломок ветки, он развернулся вокруг, игнорируя чувствительную боль, простреливающую бедро. Когда он окажется дома, он изменится и исцелится. До тех пор, он справится с синяками и болью.

Но когда он вернулся домой и позаботился об этом, все, что он сделал, просто приложил холод. Как сделал бы любой другой, в этом долбанном мире.

* * *

Господи, Доусон никогда прежде не чувствовал себя так. Каждая часть его тела горела, когда он чувствовал вкус ее поцелуев и знакомился с тем, как она чувствовала себя под ним. Интенсивный белый свет опалил его глаза. Хриплые женские стоны, которые она издавала, были музыкой для его ушей, красивая мелодия вздохов.

А потом его песня остановилась.

Бет отдернула руку от его плеча, она поймала ртом воздух возле его рта.

— О, Боже...

Он поднял голову и открыл глаза. О, черт... Все, что он видел — белый свет, который омывал Бет, отражался от стен, покрывал всю кровать.

О, Святые угодники.

Доусон вскочил с кровати, но его ноги не касались пола возле нее. Он повернулся, уставившись на себя. Он светился.

Похоже, полная инопланетная форма появилась в ее доме, в ее спальне.

Бетани переползла через кровать и прижалась к изголовью. Ее глаза расширились, когда она уставилась на него, ее рот открывался, но она не произнесла ни единого слова.

Шок приостановил время. Ему все казалось сюрреалистичным. Он не был в спальне Бетани. Он не выставил напоказ, кем на самом деле являлся. И эта девушка — этот красивый человек, в которого он влюбился, не таращился на него, словно он был королем фриков.

Схватившись за край стеганого одеяла, она покачала головой вперед-назад. Словно у нее были проблемы с перевариванием того, что она видела, что было понятно.

Доусон сверкал словно звезда.

Его сердце колотилось так быстро, что он чувствовал его в кончиках пальцев. От части из-за поцелуев, отчасти потому, что он все еще находился в своей истинной форме.

Она слабо светилась, будто кто-то опустил кисть а белую краску затушевал ее края. Конечно, Бетани не могла этого видеть. Ни один человек не мог. След, который окружал ее, был реакцией на высокое электромагнитное поле, окружавшее его, когда он пребывал в своей истинной форме.

Дерьмо, она сияла.

Бетани медленно моргнула, ее пальцы освободили одеяло.

— Доусон?

Сделай что-нибудь, приказал он сам себе. Но его контроль соскользнул, и он не мог натянуть его обратно. Свет исходил от него, заполняя каждый дюйм комнаты.

Постепенно она поднялась на колени. Он был уверен, что видел, как ее сердце колотится через свитер, мог почувствовать запах ее страха. Ее отделяли секунды от того, чтобы, крича, запереть комнату на засов. Бетани медленно двинулась по кровати, прокладывая путь к нему.

Доусон отшатнулся, желая что-нибудь сказать, но в истинной форме он не говорил, как человек. Лаксены использовали... другой способ.

На краю кровати она поравнялась с ним. Он мог видеть свое отражение в ее карих глазах, и он ненавидел то, что видел.

— Доусон, — прошептала она, сцепив руки под подбородком. — Это ты?

— Да, — сказал он. Но она не могла его слышать.

Когда молчание растянулось, став невыносимым, она спустила ноги с постели и встала. Вместо того, чтобы побежать к двери, как поступил бы любой нормальный человек, она потянулась, поместив пальцы в нескольких дюймах от его света.

Доусон отпрянул.

Бетани отдернула руку к груди.

— Что... что ты?

Господи, был ли это веский вопрос? Весь рассказ теперь казался спорным, но как он мог объяснить, что произошло? Эй, сладкая, я — инопланетянин, и, очевидно, я только что окунул тебя в какую-то радиоактивную любовь! Хочешь посмотреть кино? Да, совсем не круто.

Столько всего пронеслось в его мыслях. Он выставил напоказ свой вид — свою семью, поставив их в опасность, рискуя Бэт. Ее нельзя остановить, если она решила прокричать — инопланетный, светящийся жук.

Но ему нужно было управлять этим... Ее родители находились внизу, и у него было такое чувство, что чем дольше он оставался в своей истинной форме, тем сильнее был ее след.

Переместившись в дальнюю часть комнаты, прочь от Бэт, он приказал своим вышедшим из-под контроля эмоциям стабилизироваться. Это было чертовски тяжело, но, в конечном счете,

он сумел принять свою человеческую форму, и комната снова погрузилась в тени.

Все, кроме Бэт — вокруг нее было мягкое сияние.

— Мне очень жаль, — прохрипел он.

Казалось, ноги Бетани обрушатся под ней. Она шлепнулась на кровать, снова покачав головой.

— Что ты?

Прислонившись к стене, я закрыл глаза. Не было смысла лгать или хранить секреты. Урон был нанесен. Все, на что он мог надеяться, это убедить ее не выносить это на публику.

— Я — инопланетянин, — слова звучали хриплыми и чужими для его ушей, он издал лающий смешок. — Я — Лаксен.

Она подтянула колени, подогнув их к груди.

— Инопланетянин? Как Близкие Контакты из Третьего Рода? — тогда она рассмеялась, и это несло своего рода истерическую грань. Когда звук просочился, она вскинула к нему голову. — Вот почему тебе так сильно нравится этот немой фильм Кокон. Это... это не реально. Этого не может быть. О Боже, я сошла с ума. Шизофрения.

Доусон сглотнул.

— Ты не сошла с ума, Бетани. Извини. Тебе не полагалось знать, и я даже не знаю, как... как это произошло.

— Что? В норме ты не светишься, когда целуешь девушек? Потому что это может получиться очень неловко, верно? — она хлопнула рукой по рту. — Прости. О Боже. Я не знаю... инопланетянин?

Слышимое смятение в ее голосе прорвалось в него, и он хотел каким-то образом сделать это лучше, но как? По крайней мере, он больше не ощущал в ней страха.

Поразительно.

Он сделал пробный шаг вперед, и когда она не шелохнулась, он успокоился.

— Может быть, поможет, если я начну все с начала?

Она медленно кивнула.

Сделав глубокий вдох, он сел перед ней и склонил голову на бок, встретившись с ней взглядом. То, что он собирался сделать, было неслыханно. Правила, которые он собирался нарушить, были астрономически. Образы его брата и сестры сформировались в голове, и его грудь сжалась. Он знал, что если это закончится плохо, это закончится плохо и для них тоже.

И так это закончится плохо для Бэтани.

Все, что Бетани могла делать — это таращиться на Доусона. Это было практически все, на что она была способна. Инопланетянин? Логическая часть ее мозга отвергала подобные вещи. Это просто галлюцинация или сон. Или начало душевного заболевания.

Возможно, Доусон никогда не существовал, но, опять же, это не имеет смысла. Она была вполне уверена, что видела, как другие люди взаимодействовали с ним. Если только ее галлюцинации не были на таком эпическом уровне, что она верила, что видела, как люди....

— Бетани, — прозвучал его тихий голос.

Ее сердце забилося сильнее.

— Это реально, правда?

Лицо его словно исказилось от боли.

— Да, это реально.

Вероятно, сумасшедшие люди всегда так делают. Если спросить были ли реальны их воображаемые друзья, они, конечно, ответят "да".

Она положила руки на щеки, а затем пробежалась ими по спутанным волосам.

Сумасшедшие люди так же разбирались со своими галлюцинациями? Потому что, вероятно, то была только верхняя сторона всего этого.

Доусон положил руку на ее колено.

— Я не могу даже немного понять, через что ты проходишь. Я, правда, не могу, но я обещаю, что все это реально и ты не сходишь с ума, — он сжал ее ногу. — И мне жаль, что я заставил тебя так себя чувствовать и за то, что ты такое узнала.

— Не извиняйся, — ее голос звучал хрипло. — Просто... многое надо осмыслить. Я имею в виду, я никогда по-настоящему не думала об инопланетянах. Как, хорошо, может быть, они действительно существуют где-то, не здесь, но... да, не знаю, верила ли я на самом

деле. И ты не можешь быть инопланетянином.

Она снова рассмеялась, а потом поморщилась. Это звучало безумно.

— Просто я видела, как ты... светишься, но это было больше, чем просто свечение. Ты был светом? Человекообразной формой света — руки и ноги, сделанные из света?

Доусон кивнул.

— Нас называют Лаксенами. В истинных формах мы не более чем свет, но... это не так, как ты думаешь. Ты можешь к нам прикоснуться — у нас есть форма и очертания.

— Форма и очертания, — пробормотала она.

— Да, — он опустил ресницы, и в этот миг казался ужасно молодым и уязвимым.

— Мы с планеты под названием Люкс. Ну, когда-то она так называлась. Больше ее не существует. Уничтожена. Но это не имеет отношения к делу. Мы были здесь в течение сотни, если не тысячи лет, время от времени.

У нее скрутило живот.

— Ты... так стар?

— Нет. Нет! — Доусон рассмеялся, подняв глаза. — Мне шестнадцать. Мы — моя семья — прибыли сюда, когда были детьми, очень юными, мы того же возраста, что и ты.

— На космическом корабле? — она снова почти рассмеялась, но сумела сдержаться. Космический корабль — долбанный космический корабль. Боже милостивый, она думала, что никогда не произнесет это слово. Это было... круто.

Доусон переместился, сложив руки на коленях.

— У нас нет космических кораблей. Мы путешествуем в наших истинных формах. Ээ, мы путешествуем, как свет. И в той форме мы не дышим, как вы. Так что другие атмосферы, да... — он пожал плечами. — Когда мы прибыли сюда, мы... выбрали человеческие формы, в процессе скомбинировав наши ДНК, но мы можем выглядеть как угодно.

Бетани села еще прямее. Это только что перешло от бizarро

лэнд в Зону Сумерек.

— Ты можешь выглядеть как кто угодно?

Он кивнул.

— Мы не часто делаем это, только когда необходимо.

Пытаясь охватить мозгом все это, она стянула волосы обеими руками.

— Хорошо, значит то, как ты выглядишь сейчас, не по-настоящему?

— Нет, это, — он похлопал себя по груди, — это настоящее. Как я уже сказал, наша ДНК быстро адаптируется к окружающей среде. И мы всегда рождаемся по трое...

— Эндрю и его братья и сестры — тоже Лксены? — когда он кивнул, она почувствовала почти облегчение. — Эндрю действительно расплавил мяч для пинг-понга!

— Да, видишь ли, мы управляем всем, что связано со светом, теплом и, временами, огнем, — он все еще не смотрел на нее, по крайней мере, не прямо. — Не знаю, зачем он это сделал. Население не может знать о нас. Так что важно, чтобы мы не делали ничего глупого. А это было глупо. Черт, то, что я только что сделал, было колоссально глупо.

Бетани наблюдала за ним. Теперь, когда шок ослабевал, она начинала складывать все вместе. Как минимум, теперь она знала, как в таком маленьком городке могли находиться шесть таких безумно красивых людей. Понимай, как хочешь, но, по своей природе, они не были людьми. Потом ее осенило — весь эпизод на заледеневшей парковке.

— Что еще вы можете делать?

Черты его лица сморщились.

— Я, правда, не должен...

— Но я уже знаю, верно? — она соскользнула с кровати, усевшись перед ним так, что ее колени вжались в его. Он дернулся, словно был удивлен контактом, но не передвинулся.

— Какой вред это может причинить теперь?

Его брови взлетели вверх.

— Это может вызвать множество проблем.

Страх поднялся по ее позвоночнику, посылая дрожь по плечам.

— Например?

Он открыл рот, но покачал головой.

— Ничего. Э, ты хочешь знать, что еще мы умеем делать? Мы можем быстро двигаться. Так я поймал тебя на парковке. Можем так же использовать энергию нашего света. Это довольно сильно. Люди не переживут нашего удара.

Ее глаза расширились. Не очень хорошая новость, но она не могла представить Доусана причиняющего кому-нибудь вред. Может быть, именно поэтому она не боялась.

Или она просто была наивной.

— Что еще?

— В основном все охватывает эту сторону.

Она знала, там было больше, и хотела продвинуть тему, но имелось так много вопросов.

— Сколько вас здесь?

— Много, — сказал он, рассматривая свои руки. — Большинство представителей нашего вида живут в колониях. Правительство знает о нас — Министерство Обороны, то есть. Они следят за нами.

Хорошо, теперь она видела Людей в Черном. Сев обратно, она позволила этому дойти до сознания. Перед ней только что открылся целый потусторонний мир. Тот, о котором, как она подозревала, знали не многие люди, даже если правительство имело к этому какое-то отношение. Звучало как сумасшествие, но она чувствовала себя... в своем роде привилегированной.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, я просто осмысливаю все это, — она сделала паузу. — Почему Земля?

Доусон едва заметно улыбнулся.

— Наш вид прибывал сюда с тех пор, как люди ходят по Земле, возможно, дольше. В некотором смысле, полагаю, это привычно для

нас.

— И твои родители.

— Мои родители умерли, — монотонно сказал он. — Так же как родители Томпсонов.

Ее грудь сдавило.

— О, извини, я не знала, — она хотела протянуть руку, чтобы утешить его. но в данный момент он вел себя так, словно боялся ее, что, учитывая все, было странно. — Мне, правда, очень жаль.

— Все нормально, — он вздохнул. — Они умерли, когда мы были малышами.

— Как... как вы обходитесь без родителей? Разве люди ничего не подозревают?

— Вот, когда удобно менять форму. Один из нас претворяется родителем, — объяснил он, — ДОД обеспечивают нам крышу над головой и все такое.

Увлеченная, она извергала все больше и больше вопросов. Прошло несколько часов, когда она практически допрашивала его, в перерывах между проверками ее мамы.

Что на счет колоний? Он не стал говорить об этом, так что она двинулась дальше.

Знал ли кто-то еще из ее окружения? Ответ — нет. Каким образом участвовали ДОД? Из того, что она смогла собрать от Доусона, выходило, что участвовали сильно. Они контролировали каждый аспект жизни Лаксенов, от того, где они решили жить, в какой колледж пойти, до того, когда они использовали водительские права. Еще один странный факт — они не болели. Ни гриппом. Никакими простудами. Ни раком или нервными расстройствами. Никакой необходимости в докторях. Если их ранили в человеческой форме, все что им было нужно, вернуться в свою истинную форму и исцелить "большинство" ранений.

— Позволь мне разобраться в этом, — сказала Бетани, наклонившись к нему. — Получается, тебя нельзя ранить? Не по-настоящему?

Доусон покачал головой.

— Нас могут ранить. Арумы — наши злейшие враги.

— Кто?

Он потер ладонями виски.

— Они в своем роде похожи на нас. За исключением рождения сразу троих, их рождается четверо. Они с нашей сестринской планеты. И они в большей степени состоят из теней, но их ДНК приспособляется так же, как и наша. Большую часть времени они выглядят людьми.

— И они опасны?

— Они охотились на нас почти до исчезновения, уничтожили нашу планету. Они последовали за нами сюда.

В горле пересохло.

— Почему они охотятся на вас?

— Из-за наших способностей, — объяснил он. — Без них они слабы. Чем больше Лаксенов они убивают, тем больше способностей поглощают.

— Это... это ужасно.

Тогда он посмотрел вверх, встретившись с ней взглядами.

— Они только одна из причин, почему мы должны быть осторожны рядом с людьми.

В ее животе образовались узлы. Она подумала о свете — о яркости и жаре.

— В истинной форме вы можете причинить людям вред?

— Нет, я имею ввиду, мы искажаем электромагнитные поля, когда используем свои способности. При этом они разрастаются. Когда их слишком много, это может вызвать у людей недомогание или тошноту и нервозность, но ничего постоянного. И иногда мы вибрируем... или гудим.

— Я чувствовала это прежде, — она слегка улыбнулась, вспомнив, как его рука гудела под ее руками.

Глаза Доусона засверкали.

— Но когда бы мы ни использовали наши способности или не переходили в истинную форму, мы оставляем на человеке след. Как

сейчас, вокруг тебя слабый свет.

— След?

— Да, — сказал он. — Мы остаемся тут, в таком месте как Петербург, потому что в здешних скалах большая концентрация бета-кварца. Он разрушает поля вокруг нас, блокируя от Аэрумов наше обнаружение, но он не блокирует следы.

У нее перехватило дыхание, каким-то образом она знала, куда это ведет.

— Таким образом, эти Аэрумы могут увидеть следы вокруг меня и... и по этому следу найти тебя?

— Да.

— О, Боже, — она схватилась за сердце.

— Твой след очень слабый. Не думаю, что будут какие-нибудь проблемы.

Ее затопило облегчение и, казалось, он попытался улыбнуться.

— Чувствуя себя глупо, даже говоря это, но ты не можешь никому рассказывать, Бетани. Никто не должен знать.

Тогда она рассмеялась, зная, что удивила его.

— Доусон, никто бы мне не поверил.

— Это не останавливает людей. Бывали случаи, когда люди открывали правду. Которые видели Лаксена в его или ее истинной форме и пытались рассказать другим людям, — его глаза снова засияли, словно там, позади зрачков, был белый свет. Она полагала, что так и было. — Эти люди исчезали.

Узлы в ее животе покрылись льдом.

— Что ты имеешь в виду?

— ДОД берет на себя заботу о них. Как? Не знаю. Но их основная работа — держать нас в тайне и убеждаться, что никто не угрожает этой цели.

Думать об этом страшно, но так же она понимала почему. Люди взбесились бы, если бы узнали, что вокруг бегают инопланетяне. Инопланетяне, которые могут менять личность, передвигаться со скоростью света, и использовать любую энергию.

С другой стороны, человек, который хранил такую тайну, обладал большой силой, разве нет? Если бы такой человек обратился бы к общественности с деталями, вероятно, это привлекло бы к себе деньги.

Бетани потрясла головой. Это было бы не правильно, хотя бы по нескольким причинам.

— Я ничего не скажу, Доусон. Я знаю, что обещание не многое значит, но... я, правда, не хочу исчезнуть, и я не хочу доставить тебе проблемы.

Он громко выдохнул.

— Я верю тебе. Спасибо.

Сердце билось в тишине, пока она изучала его опущенное лицо. Боже, как же он был красив. Черты его лица прекрасно соединялись в целое. Следовало бы знать, что здесь каким-то образом была замешана какая-то чужеродная ДНК. Потом она вспомнила их первый телефонный разговор, и как он сказал, что он был издалека. Забавно, что он не соврал ей тогда.

Бетани действительно не знала, что сказать или о чем думать. Очевидно, что она не была сумасшедшей. Доусон был... инопланетянином, но ей было тяжело видеть это. Не то, чтобы она не могла принять то, кем он являлся, но, когда она смотрела на него, все, что она видела, это Доусона.

Доусона, который разговаривал с ней в первый день здесь, который вышел в след за ней в коридор, и который пропустил урок, чтобы пообедать с ней, разговаривая, пока они оба не заснули.

Все, что она видела в действительности, был Доусон — мальчик, в которого она влюбилась.

Пока она смотрела на него, он оставался недвижим, но теперь отвел взгляд, изогнув мышцы челюсти.

Неожиданно Бетани поднялась на колени.

— Могу я дотронуться до тебя? Когда ты в своей... истинной форме?

Его глаза вцепились в нее, зеленые водовороты со смесью надежды и паники, облегчения и страдания. Кроме того на его лице присутствовал тот нежный вид, который брал ее за сердце, заставляя

его биться с трудом.

— Почему ты этого хочешь?

Она прикусила свою губу, что если она каким-то образом оскорбила его? Было ли прикосновение к его истинной форме грубым? Он отпрыгнул от нее ужасно быстро.

— Не знаю. Просто хочу.

Шок выплеснулся на его лицо.

— Ты, правда, этого хочешь?

Задержав дыхание, она кивнула.

— Это не должно усилить твой след, но... — он поднялся на колени, и закрыл глаза.

Секундой позже он исчез. Его одежда, форма под ней, все просто исчезло, но

быстро сменилось белым светом с голубыми краями. Он протянул одну руку, и сформировал пальцы. Пять. Точно как ее. Взгляд Бет метнулся вверх, и он, в ожидание, склонил голову на бок.

Его свет озарил всю комнату. От него исходило тепло. Как бы ни странно было видеть это, он был красив. Настолько красив, что на ее глазах появились слезы, которые не имели никакого отношения к интенсивности света.

С сердцем, колотящимся в горле, она протянула руку. Когда ее пальцы задели свет, слабый электрический разряд прокатился вверх по ее руке, а потом она почувствовала легкую вибрацию. Ее пальцы сжали его, и на ощупь они были такими же. Теплыми. Гладкими. Сильными. Это была рука Доусона.

Он просто выглядел по-другому.

Бетани медленно придвинулась ближе, осторожно, чтобы не тревожить его.

— Можно мне дотронуться до тебя еще больше?

После паузы он кивнул.

Тогда ее осенило.

— Ты не можешь разговаривать со мной в этой форме, да?

Доусон покачал головой.

— Это грустно, — но потом она положила руку туда, где, как она предполагала, находилась его грудь, и его свет запульсировал. В комнате раздался отчетливый треск, похожий на продувку сокета. Гул прокатился по ее руке, напомнив толчки газонокосилки.

Ее рука соскользнула вниз, и свет стал еще более сильным. Она начала улыбаться, но потом осознала, что лапает его, и, ну, это было неловко. Оттянув руку назад, она надеялась, что он не заметил ее румянца.

Доусон опустил руку, и свет потускнел. Как и прежде, он исчез и принял форму, которая была ей знакома, джинсы и все остальное.

— Эй, — сказал он.

— Красиво, — выпалила она. — Ты красивый.

Его глаза расширились, и она почувствовала себя какой-то идиоткой.

— Я имею в виду, что ты не являешься чем-то... плохим.

— Спасибо.

Она кивнул.

— Со мной твой секрет в безопасности. Обещаю. Тебе не о чем беспокоиться.

— Тогда, ты в порядке?

— Все в порядке, — прошептала она, все еще на седьмом небе от красоты его истинной формы.

— Хорошо, — он улыбнулся, но, когда он встал, пробежав рукой по своему бедру, это прозвучало фальшиво. — Ты не можешь себе представить, как я благодарен тебе за понимание, и я не волнуюсь, я тоже понимаю.

Она нахмурилась.

— Понял что?

— Что ты не хочешь меня видеть больше... как сейчас, — последовала пауза, он вздрогнул. — Я знаю, ты, вероятно, ненавидишь меня за то, что я притворяюсь человеком и за то, что после всего поцеловал тебя. Это было не правильно и, вероятно,

вызывает у тебя отвращение. После того, как след исчезнет, я оставлю тебя. Клянусь. Но сейчас мне нужно оставаться поблизости от тебя, просто из осторожности. Я не хочу, чтобы ты волновалась. Вероятность того, что Аэрум найдет тебя слабая.

— Стоп. Подожди, — Бетани встала, сердце вновь колотилось в ее груди. — Доусон, почему я должна испытывать отвращение или ненавидеть тебя?

Он мягко посмотрел на нее.

— Что? — она покачала головой.

— Я пришелец, — проговорил он медленно.

— Но ты все еще Доусон, верно? Я имею в виду, я поняла, что ты тот, кто ты есть, но ты все еще Доусон, — она сделала паузу, собирая все свое мужество, чтобы нанести удар. — Ты все еще парень, который мне нравится. И если... если я все еще нравлюсь тебе, то я не понимаю, в чем дело.

Он медлил, и она была почти уверена, что он перестал дышать. Она старалась не обращать на это внимание и не волноваться, потому что прямо сейчас это ничему не помогло бы...

Доусон посмотрел на нее.

А, может быть, она истолковала это неверно? И поцелуй тоже?

— Я имею в виду, если я все еще тебе нравлюсь? Я не знаю, каковы правила или...

Он пересек расстояние между ними так быстро, что она даже не видела, как он двигается. Только что она стояла там и болтала, а в следующую секунду уже находилась в его руках, его голова утонула в ее волосах. Сильные руки подрагивали вокруг нее.

Она обняла его за шею и держала. В горле образовался ком. Слезы жгли глаза. Вдруг она поняла, как невероятно одиноки они должны были быть, живя среди людей, но никогда по-настоящему не становясь их частью.

— Бетани, — пробормотал он, глубоко вдохнув. — Ты понятия не имеешь, что это... значит для меня.

Прижавшись ближе и вдыхая его свежий аромата, она крепче обняла его. Слов не было.

— Я думаю, — сказал он грубым голосом.

— О чем...?

— О тебе. Обо мне. О нас вместе. Ну, выходить вместе, быть вместе, — последовала пауза, а потом он рассмеялся. — Вау. Это, вероятно, была самая неубедительная попытка попросить тебя стать моей девушкой.

Сердце Бет ускорилося. Неубедительная или нет, она была в нескольких секундах от обморока.

— Ты хочешь быть моим парнем? — он кивнул, и она слегка задохнулась.

— Ну, в каком-то смысле, ты теперь должен быть со мной, — подняв голову, она усмехнулась ему. — Я знаю твою большую, грязную тайну.

Доусон рассмеялся, и глаза его засветились.

— О, шантаж, да?

Когда она кивнула, он наклонился, прижав свою голову к ее лбу.

— А если серьезно, я этого хочу — я хочу тебя, — неловкость, которая присутствовала чуть раньше, ушла из его голоса. Теперь он весь был намерением и целью.

— Больше, чем я когда-либо чего-либо хотел. И так, да, я хочу быть с тобой.

Ничто в мире не могло остановить ее от улыбки.

— Мне очень, очень нравится, как это звучит.

Бетани знала правду, знала, как сильно он рисковал, но в его объятиях он всегда был и будет Доусоном.

Поездка домой для Доусона была размыта. Он не помнил даже, как парковал машину и шел вверх. Лежа в кровати, он уставился на потолок, его мысли мчались и вытесняли друг друга.

Он перекинулся в истинную форму. Черт возьми. Он на самом деле изменился перед ней. Слов не было.

Никогда в жизни такого не случилось.

Но она не испугалась. Господи, она фактически приняла его. Доусон не ожидал этого ни от кого из людей, кроме фанатов НЛО.

Вытащив из кармана телефон, он отправил ей короткое сообщение, спрашивая, в порядке ли она. Ее ответ пришел немедленно. Потом его телефон снова засигналил.

"Увидимся завтра?"

Ухмылка, которая растянулась по его лицу, вероятно, заставляла его выглядеть чертовым сукиным сыном, но ему было все равно. Ответив, он сказал ей "да", а потом опустил телефон на ночную тумбочку. Меньше секунды спустя дверь в его спальню открылась, и Ди просунула внутрь свою голову.

— Эй, — сказала она. — Могу я войти?

— Конечно, — Доусон сел. — В чем дело?

Ди села в кресло возле письменного стола, сложив руки.

— Сегодня Дэймон ходил за Аэрумом. Он был возле закуской.

Грудь Доусона сжалась. Бетани. Она могла принять его, но, черт, как он мог забыть о следе?

— Дэймон в порядке?

— Немного ранен, но с ним все будет хорошо, — последовала пауза, а потом вздох. — Он всегда будет в порядке. Ты знаешь, какой он.

Да, Дэймон был чертовой машиной.

— Дай я угадаю — он снаружи, прямо сейчас снова охотится на Аэрума?

Она кивнула.

— Ты был с Бетани?

— Я зависал у нее дома, встретился с ее родителями.

— Звучит серьезно, — прошептала она.

Так же серьезно, как нашествие инопланетян. Скрестив ноги, он прищурился.

— Ты в порядке?

Ди исчезла из кресла и возникла с ногами на кровати, подогнув колени к груди.

— Со мной все хорошо. Просто, скучаю по тебе. Дэймон скучный.

Он усмехнулся.

— Дэймон более волнующий, чем я.

Она сморщила носик.

— Как угодно. Итак, Бетани — это серьезно, верно? Встреча с родителями? Ты никогда не делал этого раньше.

Они с Ди были близки. Хотя многие подробности о его связи отсутствовали, Ди знала о нем все. И он беспрекословно доверял ей.

— Она, правда, мне нравится, — наконец, сказал он, закрывая глаза. — Она потрясающая.

Ди ответила не сразу, и он знал, о чем она думает. Бетани могла быть потрясающей, даже идеальной, это не имело значения. Инопланетяне и люди не сходились.

— Доусон...

— Она знает.

Он сказал это тихо, но два слова произвели эффект ядерной бомбы.

— Что? — заверещала Ди.

Доусон поморщился. Когда он открыл глаза, она стояла прямо на кровати с распахнутыми глазами и трясущимися руками. Он сел.

— Ди, все хорошо.

— Как это может быть хорошо? Люди не могут знать о нас! И что на счет ДОД и...

— Ди, сядь и возьми себя в руки. Ладно? — он подождал, пока она не уселась поудобнее. Все ее тело вибрировало. Это происходило всегда, когда она была возбуждена или расстроена. — Я не говорил ей намеренно.

Она склонила голову набок.

— И как же ты случайно проговорился? Да, кстати, я инопланетянин. Давай целоваться.

Ха, она перепутала.

— Что произошло? — потребовала она.

— Не уверен, что ты хочешь знать подробности.

— У вас был секс? Потому что это практически единственная вещь, которую ты мне не расскажешь, что я, правда, ценю, вообще-то, если задуматься, не отвечай на этот вопрос. Это было грубо.

— Нет. У нас не было секса, — он подавился смехом. — Послушай, Ди...

Она закатила глаза.

— Тогда, что произошло?

Потирая виски, он посмотрел на дверь.

— Мы с Бетани целовались, и произошло кое-что, чего никогда не случалось раньше.

Ди откинулась назад. Выражение высочайшего отвращения затуманило ее красивое лицо.

— А, фу, если это что-нибудь о прелюдии...

— О, Господи, заткнись и послушай, ладно? — он протащил руку по волосам. — Мы целовались, и я потерял контроль над своей человеческой формой. Я зажегся, как долбанная рождественская елка.

Рот его сестры открылся.

— Нет, дерьмо...

— Да, и она меня видела. Мне пришлось сказать ей, потому что не похоже, что я мог бы спрятаться после этого.

Ди несколько раз моргнула.

— Подожди. Перемотай назад. Ты потерял контроль, потому что вы целовались?

— Да.

— Вау, — другая эмоция смысла отвращение. Что-то, что он не мог определить и, вероятно, не хотел. — Должно быть, она тебе очень, очень нравится.

— Да, — тогда Доусон улыбнулся, не в силах ничего с собой поделать. Он был таким придурком.

— Меня никогда так не целовали.

Последовала его улыбка.

— Лучше бы тебя так и не целовали. И я не хочу слышать об этом, если это произойдет.

— Эй, это забота и совместное проведение времени, верно?

— Нет.

Она махнула рукой, останавливая его.

— Что она сделала?

Доусон объяснил, как хорошо Бетани справилась, как только прошла через вполне ожидаемый шок. Глаза его сестры наполнились уважением. Каждый Лаксен мог оценить людское понимание держать это в секрете, и если он верил, что Бетани будет, Ди, казалось, доверяла этому.

— Подожди, она светится? — последнее она прошептала, словно произнести это вслух было каким-то грехом.

Доусон кивнул.

— Немного.

— Ух, ты. Дэймон убьет тебя.

— Спасибо. Это помогает, Ди.

— Извини, — она подняла руки. — Но как только он ее увидит, да, не хорошо.

Доусон облокотился об изголовье, проведя руками по лицу. Черт, это было не хорошо.

Отнюдь. Кого волнует, что Дэймон убьет его? Бетани светилась. Он оставил на ней свою пресловутую метку.

И это притянет Аэрума прямо к ее порогу.

* * *

В воскресенье, таращась на пустой участок холста, Бетани держала в одной руке кисть, а другая была занята, ощупывая губы — губы, которых касался Доусон. Он целовал ее, словно изголодавшись, оставив ее с головокружением и задышающуюся.

Он ушел некоторое время назад, как раз перед ужином. Они больше не поцеловались. Объяснив, что он хочет подождать, пока след не исчезнет, прежде чем он попробует, время, которое они провели вместе, было бы одобрено каналом Дисней. Но они много обнимались, и это было так же хорошо, как целоваться. Просто находиться с ним, когда его руки вокруг нее, заставляло ее сердце биться, а нервные окончания простреливать вправо и влево.

Удивительно, все время, которое она провела с ним, она действительно не думала о том, кем он являлся. Конечно, сейчас, когда он ушел, она не могла перестать думать об этом.

Доусон был инопланетянином.

По-видимому, ими был населен весь город, Все это было так... не от мира сего.

Бетани ухмыльнулась.

Она положила кисть на маленький столик, который вклинился рядом с комодом и этажеркой. Подойдя к окну, она смахнула в сторону толстые шторы. Сумерки превратили голые деревья в серые. Прислонив пылающий лоб к холодному оконному стеклу, она закрыла глаза.

Комната — все, казалось холодным, когда его здесь не было. Должно быть из-за жара, который он выделял. Или просто из-за него и того, что он заставлял ее чувствовать. Девичья мелодрама, но это было правдой.

Оттолкнувшись от окна, она сопротивлялась порыву написать или позвонить ему. Но она беспокоилась о нем. Сегодня ночью он

сказал Дэймону, что она знает. Если нет, Дэймон, судя по всему, увидит след вокруг нее завтра. Лучше, если его брат психанет в их доме, а не посреди урока английского.

Она серьезно надеялась, что Дэймон не убил Доусона. Она полюбила парня.

Стараясь не заикливаться на этом, она заставила себя выйти из комнаты, подальше от телефона. Ее мама была внизу на кухне. Большой сюрприз. Отец сидел за столом, просматривая документы, пока Филипп превращал свои мак-н-чиз в пищу, которую едят руками. Она избежала его и пошла в гостиную.

Ее отец выделил часть документов.

— Гляньте, кто, наконец, вышел из своей комнаты, чтобы присоединиться к жизни.

Бетани состроила рожицу.

— Ха-ха.

Возле печки ее мать развернулась, держа в руках противень полный печенья.

— Дорогая, ты можешь проверить дядю и узнать, не хочет ли он что-нибудь съесть или выпить?

— Конечно, — она развернулась вокруг и направилась в гостиную.

Дядя Уилл чопорно сидел на диване, вид у него был утомленный. Дни, ведущие к его лечению, всегда были самыми худшими. Из того, что Бет узнала, стероиды, которые давались вместе с лекарством, быстро исчезали.

— Я слышал твою маму, — сказал он прежде, чем она могла произнести хоть слово. Его голос был слабым и дребезжащим. — Если я захочу пить, я знаю, где холодильник.

Бетани сфокусировалась на телевизоре. Шел один из фильмов о "Крестном отце"

— Я могу принести тебе...

— Я в порядке, — он махнул рукой. Она выглядела тонкой, как бумага, и белой. — Садись. У меня никогда по-настоящему не получалось поговорить с тобой.

Болтать с дядей было последним, что она хотела делать, и она чувствовала себя ужасно из-за этого. Но она никогда не знала, что сказать. Дядя Уилл притворялся, что не стоит одной ногой в могиле, и Бетани высасывала светскую беседу. Избегать его болезни было все равно, что игнорировать гигантскую обезьяну, взбирающуюся по стене и бросающую бананы.

Она села в кресло, сунув ноги под себя, пока судорожно искала, что сказать. К счастью, дядя начал разговор.

— Итак, как давно ты встречаешься с тем парнем?

Ее челюсть отвисла. Ладно, может быть, ей не так уж и повезло. После того, как Доусон ушел, родители допросили ее о нем. Снова.

— Мы... просто друзья.

— Это так? Я не... — его слова кончились сотрясающим тело кашлем. Казалось невозможным, но он выглядел даже более белым. Когда приступ прошел, он закрыл глаза и прочистил горло. — Я, правда, никогда не видел его с какой-нибудь другой девушкой. Его... его семья держится вместе.

О, Боже. Дядя Уилл понятия не имел.

— Да, они, кажется, очень близки.

— Хорошие ребята, полагаю. Никогда не попадают в неприятности, — он повертел в руках плед, который был накинут на его ноги. — Не могу различить их. Который был тут?

Для нее было забавно, что никто не мог различить Доусона и Дэймона.

— Это был Доусон.

Он кивнул.

— А, Доусон... хороший выбор.

Она нахмурилась.

— Ты его знаешь?

Он покачал головой.

— Не совсем, но он кажется более дружелюбным из двоих... каждый раз, когда я видел их в городе. Ты была у них дома? Встречалась с их родителями?

Ее хмурый взгляд потемнел, когда она уставилась на экран. Конечно, дядя исполнял роль защитника, но, когда ее расспрашивали о Доусоне, это вызывало дискомфорт. Немедленное, почти иррациональное побуждение защитить его и их тайну устремилось к поверхности.

— Они много работают за городом, но иногда я слышу их по телефону.

— Хмм, — Уилл поднял пульт, давая понять, что разговор окончен. Слава Богу.

Последовала благословенная тишина, и когда она не смогла сидеть там дольше, она извинилась и пошла обратно вверх.

И, конечно, прямо к телефону.

Она не была из тех, кто молится, и молиться, чтобы один брат не убил другого, казалось, неправильным со всех точек зрения, но она, возможно, чуть-чуть помолилась.

* * *

Доусон чувствовал себя так, словно готовился пойти на расстрел. И отчасти так и было.

Он отступил от фермерского дома, запихнув руки в карманы. Без ведома Бетани, от так по-настоящему и не уехал. Просто припарковал машину возле своего дома и вернулся.

В спальне Бетани включился свет. Он хотел подождать, чтобы мельком увидеть ее, но это превращало его из простого наблюдателя в упорного преследователя.

Прямо сейчас Бетани находилась в безопасности в своем доме. Там не было Аэрума, притаившегося в тени, и свечение было настолько слабым, что они могут даже не учуять его. Так что у него не было причин стоять лагерем снаружи ее дома.

И ему нужно было идти домой и поговорить с Дэймоном.

Развернувшись вокруг, он углубился в лес, и когда был уверен, что никто не мог увидеть его свет, перешел в свою истинную форму и удалился, боясь, что что-нибудь произойдет.

Двумя минутами позже он остановился на своей подъездной дорожке, позволив свету угаснуть, пока не выглядел как любой другой человек. Волоча ноги, он открыл входную дверь.

Прихожая была темной, и, остановившись, он нахмурился. Музыка звучала в доме. Lyrics Whoomp, "вот оно!" вырывалось из динамиков. Он уже знал до того, как вошел в гостиную, что Дэймон слушал один из тех телевизионных каналов, на которых играли только музыку.

Распластавшись на диване, закинув руки за голову, Дэймон двигал босыми ногами в идеальной синхронизации с песней.

Доусон изогнул брови.

— Whoomp. Не так ли?

— Что? — ухмыляясь, он наклонил голову в сторону Доусона. — Мне нравится песня.

— У тебя такой сомнительный музыкальный вкус.

— Не сожалею, — он сел одним плавным движением, опустив ноги на пол. — Где ты был весь день?

— Где Ди? — спросил он вместо ответа.

Дэймон махнул рукой, и быстро перелистал каналы.

— В своей спальне.

— А, — вероятность того, что Дэймон убьет его, когда их сестра дома, была небольшой. Хорошая новость.

— Да.

Вздохнув, он сел на подлокотник кресла.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, но ты должен пообещать, что не взбесишься.

Прищурившись, Дэймон медленно повернул к нему голову. Телевизор остановился на золотой ретро станции. Заиграла "Chantilly Lace".

— Когда кто-либо так начинает разговор, я почти уверен, что взбешусь.

А, имеет смысл.

— Это связано с Бет.

Лицо его брата почернело.

— Я встречался с ней вчера, у нее дома, — продолжил он. — И кое-что произошло.

От его брата все еще не было ответа. Тихий Дэймон, был Дэймон на грани взрыва.

— Не знаю, как это произошло или почему, но произошло. Мы целовались... и я потерял контроль над человеческой формой.

Дэймон резко втянул воздух и начал вставать, но остановился.

— Иисус...

— Я оставил на ней слабый след, — и тут началась плохая часть. — И она знает правду.

Словно переключили выключатель, в мгновение ока Дэймон оказался на ногах лицом к лицу с ним.

— Ты серьезно?

Дэймон встретил тяжелый взгляд своего брата.

— Не думаю, что шутил о чем-то подобном.

— А я не думал, что ты будешь так чертовски неосторожен, Доусон!

Дэймон исчез и снова появился в другом конце комнаты, с жестким позвоночником и напряженными плечами.

— Проклятье!

— Я не хотел, чтобы это произошло, — Доусон брал все на себя за свою ошибку, но в Дэймоне всегда было что-то, что заставляло его чувствовать себя ребенком, стоящим перед злым родителем. — Последнее, что я хотел сделать — это осветить ее и оставить след, но не похоже, что я мог не рассказать ей после. Она полностью понимает, что никто не может знать. Она не скажет...

— И ты ей веришь?

— Да, верю.

Глаза Дэймона вспыхнули.

— И только потому, что ты ей веришь, все остальные должны

быть с этим согласны?

— Я знаю, что прошу о многом, но Бетани никогда никому не скажет.

Дэймон издал холодный лающий смех.

— Господи, ты глуп, братан, действительно, глуп.

Раскаленная волна поднялась вверх по его позвоночнику.

— Я не глуп.

— Позволю себе не согласиться, — прорычал его брат.

Руки Дэймона разжались и сжались по бокам.

— Я понимаю, ты огорчен, тем, что я пометил Бет, и тем, что она знает правду — для тебя грубая ошибка, но не то чтобы я хотел это сделать.

— Знаю, что ты не хотел, но это не меняет того факта, что это произошло, — Дэймон прислонился к стене, подняв подбородок. Напряжение исходило от него, и Доусон знал, что он пытается изобрести способ все исправить. Это то, что делал Дэймон.

Он все исправлял.

Дэймон издал низкий горловой звук.

— И так, ты поцеловал ее, и это произошло?

— Да, неловко, знаю.

Одна сторона его губ искривилась.

— И след слабый? — когда Доусон заверил его, он опустил подбородок. — Ладно. Тебе нужно держаться от нее подальше.

— Что?

— Может быть, ты не понял английский, на котором я только что говорил? — глаза Дэймона вспыхнули гневом. — Тебе нужно держаться от нее подальше.

Это было самым умным, что можно сделать — что он должен сделать. Оставить Бетани в покое. Но кисловатый вкус заполнил его рот. Представляя, что никогда не заговорит с ней снова или не дотронется до нее, заставило его кожу показаться слишком тесной.

— Что если я не могу? — спросил он, глядя в сторону, когда

Дэймон нахмурился.

Его брат выругался.

— Ты что, шутишь? Это не трудно. Держись. От. Нее. Подальше.

Если бы это было так легко. Дэймон не понимал.

— Но в данный момент она светится. Ничего серьезного, но рядом Аэрум, и она не в безопасности.

— Вероятно, ты должен был подумать об этом до того, как подсветил ее задницу.

Прищурившись, Доусон качнулся в сторону брата. Гнев заставил его тело накалиться до реактивного снаряда.

— В самом деле? Так оно и есть? Тебя просто не волнует, если она пострадает?

— Меня волнует, если пострадаешь ты, — Дэймон сделал шаг вперед, сжав руки в кулаки. — Меня волнует, если пострадает Ди. Эта девушка, как бы грубо это ни звучало, ничего для меня не значит.

Доусон посмотрел на брата, рассматривая острые глаза и черты лица, идентичные его собственным. Забавно, как порой Дэймон казался ему совершенно чужим.

— Ты производишь такое же плохое впечатление, как Эндрю.

— Как угодно, мужик, — Дэймон гордо прошествовал через комнату, подняв брошенную подушку. — Я не человеконенавистник. Я констатирую факт, — он взбил подушку, прежде чем швырнуть ее на спинку. — Очевидно, что у тебя к ней чувства. Что-то большее, нежели то, что ты испытывал раньше.

Хорошо, без сомнения. Он никогда не терял своей человеческой формы рядом с человеческими девушками прежде. И, когда он думал о Бет, да, он никогда не чувствовал себя подобным образом.

— И из-за этого, тебе нужно держаться от нее подальше, — сказал Дэймон, словно его слово было законом. Он остановился перед Доусоном, сложив руки. — Я пойду к Мэтью и объясню, что произошло.

Спина Доусона выпрямилась.

— Нет.

Дэймон резко втянул в себя воздух.

— Мэтью нужно знать, что ты сделал.

— Если ты пойдешь к Мэтью, он пойдет к ДОД, и они заберут Бетани, — когда Дэймон открыл рот, Доусон шагнул вперед. — И не вздумай сказать, что тебе все равно.

— Ты просишь слишком много! — взорвался Дэймон. — Я должен предупредить остальных, на случай если твоя подружка поговорит о нас с таблоидами.

— Она не будет, — тихий голос Ди вторгся с вершины лестницы. Братья обернулись к ней. — Если Доусон верит, что Бетани станет молчать, тогда я верю ему.

— Ты не помогаешь, — выкрикнул Дэймон.

Она проигнорировала его.

— Мы все еще должны рассказать остальным, Доусон, потому что у них есть право быть подготовленными. Они должны знать, особенно, когда увидят ее след, но Дэймон может убедить Мэтью не идти к ДОД или к Элдерсу.

— Это не проблема Дэймона, — оспорил он. — Это моя проблема. Я должен...

— Если это касается тебя, это моя проблема, — раздражение оставило след на чертах Дэймона.

Стыд поднимался внутри Доусона, как мерзкий клуб дыма.

— Я не ребенок, черт возьми. Ты старше всего на несколько минут! Это не дает тебе...

— Знаю, — Дэймон потер бровь, словно она разболелась. — Я не хочу относиться к тебе как к ребенку, но, черт возьми, Доусон, ты знаешь, что должен здесь делать.

Ди возникла между ними, держа руки на бедрах, когда повернулась к Дэймону.

— Ты должен доверять в этом Доусону.

Один взгляд на лицо Дэймона сказал, что он предпочел бы сунуть голову в мясорубку.

— Это безумие.

Дэймон шагнул назад, кладя ладони на лоб.

— Ладно. Я понял, тебе... нужно убедиться, что она в безопасности, пока на ней след, и, да, может она и не скажет дерьма, но после ты не можешь избежать риска, что что-то подобное случится снова.

— Я могу себя контролировать, — сказал Доусон.

— О, какого хер...

— Не проси меня бросить ее, пока я даже по-настоящему не узнал ее, — когда слова покинули его рот, его воля была выкована из цемента и заправлена ядерной бомбой.

— Потому что мой ответ тебе не понравится.

Дэймон моргнул, словно был потрясен. И тогда Доусона поразило, что хотя он поступал по-своему большую часть времени, он никогда по-настоящему не противостоял брату. Даже Ди была удивлена.

— Ты не можешь это иметь в виду, — натянутым голосом сказал Дэймон.

— Могу.

— О, ради любви человеческого ребенка повсеместно, ты идиот, — Дэймон перелетел через комнату, встав лицом к лицу с ним. — Ладно, ты "узнаешь ее" и влюбишься, — последнее слово он выплюнул, как если бы проглотил ногти. — Что тогда? Ты собираешься попробовать остаться с ней? Жениться? Заиметь маленький домик, окруженный белым заборчиком, плюс двух тире пятерых детей?

Господи, он не забегал так далеко вперед.

— Возможно. А, возможно, и нет.

— Да, позволь мне узнать, как это решает проблему с ДОД.

Существовал большой шанс, что Доусон сломает перила.

— Это не невозможно. Ничто из этого.

Снова шок пробежал по лицу Дэймона, а потом его выражение ожесточилось.

— Ты рискуешь стать изгоем! Что еще хуже, ты рискуешь своей

сестрой, если это случится снова.

— Дэймон, — запротестовала Ди, ее глаза блестели от непролитых слез. — Не выкладывай это на него.

От гнева кожа Дэймона потемнела. Его глаза начали светиться.

— Нет. Он должен понимать, что сделал. Бетани может привести Аэрума прямо сюда. И только Бог знает, что сделают ДОД, если выяснят, что она знает. Так что скажи мне, Бетани стоит этого?

Доусон ненавидел то, что собирался сказать дальше, и, черт, это делало его эгоистичным куском дерьма, но это было правдой.

— Да, стоит.

Когда в понедельник Бетани вошла в класс английского, она находилась в одном шаге от полностью девчачьего психоделического состояния, особенно когда ее взгляд скользнул прямо к доске за ней и уловил Доусона.

Прошлой ночью он позвонил и рассказал ей, что все объяснил Дэймону. Хотя он предъявлял претензии, все прошло хорошо, напряжение в его голосе говорило о другом.

Заняв свое место, она бросила сумку на пол и отважилась посмотреть на него.

— Привет.

Он кивнул в ответ, его взгляд двигался вокруг нее.

— Все будет хорошо.

И это заставило ее нервничать сильнее. Как оказалось, у нее были веские основания. Когда Дэймон вошел в классную комнату, взгляд на его лицо обещал разного рода неприятности. Бетани отшатнулась, когда ее глаза встретились с глазами Дэймона.

Это было как удар ледяного ветра.

Доусон наклонился вперед, обернув пальцы вокруг ее руки.

— Игнорируй его, — прошептал он. — Он в порядке.

Если "в порядке" было щеголять взглядом серийного убийцы, она не хотела бы увидеть, что значило "не в порядке". Она осмелилась бросить еще один быстрый взгляд через плечо Доусона.

Губы Дэймон расплылись в односторонней улыбке, которой не доставало юмора и симпатии.

Сглотнув вопреки неожиданному уплотнению в горле, она тихо проговорила.

— Ладно. Он меня пугает.

Доусон потер ее руку.

— Он лает, но не кусается.

— Это твое мнение, — ответил Дэймон.

Бетани застыла, ее глаза расширились. Прозвенел звонок, и она повернулась к передней части класса. Ох, этот срок будет долгим. Ее затылок горел от взгляда, который Доусон не мог заградить.

Она почувствовала пальцы Доусона на своей спине и расслабилась. Обсуждение класса сосредоточилось на "Гордости и Предубеждение". Любовь была главной темой.

— Что можно узнать о любви из "Гордости и Предубеждения"? — спросил мистер Патерсон, сидя на краю рабочего стола. — Леса?

— Помимо факта, что в прежние времена ухаживания занимали вечность? — отбросив густые локоны с плеч, она пожала плечами. — Я думаю, любовь возможна только если она не находится под влиянием общества.

— Но Шарлотта замужем за деньгами, — аргументировала Кимми, словно там было чем гордиться.

— Да, но мистер Коллинз был идиотом, — сказала Леса.

— Арих идиот, — сказал кто-то другой.

Леса закатила глаза.

— Но выйти за кого-то ради денег — это не любовь.

— Все мысли хороши, — улыбаясь, сказал мистер Патерсон. — Как вы думаете, Остен была реалисткой или циничной натурой, когда доходило до любовной темы?

И тогда глубокий, ровный голос Дэймона сказал:

— Думаю, она показывала, что иногда принимать решения, основываясь на сердце, глупо.

Бетани закрыла глаза.

— Или она показывает, что принятие решений, основываясь на чем-нибудь еще, кончается плохо, — ответил Доусон тем же голосом. — Что настоящая любовь побеждает все.

Ее сердце ускорилося, когда она оглянулась через плечо, встретившись взглядом с Доусоном. Он улыбнулся, и она растаяла.

— Настоящая любовь? — поднял на смех Дэймон. — Вся

концепция истинной любви — глупость.

Класс разразился спором, который ушел от темы, но Бетани и Доусон все еще смотрели друг на друга. Настоящая любовь? Это было ей? До встречи с Доусоном, она была в числе сторонников мнения Дэймона. Не верила в сентиментальные вещи.

Глаза Доусона потемнели, превратившись в зеленое попури.

О, да, происходили сентиментальные вещи.

Когда урок кончился, Доусон подождал, когда она соберет вещи, а потом предложил свою руку.

— Готова?

Осознавая, что все взгляды прикованы к ним, она кивнула.

Дэймон протопал мимо них, врезавшись в плечо брата.

— У меня от тебя голова болит, — насупившись, сказал он.

— А я от тебя весь теплый и пушистый внутри, — ответил Доусон, переплетая свои пальцы с ее.

Его близнец посмотрел на Бет.

— Будь очень осторожна, маленькая девочка, — а потом он вышел через дверь.

У Бет отвисла челюсть.

— Вау.

— Веришь или нет, это приглушенная версия Дэймона, — он провел ее через дверь. Выйдя в коридор, он сжал ее руку, прошептал. — Мы должны рассказать остальным... остальным из нас, кто живет за пределами, ну, ты знаешь.

Страх сбил ее сердце.

— Они примут это нормально?

— Дэймон обеспечит это.

— Правда? — спросила она, покачав головой. — Он не выглядел так, словно поддерживает.

Он ее заверил, но она не купилась.

Когда они приблизились к лестничной клетке один из близнецов

— блондинов вышел из двойных дверей и посмотрел на них. Злой близнец — инопланетянин или добрый? Его золотистая кожа побледнела, и, продолжая таращиться на них, он запутался в собственных ногах.

— Он, ух, видит мой след? — прошептала она.

Доусон кивнул.

— В течение дня ты можешь получать некоторые... странные взгляды. Просто притворяйся, что понятия не имеешь почему.

Получать некоторые странные взгляды? Доусон не шутил. Учитель, во время смены класса изумленно уставился на нее. Одна из дам административной поддержки ахнула. И во время физкультуры тренер смотрел на нее так, словно вот-вот получит удар.

Ее окружали инопланетяне.

Или она становилась параноиком, потому что когда Карисса помахала ей ракеткой, она была наполовину уверена, что девушка собирается швырнуть ее ей в голову.

Мяч для пинг-понга пролетел мимо нее. Кимми развернулась вокруг.

— Не достаю.

— Конечно, нет, — пробормотала Бетани.

Пока она извлекала свой мяч, она услышала шипящий шепот. Посмотрев вверх, она прищурилась через крошечные трещины на трибуне. Она различила две фигуры — Доусона и мудака Эндрю.

— Какого черта ты думаешь? — потребовал Эндрю, наклонившись к лицу Доусона.

— Это не твое дело.

Эндрю резко рассмеялся.

— Ох, да, ты действительно собираешь идти этим путем? Объясни, каким образом это не касается меня и остальных.

— Я не обязан давать тебе объяснения.

Эндрю выглядел ошарашенным.

— Тебе нужно держаться подальше от этой человечки. Она не хороша для тебя, ни для кого из нас.

Сопrotивляясь побуждению вытолкать Эндрю в зашей и защитить себя, она попятилась от трибуны. Подождите. Твою мать. Очевидно, что все маленькие Лаксены, бегающие вокруг, знают о ней. Она не собиралась позволять Доусону справляться с этим самому.

Мяч для пинг-понга ударил ее в затылок прежде, чем она сделала еще один шаг вперед. Выругавшись, она потеряла голову.

— Ауч!

Кимми наклонила голову на бок.

— Я зову тебя последние две минуты. Господи. Ты отключилась или просто такая идиотка?

Раскаленное чувство текло по ее венам, сочетание подслушанного разговора и чистейшей стервозности Кимми. Она подняла мяч и бросила его назад. Маленький, круглый кусочек пластика, как самонаводящийся тамогавк, нашедший щеку Кимми.

Очень довольная, Бетани прошествовала мимо подергивающейся Кимми.

— Не могу поверить, что ты бросила его в мою...

— Следующая ракетка, — предупредила Бетани, подбрасывая в руке ракетку.

Карисса хихикнула от своего стола без партнера.

— Это было весело.

Кимми повернулась к девушке, без сомнения, собираясь натянуть Линду Блэр.

— Ты надо мной смеешься?

— Э, — Карисса подняла свои очки. — Думаю так.

— О, ты просто...

Тогда тренер Андерсон решил вмешаться.

— Хорошо, дамы, глаза на стол — на игру.

Бет сжала ракетку и сделала глубокий вздох. Тогда тренер, должно быть, понял, что Карисса была одна, и направился к ней, в тот момент, когда Доусон и Эндрю снова появились, выглядя так, словно две секунды отделяли их от того, чтобы броситься в центр

тренажерного зала.

— Если за теми трибунами нет стола, мне любопытно, что вы двое там делали, — сказал тренер. — Вернитесь за назначенный вам стол.

Кимми ухмыльнулась.

Доусон подошел к своей стороне стола, поднимая ракетку.

— Готова? — спросил он Кариссу.

Она кивнула, потянувшись к мячу, но рука Эндрю с силой ударила через стол, хватая его.

— Эй, — улыбаясь, сказал он. — Позволь мне подать.

У Бетани было очень плохое предчувствие на этот счет.

Неторопливая, холодная улыбка проползла по лицу Доусна, и в этом выражение она вдруг увидела его близнеца. Это было жутко.

— Да, сделай это.

Эндрю закинул руку назад так быстро, что для Бет она смазалась. Он отпустил, и маленький мяч преодолел звуковой барьер. Милостивый боже, он просвистел через стол как пуля.

Не отводя глаз от блондина, Доусон быстро поднял руку и поймал мяч.

Послышался громкий стук, который заставил Бетани вздрогнуть, но он не отступил.

— Спасибо, приятель.

— Крест господень, — пробормотала Карисса.

Доусон усмехнулся, подняв руки и сложив их за спиной. Футболка на нем съехала на бок, выставляя на обозрение плоские, подтянутые мышцы живота. Вау. Без сомнения у него было шесть кубиков пресса. Казалось, он не обращал внимания, что все три девушки таращились на него.

Сказать, что остальной части класса было неловко, было бы крупным преуменьшением. После переодевания, она открыла дверь и увидела ждущего ее Доусона.

Его брови соединились.

— Ты там в порядке?

— Думаю, это я должна задавать тебе этот вопрос.

Он взял ее за руку, притягивая к себе. Бетани прижала щеку к его груди.

— Это было не плохо. У меня получилось увидеть тебя.

Она улыбнулась и подняла подбородок. Их взгляды замкнулись. Тепло наполнило ее.

— Ты всегда говоришь правильные вещи. Очень хороший навык.

Он провел своим носом по ее щеке.

— Только с тобой.

Узел образовался у нее в горле, в тот же момент целый вагон бабочек принялись летать в животе.

— Смотри. Ну, вот опять.

— Хммм, — пробормотал он, оборачивая руку вокруг ее талии. Никогда прежде она не бывала в таких отношениях на КПК в коридорах. Обычно она закатывала глаза и мысленно делала какой-нибудь сварливый комментарий, когда видела это, но она обнаруживала, что с Доусоном ей нравилось быть такой девушкой.

— Я могу заехать после школы? — спросил он.

— Я надеялась, что ты захочешь.

— Я зайду после ужина, ладно? — он поцеловал ее в щеку и отступил назад. Взяв ее за руку, он вывел ее на парковку. Возле ее машины он поднял ее руку и прижался губами к ладони. — У меня такое чувство, что когда я вернусь домой, начнется нахождение общих позиций, так что я могу немного опоздать.

Она поморщилась.

— Я бы хотела, чтобы могла быть там с тобой. Не правильно, что ты должен защищать себя и меня в полном одиночестве.

Нежность наполнила его блестящие зеленые глаза.

— Хватит и меня.

— Но...

Доусон снова поцеловал ее ладонь, и сладкий жест просто

ошарашил ее.

— Не волнуйся о них. Я не хочу, чтобы ты вообще волновалась, — он отпустил ее руку и начал отходить. — Буду, как только смогу.

— Буду ждать.

Второй Раунд Вмешательства прошел, как и ожидалось.

Другими словами, он состоял из брюзжания на него всех по очереди, а иногда и более чем по одному за раз. Единственными, кто не принимали участия, были Ди и Адам. Они сидели бок о бок на диване, и у них были одинаково угрюмые выражения лиц.

Мэтью хотел пойти в ДОД, как им и полагалось в случае контакта, но Дэймон и Доусон сумели убедить его, что риск не высок. После часа препирательств, он неохотно сдался.

— Это так рискованно, — сказал Мэтью, меряя шагами гостиную. — Если она скажет всего одному...

— Она никому не скажет. Клянусь.

Эш покачала головой.

— Как ты можешь быть настолько уверен?

— Слушайте. Дело сделано, — сказал Дэймон, обрывая ее. — Мы не собираемся идти в ДОД или к Элдерсу. Конец.

— Это не moveon.org, Дэймон, — быстро поправилась она. — Это затрагивает всех нас. И с ее свечением...

— Я защищу ее. Я так же удостоверюсь, что ни один Аэрум не подберется достаточно близко, чтобы даже увидеть ее, — Доусон скрестил руки.

Эш открыла рот.

— Это взорвется перед тобой — перед всеми нами. Есть причины, почему люди не знают о нас. Они непостоянные и невменяемые!

Даже брови Ди поднялись в ответ на это. Эш бывала чертовски чокнутой, когда хотела.

Потом Эш изогнулась к Дэймону, ее щеки вспыхнули.

— Не могу поверить, что ты позволяешь ему это делать. Следующее, что мы узнаем, что ты встречаешься с человеком.

Дэймон внезапно рассмеялся.

— Да уж, такого не произойдет.

Нытье продолжалось еще час, пока Томпсоны не ушли. По дороге на улицу Адам оттащил Доусона в сторону, в то время как его брат и сестра варились в машине.

— Слушай, меня не волнует, если ты влюблен в девушку...

— Я не...

— Даже не говори, что ты не влюблен, — сказал Адам, глядя на пустой дом по-соседству. — Меня не волнует да или нет. Это, действительно, не главное, но ты должен быть осторожен.

Доусон сложил руки.

— Я осторожен.

— Чувак, это не осторожно. Все злы. Это коснется Бетани, — он сделал вдох. — Я постараюсь втолковать кое-какие разумные вещи этим двоим, но твоя проблема не только Аэрум или ДОД, если ты улавливаешь ход моих мыслей.

Черт, той ярости, что простреливала его позвоночник, было достаточно, чтобы обрушить шквал негодования.

— Если они что-нибудь сделают, я...

— Знаю, но ты должен этого ждать. Даже с Дэймоном и Мэтью, поддерживающими твой... образ жизни, это будет не просто.

Теперь он начал терять терпение. Его "образом жизни" было желание находиться с человеком, о котором он заботился. Словно это было плохим выбором или что-то в этом роде.

— Адам...

— Ты мой друг, — Адам сжал руку на плече Доусона, встретившись с ним взглядом. — Я тебя прикрою, но нужно, чтобы ты по-настоящему был уверен в дороге, по которой идешь.

Доусон резко выдохнул.

— Я... не знаю, дерьмо. Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал, — главным образом потому, что он даже не знал, как начать выражать словами то, что он чувствовал к Бетани. Возможно, в словах Адама был смысл. Может быть, это была большая л...

Острое чувство понимания, омраченное печалью, проползло по

лицу Адама.

— Послушай, какое у тебя с ней будущее? Стоит ли она того, чтобы разозлить и отдалиться от всех?

— Думаю, ответ на это слишком очевиден.

— Правда, — сказал он, опустив руку. — Но это огромно. Знаешь о каком-нибудь Лаксене и человеке, которые заставили это сработать? Дожили, чтобы рассказать об этом?

Да, вот входной на одного в Город Депрессии.

Адам слегка улыбнулся.

— Я тебе не завидую, потому что я правда не думаю, что мы можем что-то поделать с тем, что чувствуем. Бог знает, я хорошо с этим знаком, — он поморщился, и Доусон задался вопросом, говорил ли он о Ди. — Я просто волнуюсь, потому что не думаю, что Ди и Дэймон смогли бы справиться, если бы произошло что-то плохое. И я не думаю, что ты смог бы, если что-то произошло бы с Бетани.

Доусон наблюдал, как ушел его друг. Адам дал ему много пищи для размышления. Жалкой, ничтожной, неоконченной пищи для размышления.

Но в основном, его снедало то, что он чувствовал к Бетани. Потому что он рисковал всем и всеми, и это было эгоистично. Господи, была всего одна вещь, которая могла заставить любого быть эгоистичным.

* * *

У Бетани не заняло много времени, чтобы понять, что у команды Доусон — Бетани не много фанатов. Следующие несколько дней Дэймон провел большую часть уроков английского, глядя на брата и игнорируя ее, даже когда она пыталась быть вежливой.

Так же для нее стало просто различить Эндрю и Адама. Хороший держался вдали, когда бы их пути не пересеклись, или когда он болтал с Доусоном, но он ей улыбался.

Другой, злой инопланетный близнец, пугал ее до смерти. Взгляды Дэймона были ничто в сравнение со взглядами Эндрю. Он был тем, с кем она не хотела пересекаться наедине. К счастью,

Доусон держался близко к ней, и к пятнице, хорошие новости, ее след исчез. Это заняло всего шесть дней.

Они с Доусоном провели выходные вместе, отсиживаясь в ее спальне. Конечно, дверь держали открытой. Мама совала свою голову, но каждый раз приносила печенье. Существовал большой шанс, что Доусон влюбился в ее маму.

Парень умел есть.

Один раз, после третьего Биг Мака, он объяснил, что это было связано с их метаболизмом и тем количеством энергии, которое они использовали. Стараясь не завидовать, Бетани потыкала свой чизбургер, который, как она знала, отправится прямо ей в задницу.

Еще парень умел обниматься.

Когда они чувствовали относительную уверенность, что ее мама не совершит налет на ее спальню или гостиную, Доусон прижимал ее к себе, словно ему необходимо было касаться какой-либо ее части. Временами все его тело вибрировало.

Она больше не видела его в истинной форме, из-за следа, который это оставило бы за собой, но с каждым днем Доусон расслаблялся рядом с ней. Его новое любимое развлечение, казалось удивительным и появление прямо перед ней вызывало у нее микро-удар каждый раз, когда он это делал. Он так же двигал множество вещей, не прикасаясь к ним. От этих небольших действий не выделялось много энергии, но их было по-настоящему здорово видеть.

Все шло хорошо. А потом она встретила Эш, формально в понедельник.

Время от времени она видела блондинку в коридорах. Черт, не то чтобы ее можно было не заметить. Как и Ди, она была великолепна, почти слишком красива, чтобы ходить по коридорам старшей школы. Казалось, она больше подходила для подиума в Милане.

Бетани шла с урока химии, удивившись, когда стройная блондинка развернулась, ее яркие сапфировые глаза вцепились в ее глаза...

— Бетани?

Она кивнула, увернувшись от группы студентов.

Взгляд Эш оторвался от ее глаз, проплыв по ее простому

кардигану и потертым джинсам. Ее прекрасно ухоженные брови нахмурились, словно она искала что-то, чего у Бетани точно не было.

— Должна признаться, я немного в замешательстве.

Так же как и Бетани.

— Потрудись объяснить?

Голубые глаза Эш встретились с ее глазами.

— Не понимаю, что Доусон в тебе находит.

Вау. Способ быть грубой. Бетани пришлось заставить свою челюсть закрыться.

— Извини?

Эш жестко улыбнулась и подождала, пока еще одна группа ребят пройдет мимо них.

— Не понимаю, что Доусон в тебе находит, но, думаю, ты слышала и поняла меня в первый раз, — потом она понизила голос. — Он может сделать лучше. И сделает. В конце концов, он устанет от зеленой травы и двинется дальше.

Бетани была слишком потрясена, чтобы ответить.

— Извини, ты так чувствуешь, но...

— Что ты можешь предложить ему кроме риска? — Эш подошла ближе, и Бетани пришлось побороть побуждение попятиться. — Вы ребята будете крайними. Так или иначе. Так почему бы тебе не оказать услугу и себе, и Доусону, и не оставить его в покое.

Бетани чувствовала себя, как встряхнутая содовая, которая может вот-вот с треском лопнуть. Да, она знала, что не держала свечку таким девушкам, как Эш, но Иисус, она тоже не была вчерашними объедками фастфуда. Но прежде, чем она успела дать волю дерьму, более высокая девушка грациозно развернулась и гордо прошествовала прочь, без особых усилий двигаясь среди других учеников.

Бетани стояла там, раскрыв рот. Этого не произошло. Она понимала, что никто не счастлив от ее осведомленности их частью правды, но это казалось личным. Она была бывшей подружкой Доусона? Господи, разве ей не повезло? Она соперничала с инопланетной моделью Виктории Сикрет.

Доусон находился в дальнем конце коридора. Он обернулся, словно почувствовав ее.

— Привет... — улыбка на его красивом лице увяла. — В чем дело?

Она остановилась возле него, оглядевшись вокруг.

— Да так, просто чуть-чуть поболтала с Эш.

Исчезла остальная часть улыбки.

— О, Боже, что она сказала?

— Вы ребята встречались или что-нибудь в этом роде? — в ту минуту, когда эти слова покинули ее рот, она пожалела о них.

— Что? О, черт, нет.

Бетани сложила руки.

— Правда?

К ее удивлению, он рассмеялся и обхватил рукой ее локоть, направляя ее к грязному окну с обзором на заднюю парковку.

— Она встречается с моим братом, ну, не прямо сейчас, но время от времени, сколько я могу вспомнить.

Раздосадованная фактом, что почувствовала облегчение, услышав это, она нахмурилась.

— Что? С тех пор как им было десять или около того?

Доусон пожал плечами.

— Что она тебе сказала?

Бетани выдала ему быструю и сырую версию. Но к тому времени, как она закончила, Доусон выглядел так, словно хотел кого-нибудь ударить.

— Они, правда, видят во мне такую большую угрозу? — спросила она.

Его челюсть дернулась.

— Да, видят, — низким голосом он продолжил. — Понимаешь, они тебя не знают. И они не знают никого из людей вне ДОД, кто осведомлен о них. Для них это внове, но непростительно.

Часть ее радовалась, что он был так зол, но она не хотела вставать между ними больше, чем встала уже. Выдавив улыбку, она вытянулась на кончиках пальцев и поцеловала его в уголок губ.

Дрожь прокатилась по всему его телу.

Бетани усмехнулась, обожая эффект, который производила на него. Конечно, он был инопланетянин с почти неограниченной силой, но она заставляла его дрожать. Очко в пользу жалкой человечки!

— Знаешь, у меня есть идея, — сказала она

— Да? — он изогнул руку вокруг ее талии, опустив голову, быстро скользя челюстью по боковой поверхности ее шеи. На мгновение она совершенно забыла, что говорила. — Бетани?

— О, — она вспыхнула, отступая. Ученики практически глазели на них. — Я подумала, может быть, все было бы проще, если бы они не действовали так, словно это был большой сговор. Если бы мы не пытались... держаться от них подальше. Может быть, если бы они узнали меня...

Бетани умолкла, потому что он уставился на нее, будто она спихнула ребенка на улицу.

— Ладно. Не бери в голову.

— Нет, — он моргнул, а потом усмехнулся. — Это отличная идея. Я должен был додуматься до этого.

Она просияла.

— Ура мне.

Он опустил руки на ее плечи.

— Что ж, тогда давай займемся этим...

Подождите, что? Она замедлила шаги.

— Что?

— Как на счет того, чтобы появиться на ланче? Большинство из них проводит время вместе.

Отличная идея хорошо звучала в теории, но сейчас, когда они подвергали ее проверке, в каком-то роде она хотела, чтобы держала свой рот на замке. Но она натянула свои трусики большой девочки и приготовилась, вероятно, к одному из самых трудных ланчей в своей

жизни.

Кафетерий PHS был таким же, как кафетерий в любой старшей школе. Белые квадратные столы втиснуты в комнату, которая пахла Пин-Содем и подгоревшей едой.

Громкий гул разговоров действительно был для нее успокоительным. Нормальным.

Очередь за едой двигалась быстро. Дэймон загромоздил свою тарелку тем, что возможно было мясным рулетом, а она схватила бутылку воды. Она всегда собирала свой ланч — арахисовое масло и желе. Без этого ее день не был бы полным.

Бетани не нужно было знать, где сидят его друзья. Она чувствовала их взгляды и задавалась вопросом, было ли супер-инопланетной силой — просверливание дыр в телах по средствам только силы глаз.

Доусон рядом с ней был воплощением легкости. Легкая полу усмешка приклеилась к его изумительному лицу, и, казалось, он не обращал внимания на взгляды, которые получал, когда они направились к центру кафетерия.

За столом находились Ди и Дэймон, сидя рядом с тем, кто, как она предполагала по взгляду с открытым ртом, которым он их наградил, был Эндрю. Она полагала, что остальные студенты, которые сидели за столом, были людьми, потому что Доусон говорил, что большинство Лаксенов были младше или старше.

— Привет, ребята, не возражаете, если мы сегодня присоединимся к вам? —

Доусон сел напротив брата прежде, чем кто-нибудь мог ответить, притягивая Бетани на место рядом с Ди. — Спасибо.

Задержав дыхание, Бетани положила свой бумажный пакет на стол.

— Смелый шаг, — пробормотал Дэймон, его губы скривились в ухмылке.

Доусон пожал плечами.

— Мы просто соскучились по вам, ребята.

Дэймон поднял вилку, и Бетани всерьез надеялась, что она не

превратится в оружие.

— Уверен, что так, — его знакомые, но чужие глаза скользнули к ней. — Как поживаешь, Бетани?

— Хорошо, — она вытащила свой сэндвич, ненавидя тот факт, что чувствовала, как горят ее щеки. — А ты?

— Отлично, — он наколол мясной рулет. — Не часто вижу тебя здесь. Скрываешься с моим ответственным братом?

— Обычно я ем в художественной комнате, — она сделала паузу, растаскивая свой сэндвич на куски. Ее странная привычка, над которой посмеивался Доусон.

— В художественной комнате? — спросила Ди.

Она кивнула, подняв взгляд. На красивом лице девушки не было откровенного презрения. Больше любопытство.

— Я рисую. Так что, ем там и работаю над проектами.

— Она, правда, хороша, — вставил Доусон. Его ланч был наполовину уничтожен. — У моей девушки есть практический опыт.

Эндрю наклонился вперед и произнес тихим голосом:

— Твоя девушка собирается превратиться в один огромный, мать...

— Закончи это предложение, и я воткну тебе в глаз вилко-ложку, которую Бетани вытащила из сумочки для яблочного соуса, — Доусон игриво улыбнулся. — И она очень расстроится, если я испорчу ее вилко-ложку. Она несколько тепло относится к вещам.

Да, она бы расстроилась из-за этого... по многим причинам.

Эндрю откинулся на спинку стула, его челюсть напряглась. С другой стороны Дэймон сделал очень странную вещь. Он рассмеялся — очень громко. Это был приятный звук, глубже, чем у Доусона.

— Вилко-ложка, — сказала Ди, схватив свою сумку. — Что за вилко-ложка?

Челюсть Бетани отвисла.

— Ты никогда ни одной не видела?

— Ди не часто вылезает, — усмехаясь, ответил Доусон.

— Заткнись, — Ди извлекла вилку и ложку в одном и улыбнулась. — Я никогда не видела ни одной! Ха. Это так удобно, — она посмотрела на Дэймона, ее глаза плясали. — Мы могли бы избавиться от большей половины нашего серебра и купить десять таких, и были бы готовы к жизни.

Дэймон покачал головой, но его лицо выражало крайнюю привязанность. И тогда Бетани поняла. Неважно, как сильно трое из них злились на одного, между ними существовала глубокая любовная связь. Увидеть это заставило ее расслабиться. Как бы сильно Дэймон не был расстроен, а Доусон или Ди взволнованы, они всегда будут держаться вместе. От этого ей захотелось побежать домой, обнять Филиппа и быть лучшей сестрой.

Позже обед был не так уж плох. Единственным недостатком был Эндрю, но через некоторое время он ушел, и она была очень благодарна, что Эш не показалась. Они ушли за несколько минут до урока.

Вне кафетерия, мотивированная впечатлениями, Бетани усмехнулась Доусону.

— Было не так уж плохо, да?

Улыбка на его лице согрела ее.

— Да, было хорошо. Думаю, мы должны сделать это еще раз.

Она рассмеялась, а потом он потянулся и взял ее за руку. Он втащил ее в пустую классную комнату, заполненную компьютерами. Не говоря ни слова, он сбросил ремень сумки с ее плеча и положил ее на пол. Бетани задрожала, неуверенная, было ли это из-за циркулирующего холодного воздуха или из-за решительного выражения на его лице.

Она сделала шаг назад, нервно смочив нижнюю губу. Его зеленые глаза вспыхнули.

— Что... ты делаешь?

— Собираюсь снова тебя поцеловать.

Быстро росло нетерпение, вызвав у него головокружение.

— Ах, ты думаешь, здесь подходящее место, чтобы снова это проверить?

— Не знаю, но не могу больше ждать, — он выглядел решительным, когда сделал шаг к ней. Таким решительным, что она медленно двинулась назад и продолжала идти, пока не оказалась возле стены.

Медленно потянувшись обеими руками, он обхватил ее щеки и запрокинул вверх подбородок. По собственному желанию ресницы дрогнули, закрываясь. Как и в первый раз, когда они целовались, его губы были мягкими, как дыхание. Последовала пауза, словно он ждал, что что-нибудь произойдет, а потом поцеловал ее глубже.

О... о, боже, она растаяла в этом поцелуе, в нем, ее грудь расширилась, наполнившись воздухом, пока она не почувствовала себя так, будто парит прямо под потолком. Скользя руками вокруг его шеи, ее пальцы запутались в мягких локонах на его затылке. Его руки, ну, они тоже находились в движении, скользя вниз по ее талии, по ее бедрам.

Доусон слегка отстранился, и его губы растянулись в ленивую ухмылку рядом с ее губами.

— Это... это было хорошо. Отлично. Прекрасно.

— Да, — признала она, затаив дыхание. — Все это и больше.

Его большие пальцы двигались по ее щекам, Его руки были сильными и нежными, когда он удерживал ее прямо там, снова опуская свою голову к ее. Он поцеловал ее глубоко, держа перед собой. Когда они оторвались друг от друга во второй раз, его глаза светились и были полны эмоций, от которых ее сердце колотилось о ребра. Потому что она была уверена, что видела в его глазах то, что чувствовала сама.

Любовь.

Во вторник после школы Доусон направился домой, вместо того, чтобы пойти прямо к Бетани, где ему хотелось быть. Бетани обещала раздобыть продукты после обеда, как часть своей домашней работы на этой неделе, так что этим вечером она будет очень занята.

Это было то самое время месяца.

Раз в месяц ему нужно было отмечаться в ДОД. Это требование к каждому Лаксену, особенно если он живет за пределами колонии. Могло быть и хуже. Быть вызванным Старейшенами обычно подразумевало что один, или даже оба брата получали нагоняй по той или другой причине, чувство вины за то что "были как люди", и давлением на когда они обзаведутся потомством. Другими словами женится ли Деймон на Эш по достижении 18 лет, и найдет ли Доусон себе пару среди Лаксенов того же возраста?

ДОД же задают одни и те же скучные вопросы.

Да уж, всем будет весело. Это не то чем хотелось бы заниматься сейчас

Черный ффорд экспидишн уже стоял у обочины, когда он подъезжал к дому. Считая причины, по которым это пройдет дерьмово, он выбрался из своей джетты и направился домой.

Костюмы — два из них — были в гостиной на диване. Мужчины лет 30, с одинаково пустым выражением лица. Их позы были одеревеневшими, наверное, потому что Деймон, прислонившийся к стене смотрел на них так будто хотел сделать что-то жуткое с их телами.

Доусон узнал одного из них, он приходил каждый раз после их переезда в Западную Вирджинию, но другой был новенький.

Ди посмотрела со стула, где она сидела на краешке, Облегчение мелькнуло в ее блестящих глазах. Обычно это означало, что все идет не хорошо между Деймоном и ДОД, и Доусон вынужден играть миротворца.

Скрестив руки, Доусон сказал:

— Ну, это выглядит счастливой встречей умов.

Колкий взгляд Деймона направился на него.

— Звучит, как правда.

Офицер Лейн прочистил горло.

— Как ты поживаешь Доусон?

Волна недоверия и отвращения проскальзывала в его приветствии. Лейн делал вид — с трудом, что ему нравятся Лаксены. Но все они знали лучше

— Хорошо, — сказал Доусон. — Как ты?

— У офицера Вона и меня все отлично, — Лейн соединил свои руки, в то время как другой оставил их рядом с бедрами, рядом с пистолетом, который, Доусон знал, они носят. Как будто пуля была бы быстрее, чем они. — Мы тут болтали с Деймоном и он был... очень полезным.

Доусон почти рассмеялся. Маловероятно и поза Деймона намекала, что какие бы они не задавали вопросы, это не устроило его. Беспокойство потекло по венам Доусона.

Узнали ли они о Бетани и ее слабом следе? Вряд ли. ДОД не знали, что он может оставаться на людях и никто, даже Эндрю не выдал бы такую информацию.

Вон глянул на своего напарника, прежде чем сказать.

— Мы наблюдали необычную активность последний месяц или около того, увеличение электромагнитных полей в этом районе. Твой брат, кажется, не имеет понятия о том, как такое может быть.

Так как правительство думало, что Аэрумы это просто психованные Лаксены, вряд ли они могли сказать им, что они охотились и дрались. Если бы ДОД узнало, что Аэрумы охотились на Лаксенов из за их способностей, все было бы кончено. Возвращение в Нью-Мексико, в подземелья к жизни уродов и лабораторных крыс.

Доусон пожал плечами.

— Ну, мы много бегали в своей настоящей форме, может поэтому?

Губы Вона искривились.

— По нашим данным, нахождение в вашей настоящей форме не

вызвало бы таких нарушений, — сказал Вон прищельцем с таким видом, будто проглотил что-то мерзкое. — В это сложно поверить после просмотра всех отчетов за полгода здесь.

ДОД нужно хобби, что-либо помимо наблюдения за ними

Ди закинула ногу на ногу.

— Офицеры, мои братья любят свою физическую активность. Иногда она выходит за рамки. Понимаете, они любят играть в Лаксеновский футбол.

— И который это будет? — Лейн улыбнулся, потому что нельзя не улыбнуться Ди.

Она усмехнулась.

— Представьте себе футбольный мячик, как комок чистой энергии. Им нравится бросать это друг в друга. Возможно, это то, что регистрируется.

— Правда? — Лейн покачал головой, глаза увеличились, — Было бы интересно на это взглянуть.

— Ну, вы всегда можете присоединиться, — сказал Деймон с ухмылкой. — Правда, я сомневаюсь, что вам понравится

Лицо Вона вспыхнуло.

— У тебя острый язык Деймон.

— Лучше, чем тупой, — ответил Доусон. — Ну, по крайней мере, я люблю так говорить.

Деймон мягко усмехнулся.

— Ну, мальчики это было весело, но если нет чего-то еще, вы знаете, где выход.

Привыкший к Деймону офицер Лейн встал, но Вон остался сидеть.

— Почему твоя семья решила жить вне колонии?

— Нам нравится жить в человеческом мире, — быстро ответила Ди весело. Одному богу известно как Деймон бы ответил на этот вопрос. — Ну, вы знаете быть активными членами общества и еще много чего. По той же причине что любой Лаксен выбирает ответвление от колонии

Доусону было сложно удержать свое лицо ровным. Честно говоря, жить в колонии было не лучше чем в лагерях ДОД, где они готовили Лаксенов к ассимиляции. Может, даже хуже.

Вон глядел с сомнением, но офицер Лейн умудрился поднять его и направится в сторону двери. Прежде чем они ушли, однако, они напомнили, что всем троим необходимо зарегистрироваться до конца апреля для принудительного учета. ДОД продолжало методично подсчитывать, как много из них жило внутри и снаружи колонии.

Ди откинулась на спинку стула после того как Доусон закрыл дверь.

— Ненавижу, когда они приходят, — сказала она, сморщив лицо, — они ведут себя так, так будто мы сделали что-то плохое.

— Этот новенький действительно любимый фанат, не так ли? — Доусон присел на подлокотник кресла его сестры. — Боже, что за мудак.

— Ну, он не самый худший, — сказал Деймон. И. боже, это ли не правда. По крайней мере, Вон старался скрыть свою неприязнь. — Отличное спасение, Ди. Футбол? — он засмеялся. — Мне почти хочется это попробовать.

Доусон поморщился.

— Да, уговаривай Эндрю делать это с тобой. Я отказываюсь.

— Думаете, они когда-нибудь узнают о Аэрумах? — Ди опустила локти на колени.

— Поймут что мы не одно и то же? — страх слышался в ее голосе.

Доусон наклонился, обняв сестру за плечи, и подмигнул.

— Нет, они не такие умницы как мы.

— Это не невежество, — сказал Деймон, поглядывая на окно. — Они слишком гордые чтобы рассмотреть, что они не знают всего о нас. И пока люди верят, что они самые умные и сильные формы жизни на этой планете, так лучше для нас.

* * *

Бетани хотела пнуть себя за то, что согласилась сходить за продуктами как часть ее хозяйственных обязанностей. Мыть посуду вручную было бы лучше, чем искать каждый пункт в листе ее матери, особенно учитывая то, что она не могла произнести из секции органики.

Толкая переполненную тележку к длинной очереди, она задумалась, как прошла встреча Доусона. Струйка беспокойства скользнула по ее венам. Ей была ненавистна идея проверки ДОД, интрузивные вопросы на которые они должны были отвечать, несправедливость того, как за ними наблюдали

Для нее Лаксены не были другими. И она всерьез сомневалась, что большинство людей стали бы их бояться. Лаксены были точно такими же, как они.

После оплаты и ворчания как же много стоила еда, она покатила свой груз к стоянке.

Когда она только приехала, парковка была многолюдна, так что ей пришлось припарковаться далеко сзади. Тяжелые густые деревья толпились за парковкой, и она ждала, когда оттуда выскочит олень и боднет ее, пока она загружала покупки.

— Бетани.

Она резко развернулась, и ее сердце упало неуверенно. Один из близняшек Томпсонов стоял позади нее, так близко, что она почуяла аромат цитрусового лосьона после бритья.

Отступив шаг назад, она стукнулась об бампер.

— Я... я не знала что ты здесь.

Выражение двойника было пустым, когда он склонил голову.

— Мы можем быть очень тихими, когда нам хочется.

Не врет. Потягивая за собой, она притянула багажник вниз, до сих пор не уверенная который стоит перед ней. Обычно она понимала по поведению. Но сейчас... она не имела понятия.

— Ты делаешь покупки? — спросила она, сжимая ключи от машины. Небо уже темнело и так близко к лесу, давало совсем немного света. Она чувствовала себя оторванной.

— На самом деле я не за покупками.

Ее глаза метнулись по парковке.

— Я, правда...

Секунда и он был там, и затем он был прямо у ее лица, склоняясь над ней. И она поняла, кто стоит перед ней.

Эндрю холодно улыбнулся.

— Но у меня есть лист, и ты в нем.

Не шутки, ее сердце скакало. Страх подобрался к горлу, сформировав комок в горле, затрудняя ее дыхание. Но она не отклонилась или не убежала крича. Она догадывалась, чего он хотел. Он хотел напугать ее.

Его улыбка стала шире.

— Ты знаешь моя сестра, и я не можем понять, что в тебе нашел Доусон. Ты маленький глупенький человек, — его рука выскочила так быстро что это было как в тумане, хватая прядь ее волос. — И ты даже не то что бы очень красива.

Ох... это задело больше, чем следовало бы. Слезы обжигали ее глаза, пока она старалась держать ее уровень голоса.

— Полагаю это хорошо, тогда. Отношения между нами никогда бы не получились

Его глаза сузились.

— Это почему же?

— Потому что у меня аллергия на придурков.

Эндрю кашлянул, усмехнулся, пока смотрел в сторону.

— Ты думаешь ты смешная. Хочешь узнать, что смешно?

— Нет, не особо, — она стала поворачиваться, но его руки ударили по багажнику.

Металл скрипнул и помялся. Она была заперта ловушке

— Это забавно, что ты думаешь, что у вас с Доусоном это сработает и продлится. — Он рассмеялся холодно. — И что? Ты знаешь нашу тайну. Поздравляю, вот тебе печенье. Но ты знаешь, хватить одного анонимного звонка ДОД и тогда пока-пока Бет.

Она ахнула.

— Ты бы не...?

Он оттолкнулся от машины и отошел назад.

— Да даже я не настолько козел. Доусон раздражает меня, но я никогда не сделал бы этого с ним. Но если мы знаем, другие тоже узнают со временем, Бетани. И у них едва есть связь с нами, — он покачнулся на каблуках. — Вы ребята продолжайте и одному из вас или обоим будет больно

И в мгновения ока он ушел. Бетани медленно повернулась и увидела пустую парковку. В оцепенении он забралась в машину. Ее телефон ожил, на экране светилось имя Доусона.

— Эй, — прохрипела она

— Ты в порядке?

Ее немедленным порывом было рассказать, что случилось, но, боже он взбесится. Так что она заставила себя притвориться спокойной.

— Как твоя встреча?

Пока Доусон рассказывал ей кратко, она ехала домой, ее руки тряслись всю дорогу

* * *

Было почти восемь, когда Доусон завершил звонок Бетани. Он бродил по спальне в беспокойстве. Что-то было с ней не так. Он спрашивал на грани надоедливости, все ли в порядке, и каждый раз, когда она отвечала да, он чувствовал что-то.

Полчаса спустя его телефон зазвонил. Надеясь, что это Бетани он схватил его с кровати, но нахмурился когда увидел номер абонента.

— Адам?

— Эй, есть минутка?

Он присел.

— Конечно.

Возникла пауза.

— Мужик неприятно говорить тебе это, но Эндрю пришел домой ранее и я услышал, как он говорил с Эш.

Беспокойство возросло в Доусоне.

— О чем?

— Судя по всему, он наткнулся на твою девочку. Я думаю, он наговорил ей что-то отстойное, — вздыхая, сказал Адам. — Я подумал, что стоит тебя предупредить.

Доусон вскочил на ноги, не замечая этого, он боролся с тем, чтобы не принять свою настоящую форму и поджарить телефон. Снова. Настолько злой, что он едва мог говорить, он поблагодарил Адама и набрал Бет. Ушло несколько попыток, чтобы она призналась и, когда он добился, он увидел красный флаг.

Эндрю, по сути, угрожал ей.

Доусон убедил Бетани что все в порядке, но когда он положил трубку, он даже не взял ключи от машины.

Он почти был в обезьяньем бешенстве

Перекидываясь в свою настоящую форму, он вышел из передней двери в лес, беря заднюю дорогу к Томпсонам. Они жили на другой стороне Петербурга, это было около дюжины миль и заняло у него около 30 секунд, чтобы пересечь. Он остановился на мощеной дороге, неслыханная роскошь для домов в такой глуши.

Доусону всегда не нравился дом Томпсонов. Он был посреди глуши, такой же огромный, как проклятый особняк, с теплотой мавзолея.

Адам открыл дверь, съежившись, когда увидел выражение лица Доусона.

— Ээ, это не пахнет дружеским визитом, не так ли?

— Твои надоедливые, боль-в-моем-заду родственнички еще дома?

Адам кивнул и пододвинулся.

— Они в кинозале.

Зная дорогу, он проскользнул мимо Адама и прошел через огромное фойе, в столовую, которую никто в здравом уме бы не

использовал, в логово. Адам шел сразу за ним, не говоря ни слова.

Доусон махнул рукой, открывая дверь в зал. Свет проник в темную комнату, бросая желтоватый свет между креслами. Они смотрели старый эпизод беверли-хиллз 90210. Слово отстой даже не охарактеризовало это.

Эндрю обернулся, хмурясь, когда увидел Доусона.

— Если ты не пришел извиниться за то, что был таким придурком по отношению ко мне, меня не интересует ничего из того, что ты продаешь.

Его сестра провела пилкой для ногтей по своим пальцам.

— Я почему-то сомневаюсь, что это причина, почему он тут, Энди.

— Да, ты права насчет этого, — руки Доусона сжались в кулаки по бокам. — Я хочу, чтобы вы двое прислушались, потому что клянусь, я говорю это в последний раз. Я хочу, чтобы вы оставили Бетани в покое. Не разговаривайте с ней, не приближайтесь к ней, черт возьми, даже не думайте о ней.

Эндрю плавно приподнялся, его голубые глаза стали светиться как бриллианты.

— Или что?

Шея Доусона разгорелась сзади. К черту все. Сбросив свою человеческую форму в мгновение, он кинулся в узкий проход, сбивая Эндрю в его все еще человеческой форме.

За грохотом в ушах он услышал, как Эш удивленно вскрикнула. Сила его действия толкнула их обоих к экрану, и оно порвалось на лице болвана.

Обернув свою руку вокруг глотки Энрю, он встал с пола, таща сопротивляющегося Эндрю за собой. Эндрю сменил форму, но не смог сломать захват Доусона. Доусон поднялся к потолку, прижав его.

— Или что? — Доусон говорил прямо в мыслях Эндрю, высказывая точку зрения. — Если ты снова будешь угрожать Бетани каким-либо образом, я позабочусь о том, что ты никогда больше не заговоришь. Ни с кем. Никогда. Ты понял меня?

— Доусон! — прокричала Эш. — Что ты делаешь? Остановись. Сделай что-нибудь, Адам!

Последовал смех Адама.

— Кто-то должен был поставить Эндрю на место, я всегда думал, это будет Деймон, кто ж знал.

Энергия трещала в руке Доусона. Он был очень близок к тому, чтобы сорваться и пнуть Эндрю в следующую неделю. Вспышка его света заставила Эндрю сжаться.

— Ты понял меня?

Эндрю колебался, но затем кивнул

— Хорошо, потому что это не случится в следующий раз, — и он отпустил Эндрю.

Эндрю ударился об пол кинозала, обращаясь в человеческую форму. Он поднял свою голову к Доусону, посылая ему смертельный взгляд, но на удивление промолчал.

Спускаясь вниз к полу, он повернулся к Эш.

— Это касается и тебя, держись от нее подальше. Еще лучше я бы хотел, чтобы ты держалась подальше и от моего брата.

Ее челюсть отвисла.

— Почему?

— Хочешь знать почему? Он может найти себе кого-то гораздо лучше тебя, — все еще в бешенстве он старался вернуться в человеческую форму, когда у него получилось, его голос был холодный. — Если кто-то из вас хочет обращаться с людьми так будто они недостаточно хороши находиться рядом с нами, то возвращайтесь в долбаную колонию. Вы прекрасно впишетесь туда.

Оборачиваясь от ошеломленной Эш к Адаму он сделал глубокий вздох.

— Прости чувак, ты нормальный

Адам пожал плечами.

— Не переживай, у нас все в порядке.

Доусон кивнул и направился к выходу.

— Я провожу себя к выходу.

Дело в том, что каждый Лаксен боялся пресловутого характера Деймона. Его брат был зажженным фитилем, готовым взорваться в любую секунду, но то, что они не знали, что это еще одна вещь, которую Доусон разделял с Деймоном. Когда терпение подходило к концу и это задевало того, кто дорог ему, он мог быть таким же злым.

После этого Эндрю и Эш отвалили, далеко. И все было... все было просто отлично. Школа почти закончилась и он, и Беттани не могли насытиться друг другом. Деймон сказал, что он стал подкаблучником, но Доусону было все равно. Мысли о ней вызывали улыбку. Быть с ней, это дополняло его так, как он не догадывался, что было возможно. С Бетани он не думал о себе как о чем-то отдельном, от тысяч других вокруг

Он просто был... собой

Ди даже стала зависать с ними, когда он приводил ее к ним домой. Деймон никогда не был там, когда была она, и на самом деле он не потеплел к ней, но когда они сидели за ланчем, он держал себя в руках.

Это убивало его, что Деймон все еще не принял их отношения. И он знал, что это волновало Бетани тоже, потому что она не хотела быть причиной их проблем, но они пытались. Это все на Деймоне. Он примет это, когда ему захочется.

И сейчас он знал, где Деймон. Он с Эш. Они снова вместе. И не смотря на то, что это беспокоило его, он молчал. Вся эта ситуация, как бросать камни в стеклянном доме, отстой

Раздался стук в его переднюю дверь. Улыбаясь, Доусон спустил ноги с дивана и пошел открывать.

Бетани стояла там, ее волосы были уложены в высокий хвостик. Его взгляд скользил по ней, и, черт у него были причины больше любить теплую погоду. Она была одета в шорты, открывающие ее ноги и толстовку поверх майки.

Она вытянула одну ногу.

— Это мои единственные кроссовки, думаешь, они сойдут?

Ни слова не говоря, он обнял ее за талию и легко поднял ее.

— Там ты будешь выглядеть в этом отлично.

Она рассмеялась.

— Доусон...

Опуская ее медленно он ухмыльнулся, и ее щеки покраснели. Ее глаза цвета виски нагрели секунды, прежде чем он поцеловал ее. Когда он опустил ее на ее ноги, она слегка покачнулась

— Мне нравятся такие приветствия, — сказала она, касаясь своих губ.

Его глаза следили за ее движениями по этим розовым губкам. На мизинце было немного зеленой краски, заметив это, его сердце раздулось. Пока он обернул свою руку с той, что она водила по рту, он понял, что он без ума от нее. Потянув ее в гостиную, он продолжал идти, пока его ноги не натолкнулись на диван, и он сел. Бетани забралась на его колени и обернула руки вокруг его шеи.

Доусон перестал дышать, запрокинув голову, и она опустила свои губы к его губам.

Поцелуй был глубоким и обжигающим, бесконечным. Не разрывая контакта, она расстегнула свою толстовку, и он скинул ее с ее плеч. Пробегая пальцами по ее голой коже, он улыбнулся в ее губы, когда она задрожала.

Он чувствовал, как клетки в его теле стремятся измениться, когда он просунул свои пальцы под ее футболку, поднимаясь вверх, пока она не стала издавать мягкие тихие звуки. Жажда ощущений горела в нем, сжигая все остальное. Когда она стала двигаться к нему, его руки упали на ее бедра, его пальцы углублялись в джинсу ее шорт.

Слава богу, никого не было дома, они бы получили то еще зрелище.

И это выдернуло его из тумана. Он сжал ее щеки, его большой палец поглаживал ее скулу.

— Мы... мы должны остановиться... или я не смогу.

На секунду показалось, что Бетани не поняла, затем ее лицо стало вишнево-красным

— О...

— Да, — пробормотал он, опуская глаза на ее опухшие губы. Боже, она была настолько красивой для него — идеальной.

Бетани вздрогнула.

— Мы можем не останавливаться. Я... я готова.

Он почти потерял контроль. Образы, вызванные ее словами, испытали его самоконтроль. Больше всего на свете, желая поднять ее наверх, и показать ей насколько она забралась в его душу, он хотел, чтобы их первый раз был особенным. Ужин, кино и, может быть, цветы и свечи, а, не делая это на его диване или, на не заправленной кровати в грязной комнате, где повсюду валялись носки и бог знает что еще

— Позже, — пообещал он, имея это в виду

Она прижалась к нему, положив щеку на плечо.

— Скоро?

— Очень скоро.

Несколько минут спустя она сказала.

— Ну, возвращаясь к обуви, они сгодятся?

— Они идеальны для того места куда я тебя беру, — они шли в поход, опять. Два выходных назад он взял ее гулять по маршруту, но сегодня он хотел ей показать одно из его любимых смотровых мест. Они должны были пойти в прошлые выходные, но дождь шел в течение нескольких дней, превращая все в грязь.

Бетани слезла с него. Пора было идти, пока его хорошие намерения не вылетели из окна. Он взял две бутылки воды из холодильника, и они направились к его машине.

Они проехали около мили вниз по дороге, поворачивая на малоизвестный путь к Скалам Сенеки. Парк Рейнджеры избегали этот пути, главным образом, потому что это вело к колонии далеко в лесу окружённой Скалами. Туристам вход воспрещен. Предупреждающие знаки против нарушения границы были везде.

Припарковавшись в двух милях от входа, они шагали минут сорок. Бетани смеялась и болтала всю дорогу. Пару раз они остановились, чтобы она могла сделать фотографию, чтобы нарисовать это позже.

Когда они достигли подножья гор, Бетани с трудом сглотнула. Наклон вверх по склону к небольшому выступу с красивым видом был для новичков, никакого оборудования не требовалось, поэтому Доусон не волновался.

— Ты уверен, что я смогу забраться без того, чтобы убить себя? — спросила она, прикрывая глаза рукой.

— С тобой все будет отлично, — он наклонился, чмокнув ее в щеку. — Это не тяжело, на самом деле, я не позволю ничему случиться с тобой. Обещаю.

Она улыбнулась, и провела следующие 10 минут, щелкая фотографии блестящих камней. Затем они начали подниматься по каменистому холму, купающемуся в лучах солнца, двигаясь медленно, чтобы Бетани прочувствовала местность. Галька и куски грязи падали под ними пока они забирались на вершину.

— Это не так плохо, — сказала она и остановилась, чтобы глянуть вниз. Ух, хорошо. Напомни мне не смотреть вниз.

Он повернулся. Спина Бет была напряжена.

— Ты в порядке? — она кивнула.

Вернувшись к ней, он скатился, немного поместив свою руку на ее плече. С бледным лицом она схватила его руку.

— Ты уверена? — взволнованно спросил он.

— Да, я просто не думаю, что когда-нибудь была так высоко.

Доусон улыбнулся.

— Мы не так уж и высоко, Бетани.

В ее горле запершило.

— Мне так не кажется.

Боялась ли она высоты? Ох, черт, если это так, все это было плохой идеей.

— Мы можем спуститься вниз, если ты хочешь.

— Нет, — она потрясла головой, посылая ему неуверенную улыбку, пока отцепила свои пальцы от его руки. — Я хочу сделать это с тобой. Просто... просто давай помедленнее, ладно?

Часть его хотела подобрать ее и спуститься вниз к лугу, но она настояла, и он доверял ей, что она скажет, если больше не сможет.

Двадцать минут спустя он поднялся на уступ и опустил голову вниз.

— Давай руку, я втяну тебя наверх.

Глаза сузились в решительности, она разместила свою руку в его руке.

Тепло растянулась в его груди в ответ на ее доверие. Таща ее вверх, он держал ее пока, она не готова была встать. И когда она встала, он заметил, что ее ноги немного трясутся, пока она поворачивалась

Бетани схватилась за камеру, весящую на ее шее.

— Как красиво.

Он поднялся на ноги, уперев руки на бедрах, пока рассматривал все это. Небо было того самого редкого голубого цвета, облака были пушистыми, как будто нарисованными. Верхушки старых вязов возвышались, скрывая землю внизу

— Да, — сказал он медленно. — Это потрясающе. Другой мир здесь, наверху.

Она глянула через плечо на него.

— Было бы так круто иметь возможность рисовать сидя здесь.

— Мы можем это сделать. Бетани рассмеялась.

— Я сомневаюсь, что смогу доставить свои вещи сюда.

— Ты — маловерно, — поддразнил он ее. — Я могу поднять твои принадлежности сюда и сделать это за 3 секунды.

Она ухмыльнулась.

— Это так странно. Иногда я просто забываю... кто ты такой.

Большинство людей не знали бы как это принять, но он понял это так, как это было. И поэтому он... поэтому он любил ее.

Смотря в сторону, он держал свой рот на замке. Слова были в его груди неделями, может месяцами, требуя быть произнесенными, но каждый раз, когда он пытался их сказать, его рот запирался. Бетани не говорила этих слов также, и если она не чувствовала также, он боялся отпугнуть ее.

Уголком своего глаза он заметил, как она аккуратно подкрадывается к краю.

— Осторожнее, — сказал он.

— Я всегда осторожна.

Доусон развернулся и перешел на другую сторону скалы. Оттуда, где он стоял было почти наравне с тем местом, где была колония. Он вздохнул, закрывая глаза. Ни он, ни Деймон не слышали о них с начала года. Скоро, он понимал, скоро он должен столкнуться с ними, и они захотят говорить о спаривании. Что он скажет? Он не мог даже думать о том, чтобы быть с кем-то еще. Но и не мог сказать им о Бетани. Он не смог бы ничего им сказать и это перешло бы...

Острое чувство страха пронзило его, заставляя открыть глаза. Он посмотрел вниз под ноги. Кристаллы в отложениях мерцали. Поверхность блестела после недавнего дождя.

Вздох прошел через него, едва слышный, но громкий как молния. Крик, что пришел сразу после, заморозил его тело.

Не было даже секунды — время, казалось, остановилось. Сердце колотилось в груди, пока он разворачивался, хватая затуманенные падающие руки Бет.

Будто свинец опустился в животе, но он прыгнул вперед, выскальзывая из его формы и не думая об этом. Он был быстр, но все, что требовалось это секунда, секунда для гравитации сделать ее дело. Достичь и затянуть Бетани вниз в ничто.

Но это было хуже, чем просто пустой воздух, потому что тогда он бы успел поймать ее.

Он пошел к краю слепо, зная, что со стороны, где она соскользнула, были неровности, которые сломали бы кости.

И один уступ 10 футов длиной и 6 футов шириной остановил ее падение около тридцати футов вниз.

Доусон не думал.

Две секунды прошли. Две долбанные секунды, чтобы скинуть свою человеческую форму и дотянуться до ее тела, которое лежало под странным углом, одна нога под другой и рука безвольно весела за уступом

Бетани не двигалась

Что-то красное сочилось с левой стороны от ее головы. Не кровь, это не могла быть кровь. Чтобы это не было, потому что это не могло быть тем что это было — текло из ее ушей. Камера пропала, вероятно, упав еще дальше.

Он не мог думать.

Часть его мозга, человеческая часть, отключилась. Достигнув Бет, он прижал ее к своей груди, поглощая ее своим бело-синим цветом

Бетани. Бетани. Бетани. Ее имя на повторе. Он облокотился на гладкую скалу, и кричал и кричал. Весь его мир пошатнулся. Открой глаза. Пожалуйста, открой глаза.

Она не двигалась.

Она не могла двигаться. Часть его понимала, что человек не мог выжить после такого падения, но не Бет... не его Бетани

Это... не могло происходить

Его свет вспыхивал вокруг них до тех пор, пока он больше не мог видеть ее лицо, а только контур.

Он обещал, что не позволит ничему случиться с ней. Он обернулся на секунду — чертова секунда. Это его вина. Ему не следовало приводить ее сюда после того, как столько дождя впиталось в землю, покрывая низ ее кроссовок. Ему не следовало подниматься выше после того, как он увидел, насколько она нервничала и как тряслись ее ноги.

Он должен был остановить это — спасти ее. Какую, черт возьми, силу он имел, если не может ее спасти.

Доусон кричал снова, звук горя и гнева. Но Бетани не могла его слышать. Никто не мог его слышать. Что-то мокрое было на его щеках. Слезы, наверное. Он не был уверен. Он не мог видеть сквозь пульсирующий свет.

Он разместил свою голову рядом с ее головой, его рот в дюймах от ее раскрытых губ. Его тело трясло. Он вдыхал и выдыхал и мир, кажется, снова остановился.

Проснись. Проснись. Пожалуйста, проснись.

Незнакомый инстинкт толкнул его вперед, шепот поколений до него. Картинка появилась в его голове, Бетани снаружи и внутри в свете — его свете. Он сочился из ее тела, часть его присоединялась к ее коже, мускулам, костям. Он наполнял ее кровь, оборачивая себя вокруг нее на клеточном уровне, чинил и ремонтировал и лечил порванную кожу и мускулы, сшивая раздробленные кости. Это продолжалось и продолжалось секунды в минуты, минуты в часы. А может не прошло и минуты. Доусон не знал. Но он не дышал, не терял изображение.

Проснись. Проснись. Пожалуйста. Проснись.

По началу, он не был уверен, что происходит. Он думал, что почувствовал ее движение в его руках. Потом, он подумал, что услышал вздох. Слабый вздох.

Проснись. Проснись. Пожалуйста, проснись.

Он трясся и его свет пульсировал хаотично.

— Доусон?

Звук ее голоса — о ее сладкий голос — сломал его мир в третий раз. Его глаза открылись, но он все еще не мог видеть ее в своем свете.

— Бетани? Ты? — он не мог сказать слова, не мог поверить, что как-то она жива в его руках. И как она могла? Вместе с тем, что потерял ее, он потерял свой рассудок. Волна свежей боли пронеслась по нему. — Бетани, я люблю тебя, я жалею, что не говорил этого тебе раньше. Я люблю тебя. Я хотел сказать тебе, что люблю тебя, но я не мог. Прости.

— Я тоже люблю тебя.

Эти слова шепотом не были сказаны вслух. Они были внутри

него, отражаясь через его тело и часть его, которая сложилась нечто человеческое — душу.

Он втянул свой свет в себя. Он не мог поверить тому, что видел.

Бетани посмотрела на него, в ее теплых карих глазах сияли слезы. Ее лицо все еще было бледным, но цвет проникал к щекам. Было несколько подтеков крови вокруг ушей и на углу ее рта, но она смотрела на него.

— Беттани? — прохрипел он.

Она кивнула и прошептала.

— Да.

Руки дрожали, он прикоснулся к ее лицу, и когда она закрыла глаза, он испугался.

— Бетани.

Ее глаза тут же открылись.

— Я здесь, я в порядке.

Этого не могло быть, но она была жива и дышала в его руках. Он пробежался пальцами по ее щекам, убирая волосы с запекшейся кровью. Его грудь вздымалась.

— О боже, я думал... я думал, что потерял тебя.

— Я думаю, ты мог бы, — она судорожно усмехнулась. — Я так сожалею. Мне следовало бы быть внимательнее.

— Нет, не извиняйся. Это не твоя вина, — он поцеловал ее в лоб, потом щеку и кончик ее носа. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Устала и немного кружится голова, но я чувствую себя отлично.

Он был вымотан. Как если бы сражался с сотней Аэрумов за раз. Прижимаясь своим лбом к ее лбу, вдыхая ее чистый аромат. Он не мог закрыть глаза, боялся, что она исчезнет.

Бетани дрожала.

— Что ты сделал, Доусон?

— Я не знаю. Я, правда, не знаю.

Она отпустила его руку и прислонила ее к его щеке.

— Чтобы ты не сделал, это спасло... спасло меня.

Бетани жива. Она была здесь в его руках, прикасаясь к нему. Его щеки были мокрыми, опять, но его это не волновало. Ничего на свете не волновало кроме девушки, которую прижимал к себе.

* * *

Бетани оставалась в его руках и на той проклятой скале, казалось, часами, и она не хотела, когда-нибудь оставить его объятия. Ей было тепло в его руках. Но они должны были идти. Она встала, удивляясь, что она могла. Не было никаких сомнений в том, что как минимум, одна из ее ног была сломана. И судя по количеству крови на ее голове, она была уверена, что ее череп треснул как яйцо.

Она поставила на паузу эти мысли

Прямо сейчас, она не могла даже начать думать о том, что произошло.

Доусон выглядел утомленным, пока поднимался, но он поднял ее с ног, держа у своей груди. Был только один путь, спустится назад.

— Держись и закрой глаза, — сказал он.

Бетани сделала как велено и почувствовала перемены в нем. Его тело гудело, и она могла видеть яркий свет сквозь ее веки. Ветер бросился ей в лицо, сдувая волосы назад.

Секунды спустя его губы коснулись ее лба. Когда она поняла что он идет, она завертелась в его руках. Он был явно слаб сейчас, и не должен нести ее.

— Ты в порядке?

— Да, — сказала она, смотря на него. Синяки уже появились под его глазами. То, что он сделал, измотало его. — Но я могу ходить.

— Я предпочитаю тебя нести.

Она улыбнулась.

— Я не собираюсь падать снова, я обещаю

Доусон не находил эту шутку смешной, но не то что бы она могла обвинить его.

Дорога назад в дом была быстрой и тихой. Когда он выключил зажигание перед домом, он повернулся к ней.

— Бетани...

В мгновение она вспомнила все, что слышала. Как он говорил, что любит ее снова и снова. Комок образовался в ее горле, и жгло глаза.

— Спасибо, — прошептала она хрипло. — За то, что ты сделал. Спасибо, и я люблю тебя.

Доусон отклонился на свое сидение, слабо улыбаясь.

— Я хотел...

— Я знаю, я слышала тебя. И это все, что имеет значение

Он поцеловал ее нежно, как если бы боялся сделать больно.

— Я собираюсь отвезти тебя и твою машину домой, и потом вернутся к себе.

— Я, правда, в порядке, — она бросила взгляд вниз на себя. Ее шорты были порваны и толстовка вся в крови. Она была в беспорядке. Слава богу, ее родители взяли Филлипа на шоу в кукольном театре в Камберленд, а ее дядя, скорее всего, будет в кровати, когда она вернется.

Снаружи машины, он притянул ее в яростные объятия и ей не хотелось, чтобы они закончились. Он откинул ее волосы и целовал, пока она не подумала, что вскоре перестанет дышать снова

— Ты светишься, — пробормотал он в ее висок.

— Насколько сильно?

— Ярко, но красиво, — пауза пока он целовал ее лоб. — Сильнее, чем я когда-либо видел. Я буду чувствовать себя лучше, отвезя тебя, домой и, просмотрев округу, хорошо?

О нет, ее сердце упало. Весь фундамент, что они построили с другими, будет потерян.

— Твои друзья и семья...

— Я позабочусь об этом. Не волнуйся

Было сложно не волноваться, но прямо сейчас ее голова была переполнена всем остальным. Когда в ее машине, он сел за руль и

улыбнулся, он выглядел таким усталым, его волосы в полном черном кудрявом беспорядке и его футболка вся в ее... ее крови. Она сглотнула, заставляя себя смотреть вперед.

На крыльце стоял Деймон. И по жесткому выражению его лица, не оставляли сомнений в том что он видел их... и видел ее след.

* * *

Дом Бетани был темным и тихим, когда она вошла. Все, о чем она мечтала это принять душ, смыть всю кровь и грязь, и проспать целый год. Доусон собирался вернуться, и она собиралась украдкой впустить его внутрь. Это впервые для нее, но она знала, что он правда нуждается в том, чтобы быть рядом с ней. Доусон был напуган, все еще не уверенный в произошедшем.

Как и она.

На кухне она схватила бутылку воды и осушила ее в один глоток. Воспоминание о падении преследовало ее, пока она выбрасывала пластик в ведро. Она упала и после... ох, боже... боль была очень сильной, но быстрой. Финал

А потом не было ничего.

Бетани не знала, сколько продлилось это ничего, но следующее, что она услышала это Доусон, умоляющий ее проснуться и, что он любит ее. Сначала она была в замешательстве. Она что, уснула? Но тут это поразило ее.

И она еще не оправилась от этого.

Неужели она была без сознания? Если кровь была каким-нибудь признаком, она была серьезно ранена. Главный вопрос — она только стучала в двери смерти или же она умерла?

Бетани вздрогнула.

Каким-то образом Доусон вылечил ее — исправил все, что было повреждено при падении. То, что он сделал, было впечатляющие и за пределами понимания. И их сердца — они били в идеальной синхронизации. Она не знала, откуда это. Это, должно быть, какой-то странный побочный эффект его действий. Весьма странно, но ничего такого, что испугало бы ее. Как оно могло?

Доусон любит ее

И такая любовь... была удивительной

Все еще мучаясь от жажды, она схватила еще одну бутылку и направилась к лестнице, без предупреждения загорелся свет на кухне.

Дядя Уилл стоял на пороге и моргал от яркого света.

— Бетани, что... ой, боженьки ты в порядке?

— Да, я в порядке.

Он бросился к ней так быстро, как мог. За последние пару недель, ему стало лучше, он стал сильнее. Коричневые волосы вперемешку с серыми покрывали его голову. Скоро он сможет снова жить в своем доме.

— О, мой бог, Бет, ты вся в крови, — он положил трясущуюся руку на плечо, осматривая ее, как любой доктор бы сделал на предмет заметных повреждений. — Что, черт возьми, случилось?

Думай быстро, Бет, быстро.

— Доусон и я пошли в поход, и он порезался об острый камень. Крови было много.

Глаза Уилла расширились.

— Он истек кровью на тебя?

— Ага, типа того, но с ним все в порядке, — она обошла его, ее сердце колотилось.

— Все в порядке, абсолютно не о чем волноваться.

— Бет...

— Я, однако, весьма утомилась, — боже, ей необходимо сбежать и привести себя в порядок. — Увидимся утром.

Не дожидаясь ответа, она метнулась вверх по лестнице и закрыла за собой дверь.

Черт, ее дядя, скорее всего, расскажет родителям, и они перевозбудятся. Но у нее не было никаких видимых травм. Может, ей удастся убедить их, что все не так плохо как показалось дяде Уиллу.

Не возможно, а точно.

Тайна Доусона зависела от убеждения семьи Бетани, что все в

порядке.

Доусон был так обессилен, что едва мог стоять. Он шлепнулся за кухонный стол и положил голову на руку. Устойчивая пульсация заняла место в его голове между висков.

Ему необходимо помыться и отправить свою задницу к Бетани. Он хотел держать ее, убеждая себя, что она вполне себе жива.

Но вначале ему предстояла весомая трепка.

Деймон глянул на него с другого конца стола.

— Что, черт возьми, произошло? И даже не думай сказать, что ничего. Она светится как долбанное солнце.

Что он мог сказать? Он был без понятия. Нет никакого шанса, что он смог объяснить, что сделал, и пока он не поймет это получше, он не собирался никому говорить. Даже Ди.

— Я все еще жду, — сказал Деймон

Доусн приоткрыл один глаз.

— Я показушничал, дурачился. Я не думал.

Рот его брата широко раскрылся. Недоверие читалось на его лице.

— Ты, наверное, самый...

— Глупый паренек в округе, знаю

— Это не объясняет того, что вы оба выглядели так, будто сиганули с горы.

Доусон вздрогнул.

— Бетани упала...и ободрала руки. Выглядит страшнее, чем есть.

Взгляд Деймона обследовал его.

— Не сомневаюсь.

Доусон вздохнул.

— Мне жаль.

— Сожаление, — прорычал Деймон, — извинения ничего из этого не исправят, братец. Этот Аэрум... он все еще где-то тут. И тут ты идешь и поджигаешь задницу своей девчонке, как на 4 долбанное июля. Снова. Ты собираешься нарваться на ее смерть.

Черт, это жалило как сучка.

— Этот Аэрум, реально где-то тут, Деймон? — он приподнял голову устало. — Мы не видели его и любого другого Аэрума месяцами. Он ушел.

— Мы не знаем этого.

Правда, но он слишком устал для спора.

— Я буду держать ее подальше отсюда, пока след не померкнет, — если, конечно, он померкнет, потому что он не был уверен в этом. — Я позабочусь об этом.

Гнев поглотил Деймона.

— Ты знаешь, я был не в себе, позволив тебе баловаться с этой человеческой девчонкой, надеясь, что ты придешь в себя, черт возьми, но очевидно я должен был вмешаться раньше.

— Я не дурачусь с ней, — Доусон выпрямился встречаясь с взглядом его взбешенного брата. — Я люблю ее. И я не брошу ее, потому что ты не одобряешь. Пойми это.

— Доусон..

— Нет. Ты не понимаешь. Моя жизнь не твоя... она не принадлежит Лаксенам и не принадлежит ДОД, — ярость наплатала его энергией. — И, бросая ее, я бросаю кусок себя. Ты этого хочешь?

Деймон ударил кулаками по столу.

— Доусон, я...

— Она делает меня счастливым. И не должно ли это делать тебя счастливым? За меня? И без нее... да, нет необходимости завершать эту мысль.

Деймон посмотрел в сторону, сжав губы.

— Конечно, я хочу видеть тебя счастливым. Я хочу этого больше всего на свете для тебя и для Ди, но братец, она человеческая девчонка.

— Она знает о нас правду.

— Хотел бы я, чтобы ты прекратил это повторять

— Почему? — Доусон зачесал волосы своим пальцами. — Я могу прекратить говорить это, но это ничего не меняет.

Сухой, горький смех раздался от его брата. А затем раздалось кое что, что рифмуется с отстой и окончанием как у слова утка.

— И что произойдет, когда вы расстанетесь?

— Мы не собираемся расставаться.

— О, боже Доусон, вам обоим по 16,ну.

Доусон взлетел на ноги.

— Ты не понимаешь. Знаешь, что это не имеет значения. Я люблю ее и это не изменится. Или ты поддерживаешь меня, как и должен брат, или ты можешь держаться от меня подальше к чертовой матери.

Деймон поднял голову, его глаза были широко открыты и зрачки белые. Шок стер цвет с его лица, Доусон никогда раньше не видел такого выражения лица у брата. Как будто Доусон воткнул нож глубоко в спину брата.

— Значит, это будет так? — спросил Деймон.

Доусон ненавидел свои следующие слова, но он должен был их сказать.

— Да, это будет так.

Встав, Демон задвинул стул и подошел к окну. Несколько мгновений прошло в тишине, и затем он грубо рассмеялся.

— Боже, я надеюсь, я никогда не влюблюсь.

Немного удивленный этим заявлением, Доусон смотрел на близнеца.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да, черт возьми, — ответил Деймон. — Посмотри, в какого глупца ты превратился.

Несмотря ни на что, Доусон улыбнулся.

— Я знаю, что это было оскорбление, но я приму это как

комплимент.

— Принимай, — Деймон повернулся к нему и прислонился к кухонному гарнитуру. — Мне не нравится это. Мне никогда не нравилось это но... но ты прав. Ты был прав.

Ад только что замерз.

Маленькая кривая усмешка появилась на лице Деймона.

— Я не могу говорить тебе, с кем тебе встречаться. Черт, никто не может говорить никому из нас кого любить.

Парень, перестал дышать.

— Что такое ты говоришь?

— Не то, что бы тебе нужно мое разрешение, потому что ты делаешь, что тебе хочется, но я поддерживаю тебя, — он потер глаза — И тебе пригодится моя поддержка, когда остальные увидят насколько она яркая.

Оторопев от слов Деймона, Доусон пересек комнату и сделал то, чего не делал уже давно, обнял его. — Спасибо Деймон, и я подразумеваю это, спасибо.

— Ты мой брат, единственный, что у меня есть. Так что я застрял с тобой, — он обнял Доусона тоже. — Я правда желаю тебе счастья, и если Бетани делает тебя счастливым, то так тому и быть. Я не собираюсь терять тебя из-за девчонки.

* * *

Три дня спустя след Бетани был таким же ярким, как и на скале. И у них было столько же ответов, сколько было тогда. Большое толстое ничего. Они ходили вокруг да около, пытаясь понять, что случилось. Исключая возможность сказать Деймону или Метью, Доусон не знал, найдут ли они ответ. Не знание и постоянное обсуждение этого сводило их обоих с ума.

Поэтому сегодня, они делали что-то нормальное. Шли в кино как любая другая нормальная пара подростков. Они даже собирались ужинать. И дома, сидя на своем комодe со свежим букетом роз, которым он планировал удивить ее. Может, еще парой свечей.

Но Бетани только поковыряла свой ужин.

Он взглянул на нее, пока выкруливал на стоянку. Ее щеки покраснелись, глаза блестели, когда она открывала их. Но сейчас они были закрыты, пока она отдыхала на сидении.

— Эй, — сказал он, поглаживая ее ногу. — С тобой все нормально?

Ее ресницы затрепетали.

— Да, просто устала.

Доусон припарковал машину и повернулся к ней.

— Мы можем закончить, если хочешь.

— Нет, я готова идти, — она потянулась к нему, кладя руку ему на щеку.

Он смотрел на нее и слова вырвались, прежде чем он смог их остановить.

— Я не могу поверить, насколько мне повезло. Ты была такая понимающая во всем. Я почти не могу в это поверить.

— Я люблю тебя, Доусон. Люблю таким, какой ты есть, и кто ты есть. И я не думаю, что любовь знает разницу, это просто так. И мы не такие уж разные.

Черт если он не начнет чувствовать жжение в глазах. Если он начнет плакать, он пнет себя, но ему никогда не надоест слушать эти три слова, через их связь или вслух.

— У нас разные ДНК. И мне даже не нужно дышать, если я не заставляю себя, Беттани. Я пришелец — точно Инопланетянин здесь. Это, безусловно, различие, — но он все равно поместил свою руку поверх ее.

Слабая улыбка появилась на ее губах. Все ее улыбки были прекрасны.

— И? Это не меняет того факта, что я люблю тебя. И я знаю, это не меняет того, что ты любишь меня.

— Ты права.

— И, да, мы разные на первый взгляд, — Бетани наклонилась поцеловать его. Его пальцы переплелись с ее пальцами крепко. — Но

мы одинаковые. Мы смеемся над одними и теми же шутками. Никто из нас не имеет понятия, чем мы собираемся заниматься после школы. Мы оба считаем Хью Лори гением, не смотря на то, что не любим телик. И мы оба смотрели Грязные Танцы как минимум 13 раз, хотя ты и не признаешься в этом, — она подмигнула.

Он потянул ее руку с его щеки, прижимаясь губами к ее ладони.

— И мы вместе провалим физ-ру.

Она захихикала, потому что это была правда.

— И мы любим все сладкое.

— И глупые прозвища, которые никто вокруг не понимает.

Кивая, она разместила другую руку на его груди.

— И наши сердца бьются одинаково, не правда ли?

И боже это правда. Будто две половинки разделенные, но каким-то образом снова соединенные. Он наклонил голову, пробегая губами по ее. Он был в восторге от нее... нет, трепетал от нее. Она была его. Он был ее.

Доусон нашел ее губы, ощущая, как сердце ускоряется и бьется, совпадая с ритмом

Бетани. Он задрожал, когда приятные мурашки распустились на его коже.

— Я люблю тебя.

Бетани улыбнулась в его губах.

— Повторение. Мы пропустим фильм.

Он предпочел бы остаться в машине и узнать насколько они могли сделать стекла запотевшими, но он кивнул и открыл дверь. Сладкий, острый весенний воздух поглотил его. Лето было не далеко. Забавно. Три месяца изменили его жизнь.

Направляясь к ее стороне, он обернул руки вокруг ее плечей, ведя ее через парковку.

Она ухмыльнулась ему.

— Знаешь, все так идеально.

Проклятье, если бы не было так. Он притянул ее ближе и...

Холодный ветерок полз по его спине, раздражая его нервные окончания.

Ощущение было знакомым. Аэрум.

Поворачиваясь, он обернул руку вокруг талии Бет, и притянул к себе.

— Когда я скажу "беги", беги.

— Что? — она вертелась в его руках и затем успокоилась. — Это они, не так ли? О, мой Бог...

Они были на пороге защиты бета-кварца, но ее след определенно был виден любому Аэруму. Его глаза сканировали темное небо и затем перешли на окружающий лес. Все вокруг было в тених.

Он хотел послать ее в здание кинотеатра, но это потребовало бы разделения, а он не отходил от нее нигде.

— Мы пойдем обратно к машине, — сказал он быстро, — И потом...

Тени объединились перед ними, обретая контуры и форму.

Не говоря ни слова, он подхватил Бетани вверх и направился в гущу деревьев.

Часть его надеялась, что он не делал огромную ошибку, но они никогда не смогут пересечь парковку. И он должен был быть там, где он мог защищать и следить за ней.

Углубляясь в лес, он мог поклясться, что слышал ее голос в своей голове, произносящий его имя, но это невозможно. Это происходило, когда он лечил ее, но в человеческой форме, этого не могло быть. Но он должен был это учесть.

Как только они оказались достаточно далеко в лесу, он опустил ее, ее глаза были расширенны и испуганны, когда она шагнула назад.

— Все будет...

Аэрум спустился с неба, скользя сквозь ветви, как темное, бурное облако. Схватив Бетани за плечи, он толкнул ее на землю, а затем перешел в его истинную форму.

Ее испуганный вздох побудил Доусона вперед. Он умрет, прежде чем позволит чему-либо случиться с ней.

Он вскочил в воздух, врезаясь в Аэрума. Грозовой удар волной воздействовал на деревья, и они прорывались сквозь покрытые листвой ветки. Несколько ярдов позже, их занесло по земле, траве и грязи напрямиком в воздух оставив ров позади себя.

Темный смех Арума скользил сквозь Доусона.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Я не убью тебя сейчас. Я оставлю тебя в живых чтооообы ты мог наблюдать, как жизнь вытечет из твоего человека.

Ярость колотилось в нем, и он встал, чувствуя энергетическое потрескивание вдоль его рук. Собрав всю энергию в плотный шар гнева, пока он ничуть ли не лопался тугой от давления, и выпустил его, и поток голубовато-белого света врезался середину Аэрума.

С ревом, Аэрум встал на дыбы и расширился, подбросив Доусона в воздухе, как будто он ребенок.

— Если ты сдашься, это будет ммменеее болезненным.

Плечо Доусона врезалось в землю. Он перевернулся на спину и выскочил в своей человеческой форме до того, как Аэрум дотянулся до него. Выскальзывая из его объятий, он избегал густых щупальцев пронзающих его.

Черт, он был осушен однажды, и он не собирался проходить через это снова.

Аэрум сместился в свою человеческую форму, выпуская серии взрывов, коих Доусон еле избегал, когда он мчался к ублюдку. Сила, которой Аэрум владел, в руках оставляла кратеры в земле, уничтожая древние дубы с которыми сила вступила в контакт.

Он не слышал, чтобы Бетани издавала какие-либо звуки так долго, что он подумал, что что-то случилось с ней, что заставило его пошатнуться. Он отвел взгляд от Аэрума в поисках ее. И это быстрое отвлечение стоило ему. Выпуская еще одну холодную усмешку, Аэрум выбросил ладонь.

И в этот самый момент, Доусон перекинулся в свою настоящую оболочку. Темная материя ударила его в грудь, и он проглотил это так как смог. Удар все еще сбил его с ног, но мог бы убить его человеческий облик. За раскаленной, режущей болью и шумом в ушах, он услышал испуганный крик Бетани.

Мгновение спустя, он вскочил на ноги и погнался за Аэрумом. Аэрум был не более чем тень, но он направлялся прямо к Бет. Прямо будто все его кошмары стали реальностью. Ужас более сильный, чем когда он увидел, как она оступилась со скалы.

Все что он мог видеть это бледное лицо Бет, и ее испуганные глаза. Это стало его целым миром. Часть его, видимо та, что содержала всю его человечность, отключилась.

Его зрение обострилось, и цель вела его. Бет была в опасности.

И этот Аэрум скоро умрет.

Переворачиваясь в его настоящую сущность, он накинута на Арума, атакуя его сзади. Он услышал вздох, но перевернул Аэрума на спину. Воздух вокруг него заискрился. Потянувшись вниз, он достал лезвие обсидиана, закрепленное у голени.

Аэрум боролся под ним, но Доусон, зажал руку на горле сукиного сына и удерживал его там. Не говоря ни слова, он погрузил клинок глубоко в середину Аэрума.

Вспышка золотого цвета и вот Аэрум разорванный на куски завис в воздухе как не полностью собранный пазл, и затем просто выдохся.

Доусон встал и покачнулся вправо. Боль охватила ногу. Он посмотрел вниз и заметил, что казалось не так. Как будто его левая нога была повернута не в ту сторону, с наклоном под странным углом. Сломанный. Поместив обсидиан в задний карман, он вздохнул и перекинулся в Лаксен оболочку, чтобы он мог исцелиться. Это займет пару минут, чтобы возместить ущерб, но, по крайней мере, он не будет чувствовать это сейчас.

И вообще, у него были более важные вещи, о которых стоило волноваться...

Он повернулся к Бет

Она стояла под одним из опаленных деревьев, с руками, обернутыми вокруг ее талии. Мурашки побежали по ее телу. И он ненавидел, что ей пришлось увидеть как он убивает

— Бетани?

Ее голова склонилась набок и она моргнула.

— Ты... ты в порядке?

Слышать ее голос в его мыслях снова, было неожиданным ощущением.

Возвращаясь к ней, он опустил на колени и обхватил ее щеки. Его свет окутал ее, он прижался губами к ее губам. Через их связь он слышал как она снова и снова повторяет его имя.

— Доусон, Доусон. Доусон.

— Все хорошо, все кончено, — он перекинулся обратно в человека, притягивая ее к груди, прижимаясь щекой к ее щеке. Их сердца бились в унисон. — Я никогда не позволю чтобы с тобой что-то случилось. Обещаю. Со мной ты в безопасности.

Пальцы Бетани зарылись в его рубашку, и она дрожала.

— Я знаю. Я люблю тебя.

Он никогда не устанет слышать эти три слова, через их связь или вслух.

— Доусон? — дрожь прокатилась через ее тело. Стон звучал приглушенно ему в шею. — Я не чувствую... Я не чувствую себя хорошо.

Он выпустил ее, отступая.

— Бет.

Она не поскользнулась, но казалось, что ее ноги давили на нее. Он потянулся к ней, но она упала на землю, лицо было бледным, когда она подтянула его поверх своих колен.

Ее кожа выглядела влажной и липкой.

Страх охватил его, пока он подходил к ней. Она была ранена? Аэрум не достал ее, он был уверен.

— Бетани, что не так?

Дрожь прокатилась через ее тело.

— Доусон...

Опустившись на колени рядом с ней, он схватил ее за плечи. Ее стон заставил его сердце скакать. Его взгляд метался быстро.

— Малышка, поговори со мной. Что происходит?

— Мне не хорошо, — сказала она слабым голосом, и затем он услышал четко в своей голове, — мне кажется, я горю.

Положив свои руки на ее щеки, он обнаружил, что ее кожа было горячей. Обжигающе горячей. Ее веки тяжелели, скрывая ее глаза.

— Бетани, скажи мне, что происходит.

— Что-то не так.

Веточка треснула неподалеку. В мгновение ока, четыре тени поглотили их, и его желудок подскочил. О, боже, нет. Здесь еще Аэрумы.

Подтянув ее к себе, он знал, что слишком осушен, чтобы драться со всеми четырьмя. В первый раз в своей жизни, он завидовал силе своего брата. Бетани умрет, и все это было его ошибкой. Потому что он был слишком слаб, чтобы защитить ее.

Он держал ее крепче.

— Мне так жаль, — сказал он через их мысленную связь. И он никогда не имел в виду это больше, чем сейчас.

Напрягая плечи, он собрал свои последние силы. Это может быть конец, но никогда никоим образом, он не собирается сдаваться без боя. Он взял бы, так много из ублюдков с собой, как он мог. Он сжал Бетани в последний раз и повернулся к ним.

Вспышка яркого света, ослепляла даже его, и прежде чем сбросить свой человеческий облик, что-то прохладное было помещено ему в шею. Тогда его мир попал в ад. Казалось, что свет разрывается из-под кожи, мышцы тянет, кости щелкают.

Раскаленная огненная боль взорвалась, забирая... забирая все. Его. Зрение. Слух. Все.

Последнее, что он почувствовал, это Бетани, вытянутая из его объятий. И, наконец, чернота разлилась вокруг него волнами, из которых он не мог выплыть, приветствуя его в глубоком небытие, отказываясь, когда либо отпустить его.

Деймон повел плечами, не в силах встряхнуть внезапное напряжение в спине и шее. Как будто он спал не правильно, но он делал все что угодно, но не спал.

— Малыш, ты совсем не обращаешь на меня внимание.

Он глянул на Эш. Она заказала летние платья из Интернета или что-то типа того и устроила маленькое шоу. И в ее нынешнем состоянии одежды он, должно быть, упустил хорошие моменты.

— Извини, — сказал он, протянув руку.

Она качнулась бедрами к нему. Вместо того чтобы взять его за руку, она поднялась на его колени и начала двигаться к нему. Ее рот был всюду... его губы, щеки, горло, ниже.

Обычно он был бы полностью за, тем более, что Эш была сладкой в этот день. Но его мысли... были далеко.

За ее плечом, лунный свет проникал через окно.

Эш замерла, а затем выпрямилась. Ее нижняя губа торчала. Так или иначе, она все еще горячая, как черт.

— Хорошо. Что происходит, потому что ты не на одной волне со мной.

— Извини, я не знаю, просто ощущение, — он не мог объяснить этого потому что не был уверен в том что ощущал. — Это не связано с тобой, клянусь.

Она выглядела так, будто собиралась ругаться, но на удивление не стала.

— Хорошо, ну может... может завтра, мы можем продолжить?

— Да, конечно, — он обхватил ее щеки и поцеловал. — Я позвоню тебе завтра.

Эш собрала свои вещи и ушла. Он откинулся обратно в постель, неожиданно обессилив. Прежде чем он узнал это, он открыл глаза и было уже утро. Черти, он никогда так не вырубался.

Подталкивая себя, он потер глаза и зевнул.

Напряжение в шее и плечах никуда не ушло. Ну, просто отлично.

По дороге вниз он прошел мимо спальни Доусона, дверь была нараспашку, из коридора он мог унюхать розы, что он купил Бетани.

Может, и ему стоит сделать что-то такое для Эш. Погодите-ка.

Деймон толкнул открытую дверь. Очевидно, Доусон не был дома, а он планировал вернуться вчера. Он достал телефон из кармана, но не было никаких сообщений.

— Ди, — он спустился по ступенькам, по три за раз. Она сидела на диване, свернувшись как мячик закутанная в плед. — Ты разговаривала с Доусоном?

— Нет, — она покачала головой, выглядела она уставшей, как собака. — Может, он остался у Бетани.

Всю ночь вместе с родителями, которые дома? Он сомневался в этом. Входя в кухню, он приготовил Ди и себе завтрак. Они ели молча, что было необычно. Ди всегда было о чем говорить.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я чувствую себя разбито.

— То же самое, — и странное чувство в животе, как пучок узлов, продолжало расти и расти. Ничего, что он делал, даже бег, не ослабило этого.

Некоторое время спустя, поздним утром, прямо перед тем как он уже собрался к Бетани узнать там ли его балбес братец, что не позаботился сообщить о том где он, раздался стук в дверь.

Это были офицер Вон и Лейн.

Деймон шагнул назад, даже не говоря. Что-то... что-то ужасное подбиралось к его горлу, через голову.

Офицер Лейн выглядел напуганным.

— Извини, что без предупреждения, но нам необходимо немного твоего времени

Хорошо, они никогда не извинялись до этого. Никогда. Как если бы он двигался в воде, он повернулся к своей сестре. Ее бледное лицо была натянуто. На автопилоте, он встал рядом с ней.

Вон остался у двери, с его острым взглядом. Это был Лейн тот, кто присел кресло и сложил руки вместе.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов о Доусоне.

Его рот стал сухим.

— Зачем?

— Был ли он с девушкой-человеком по имени Элизабет Уильямс — также известной как Бетани и Лиз?

Узлы превратились в кислоту. Если бы ДОД узнало о Доусоне и Бетани? ДОД знало, что Лаксены и люди имели... отношения, хотя это было немного на грани запрещенного — по очевидным причинам.

— Почему вы спрашиваете?

Лейн глянул на Вона и глубоко вздохнул.

— Был ли он с ней вчера вечером?

— Да, — ответила Ди. — Они друзья, почему вы интересуетесь?

— Был инцидент минувшей ночью в Морфилде, — во время паузы всякие ужасные мысли скакали у Деймона в голове. — Мы не знаем, что произошло, но мне жаль, он

ушел. Они оба ушли.

Деймон открыл рот, чтобы заговорить, но его голос пропал. Ушли? В смысле, что они не были там, где ДОД думал, что они были, потому что он не мог иметь в виду ушли навсегда. Он попытался встать, но ноги не слушались.

Его сестра привлекла внимание дрожащим вздохом.

— Он вернется, не так ли? Вместе с Бетани?

Деймон прикусил его десна. Ушли — термин, который люди любили использовать, когда они не могли заставить свой язык сказать слово мертвы. Как будто это слово как-то уменьшало удар.

Выражение лица Вона оставалось бесстрастным.

— Оба они были мертвы. Мне жаль

Деймон не мог поддерживать бесполезную задачу дышать. Он закрывался, каждый мускул, каждую клетку. Рев звук, как низкое рычание, заполняло уши. Его зрение потускнело.

— Нет, — сказала Ди, взывая к нему. Ее руки влетели к ее волосам, дергая хаотично. — Нет. Доусон не умер! Мы бы знали. Он не умер, Деймон! Это не так.

Лейн встал, ощутимо неловко, прочищая горло.

— Я сожалею.

Давление в груди нарастало.

— Отведите меня к моему брату.

— Я сожалею, но...

— Отведите меня к телу брата, немедленно, — его голос потряс людей и стекла, но ему было все равно. — И да поможет мне бог, если вы не сделаете...

Он выступил вперед.

— Я сожалею, но тела вашего брата и человека утилизированы.

— Утилизированы... — он не смог даже закончить предложение, тошнота поднималась. Утилизированы, будто не более чем мусор который нужно вынести. — Убирайтесь.

— Деймон, — сказал Лейн. — Нам правда...

— Убирайтесь. Прочь, — он закричал.

Офицеры не могли бы уходить еще быстрее.

Деревянный пол содрогнулся у него под ногами, как закатившийся вопль, сопровождавший его движения. Дом скакал на его основании. Гремели окна. Фотографии попадали со стены, разрушаясь, при встрече с трясущимся полом Мебель опрокинулась и в других местах в доме, больше вещей, падало. Ему было все равно. Он уничтожит все. У него ничего не осталось без брата... Ди. О, Боже. Ди.

Деймон направился к сестре. Но обнаружил, что его ноги не хотели идти дальше.

Он остановился, согнувшись в талии, будучи перевернут волной боли в его нутре.

Не его брат. Он не мог постичь то, что только что произошло. Ты не просыпаешься и все вокруг нормально только, чтобы узнать, что вся твоя жизнь рухнула в считанные секунды.

— Пожалуйста, нет, — шептала Ди. — Нет. Нет. Нет.

Он знал, что ему нужно собраться ради сестры, но ураган образовался внутри него.

Все о чем он мог думать это день на кухне. Он, обнимающий Доусона, это не мог быть последний раз, когда они обнимались. Нет... нет.

Деймон ломал голову. Когда в последний раз, он видел Доусона? Вчера? Он ел миску хлопьев Фрутти лупс. Смеялся. Счастливый.

Последний раз приобрел совершенно новый смысл.

Подняв взгляд, он увидел, что Ди была размыта. Либо она теряет власть над собой или он сам. Плакал ли он когда-нибудь раньше? Он не мог вспомнить.

Она, казалось, покачнулась, и он взметнулся к ней, ловя ее, прежде чем она упала, но затем они оба упали на пол, держа друг друга. Деймон повернул голову к потолку, выпуская неземной рев, который, безусловно, преодолел звуковой барьер, снова встряхивая дом. Окна гремели, а затем выбились на этот раз. Позвякивание падающего стекла разрезало слух, как далекие аплодисменты.

А потом были рыдания Ди. Душераздирающие рыдания ломали ее стройное тело и трясли его. Звук разбивал его сердце. Она продолжала щелкаться и из ее естественной формы, разваливаясь в его руках.

Доусон не вернется. Его брат не войдет в эту дверь больше никогда. Не будет больше марафонов "Призрачный Следователь". Не будет больше дразнилок с Ди по поводу того, кто съел последнее мороженое. И не будет больше никаких споров из-за человеческой девушки.

Человеческая девушка.

Доусон зажег ее, как маяк, который привел Аэрума прямо к Доусону. Это было единственное объяснение. Скалы защищают их и в Мурфилде. Аэрум, должно быть, заметил Бетани...

Никогда в жизни он не ненавидел людей более, чем он ненавидел их тогда.

Печаль и гнев прорывались через него, когда его свет красно-белый загорелся.

Слезы Ди просачивались сквозь связь, ее отрицающий шепот, и боже, он бы отдал свою собственную жизнь в тот момент, чтобы забрать ее боль и потерю.

И изменить некоторые из последних слов, что он сказал своему брату. Ты собираешься нарваться на ее смерть. Почему он не сказал, что любит его? Нет. Вместо этого он сказал то, что сказал. Страдание расщепляло его душу, потонув глубоко, как горячий, зазубренный нож.

Его голова упала на плечо сестры, и он зажмурил глаза. Слезы все еще сочились обжигающе горячие по его теперь светящимся щекам. Свет мерцал вокруг всей гостиной, отбрасывая странные тени двух контуров ютившихся на полу вместе.

Доусон был мертв из-за него, потому что он не предупредил своего брата достаточно, не остановил отношения, прежде чем они вышли из-под контроля. Он был мертв, из-за человеческой девушки. И это была ошибка Деймона. Он не сделал достаточно, чтобы остановить его.

Он сжал свою сестру сильнее — последняя из его семьи, и поклялся никогда больше! Никогда больше он не позволит человеку причинить вред его семье. Никогда больше!

Деймон не потеряет свою сестру, независимо от того, что он должен будет сделать, чтобы защитить ее.

Благодарности

Блаблабла от автора. Нет, ну вдруг кто-то это читает.

Во-первых, я хочу поблагодарить свою команду в Entangled Teen, особенно Лиз Пиллеттиер и ее сумасшедшие редакторские навыки. Спасибо Кеван Лион, что он как обычно отличный агент. Огромное спасибо моим крит / бета напарникам: Лесе, Джули, Кариссе и Синди. Вы, ребята, Фантастическая четверка потрясающего. Я не смогла бы сделать ничего из этого без поддержки моей семьи и друзей.

И еще, большое спасибо Pene и Sztella за их невероятную красоту, что сделало обложки очень крутыми.

notes

Примечания

1

Парка — длинная тёплая куртка, как правило, с капюшоном.

Министерство Обороны

Телевизионная американская программа, где вручают награды шеф-поварам, ресторанам и другим "пищевым" заведениям.

Передача о людях, которые имеют нездоровую тягу к собиранию ненужных вещей. Русского аналога такой передачи нет.

Капитан Планеты — герой американского мультсериала, магическая сущность, которая появляется в тот момент, когда остальные персонажи общими усилиями призывают его.

Имеется в виду, что это не его город, он не привык к такому климату.